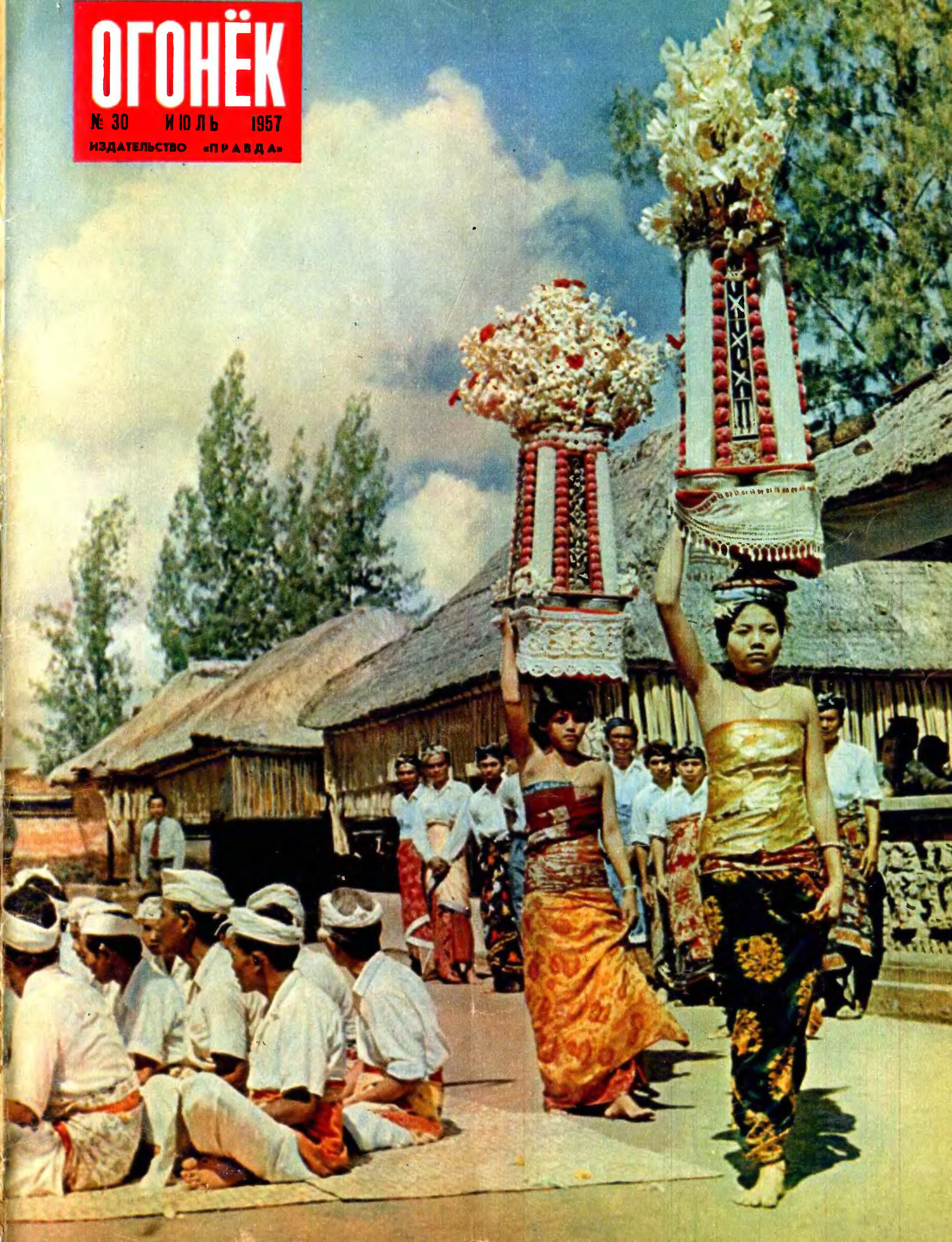

ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Артель «Хохломская роспись», Семеновского района, Горьковской области, подготовила около трехсот видов различных изделий — подарков участникам VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Художницы артели Валя Кирьякова и Мария Агафонова просматривают готовые изделия.

Фото Н. Капелюша.

На первой странице обложки: Индонезия. Остров Бали. Традиционный праздничный обряд.

Фото Дм. Бальтерманца.

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
№ 30 (1571)
21 ИЮЛЯ 1957
35-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

САМЫЕ БЛИЗКИЕ ДРУЗЬЯ

Советскую Партийно-правительственную делегацию ждала вся Чехословакия, весь ее талантливый, трудолюбивый, монолитно сплоченный народ. Приезд посланцев Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства превратился в многодневный праздник. Будь то большой город или затерянное в горах маленькое селение — все оделось в полотнища знамен, транспаранты, тысячи больших и малых флажков и неисчислимое количество цветов.

Встретить делегацию по пути ее следования выходил стар и млад; площади, на которых состоялись митинги, были до отказа заполнены ликующим народом. В речах, которые произносились на трибунах, в дружеских беседах выражались чувства братской любви, идущие от всего сердца. Трудовой народ Чехословакии на фабриках и заводах, на полях сельскохозяйственных кооперативов отмечал приезд советской делегации новыми производственными успехами, обязательствами досрочно выполнить производственный план к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Многие газеты и радио капиталистического мира оказались в полной растерянности. Вначале они строили всякие коварные догадки, стремясь вбить клин между народами социалистического лагеря. Их неуклюжие домыслы рухнули. Между коммунистическими партиями и народами Советского Союза и Чехословакии не было, нет и не будет никаких разногласий и шероховатостей. Их дружеские отношения не нарушались ни на один миг. Эти отношения покоятся на незыблемой основе — общности марксистско-ленинской идеологии и единстве целей, к которым идут народы двух стран. Это со всей яркостью и полнотой подтверждают дни пребывания советской делегации в Чехословакии.

Попав впросак, многие борзописцы из капиталистической прессы стали изощряться в клевете насчет так называемых «организованных приветствий» членам советской делегации. Жалкие потуги! Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии товарищ Антонин Новотный, отметая грязные выдумки врагов социалистического лагеря, сказал:

— Можно вывесить флаги, можно созвать митинг, но нельзя организовать улыбку на лицах людей, улыбку, выражающую радость и счастье встречи.

Искренностью, задушевностью, простотой отмечена встреча посланцев советского народа с народами Чехословакии. На заводе ЧКД-Сталинград в Праге или в Институте сварки в Братиславе, в кооперативе села Хынь или в цехах завода имени Ленина в Пльзене — всюду завязывались непринужденные беседы между рабочими, крестьянами, учеными, инженерами, артистами и членами советской делегации.

Отведав хлеба, поднесенного крестьянками Галиной Доубровавой и Анной Пицковой при встрече в сельскохозяйственном кооперативе села Хынь, Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин вместе с Антонином Новотным, Вильямом Широким и членами советской делегации садятся в брички, запряженные парами добрых коней, и отправляются смотреть кооперативные поля. А через полчаса, выслушав рассказ зоотехника Антонины Кратка о надоях молока, Никита Сергеевич рассказывает ей и дояркам о том, как в Советском Союзе не только колхозы, а целые районы и области круто повысили надой молока и что важную роль в этом сыграли корма.

В беседу на скотном дворе включаются председатель кооператива Ладислав Райтора и агроном Франтишек Когоут. Тема беседы — корма.

— Сельское хозяйство — это комплекс, — замечает товарищ Хрущев. — Нужно, чтобы все культуры приносили хороший урожай.

Восьмиклассник Георгий Урбан, выждав удобный момент, просит Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина поставить подписи в его альбоме.

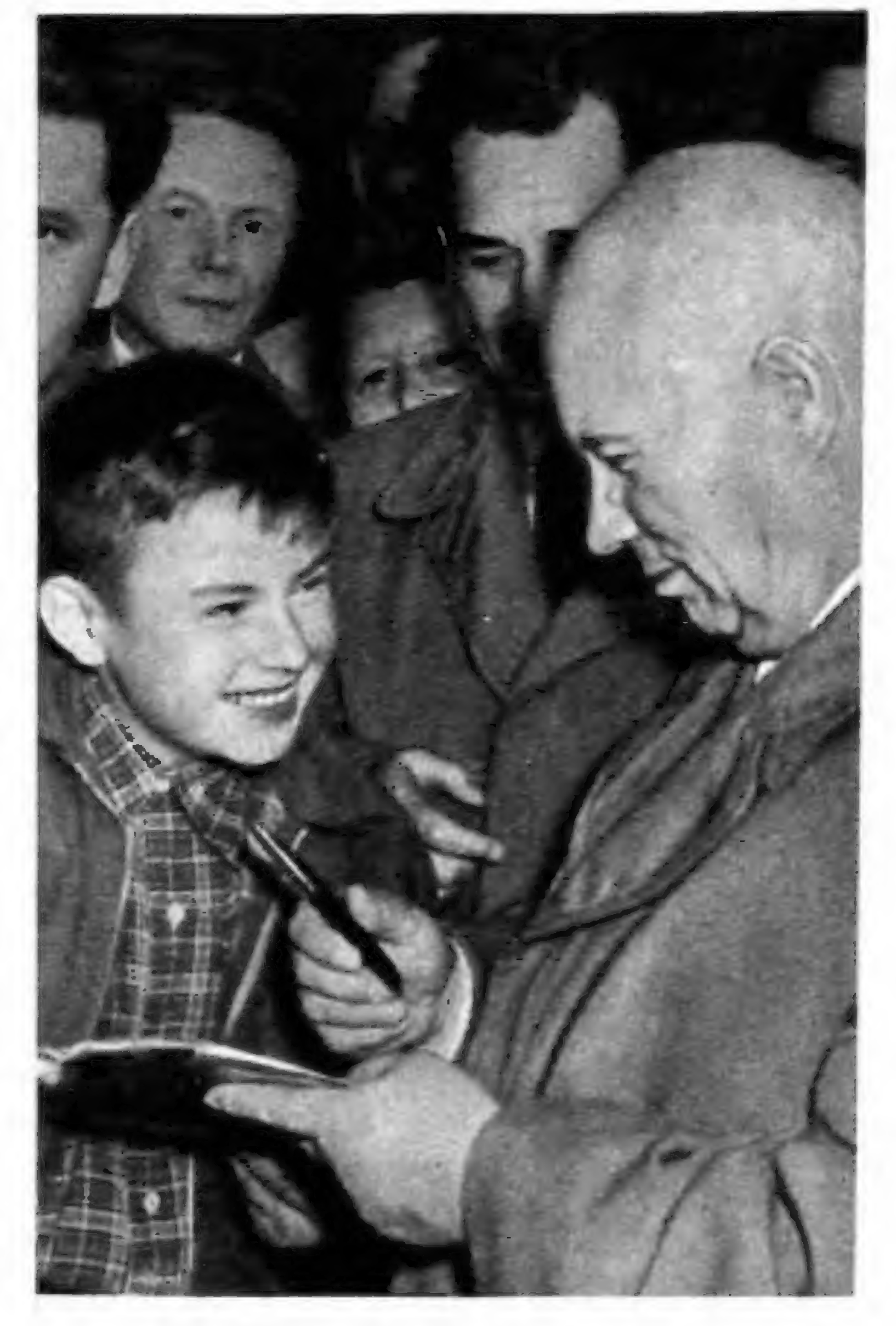
За обеденным столом Никита Сергеевич, поблагодарив хозяев

Прага. 16 июля. Митинг на Староместской площади.

На заводе ЧКД-Сталинград.

Георгий Урбан берет автограф у товарища Н. С. Хрущева.

Товарищи Н. С. Хрущев и А. Новотный в сельскохозяйственном кооперативе Хынь.

за радушие и сердечность, сказал:

— Кооператив ваш, видимо, крепкий. Пшеница у вас хорошая, картофель, сахарная свекла и ячмень тоже. Но вот люцерна... Она у вас четвертого покоса, поэтому сильна изреженность... Две тысячи семьсот литров молока от коровы в год для хорошего кооператива маловато. Если ваших коров, я их видел только что, хорошо кормить, они дадут и по пять тысяч литров.

В столицу Словакии Братиславу советская делегация прибыла самолетом. Сто двадцать тысяч человек собралось на площади Клемента Готвальда.

«С Советским Союзом на вечные времена!», «Слава Коммунистической партии Советского Союза!», «Да здравствует мир!» — скандируют тысячи людей, когда товарищи Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, другие члены делегации и сопровождающие их лица поднялись на трибуну. В центре огромной площади в первом ряду взметнулся над головами алый транспарант. На нем написано: «Красноармейцы 1917—1922 гг. поздравляют представителей Советского Союза». Эти люди вместе с сынами молодой Советской республики отстаивали дело Великого Октября, дело социализма. Площадь бурно приветствует ветеранов, бок о бок с советским народом боровшихся за торжество Октября.

Первый секретарь Братиславского горкома партии Йована Герцкова, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Словакии Карол Бацилек, рабочий завода имени Георгия Димитрова Иван Михалидес, председатель единого сельскохозяйственного кооператива «Белый костол» Франтишек Адамек и рабочий машиностроительного завода имени 9 Мая Эммануил Колла, приветствуя делегацию, рассказывают о больших победах народов Словакии, живущих в братской семье народов своей республики. Они передают горячие чувства уважения и любви к Советскому Союзу. Горячо, с восторгом встречает вся масса собравшихся слова Франтишека Адамека:

В Братиславе на кладбище Славин после возложения венков.

«Передайте привет советским колхозникам и скажите им, что мы желаем им больших успехов в борьбе за то, чтобы перегнать Америку по производству мяса, молока и масла. Мы убеждены, что они выполнят эту задачу».

Сто двадцать тысяч словаков пели международный пролетарский гимн «Интернационал».

— Теперь по всему течению Дуная вплоть до самого Черного моря народы поют этот гимн, поют, как хозяева своей жизни,— сказал, утирая слезы, стоявший рядом со мной братиславец.

В Словакии бурно расцветает промышленность, на ее территории за последние годы построены десятки крупных предприятий и новых гидроэлектростанций. Словакия стала индустриальной. Гордится Словакия своими успехами в сельском хозяйстве, в культуре и науке. Пожалуй, особенную гордость составляет Институт сварки в Братиславе. Лаборатории института расположены в новых, прекрасно оборудованных зданиях. Институт успешно разрабатывает конструкции приборов для автоматической сварки, сварки цветных металлов, пластмасс. Основатель и руководитель института академик Иозеф Чабелка сообщает об оборудовании института, характере его научных работ. В одной из лабораторий о достижениях института рассказывает молодой инженер Ева Малиновская.

— Вы очень хорошо говорите по-русски, — улыбаясь, замечает Н. С. Хрущев.

— Я же училась в Ленинграде,— отвечает Ева Малиновская.— У нас в стране много специалистов получило высшее образование у вас в Советском Союзе. Там я и изучила русский язык.

В книге почетных гостей Института сварки осталась памятная запись:

«Партийно-правительственная делегация Советского Союза с большим интересом ознакомилась с работой вашего института, внесшего много нового и интересного в процесс сварки. В ваших достижениях наглядно выражается уровень развития науки и техники Чехословакии».

Вечерние часы Партийно-правительственная делегация Советского Союза провела среди актива столицы Словакии, присутствовала на концерте национальной песни и танца и участвовала в теплой, задушевной беседе у костра.

Утром 13 июля советская Партийно-правительственная делегация разделилась на две группы. Одна, возглавляемая Н. С. Хрущевым, самолетом отправилась в Остраву — промышленное сердце Чехословакии, вторая, возглавляемая Н. А. Булганиным, на автомашинах — в большой промышленный город Брно.

Вся Острава — город шахтеров и металлургов — вышла на улицы, заполнила часть аэродрома и обочины дорог на долгом пути вплоть до цехов металлургического комбината, с рабочим радушием приветствуя делегацию. «Привет вам, дорогие друзья!» — написано на полотнищах, перекинутых через улицы. Лозунги и плакаты на каждом доме, в каждом окне. В одном окошке я увидел написанные на большом листе бумаги явно детской рукой русские слова: «Здравствуйте вам!»

На металлургическом комбинате имени Клемента Готвальда советская делегация видела прекрасную работу автоматизированного блюминга и поковочного пресса в двенадцать тысяч тонн. Н. С. Хрущев интересовался, насколько обеспечен завод заказами. После осмотра блюминга Никита Сергеевич подошел к молодому рабочему и спросил, сколько ему лет, кем работает. Вацлаву Мусалеку оказалось всего шестнадцать лет, работает он монтером и одновременно учится в техникуме. Тут же оказался и отец юноши — Ольдржих Мусалек. Он тоже электромонтер и тоже учится.

— Это хорошо,— замечает Никита Сергеевич, поздравляя отца и сына.— Сын учится, и отец учится. Желаю вам успехов.

Много таких бесед с рабочими состоялось в этот день. После большого митинга на центральной площади делегация поехала в новый жилой район Остравы, поселок Поруба, где живет тридцать тысяч горняков и металлургов. Недавно еще здесь был пустырь, а теперь многоэтажные корпуса, построенные новым, скоростным методом. Квартиры в них удобны и просторны.

Никита Сергеевич интересовался здесь блочной сборкой домов, темпами строительства. Н. С. Хрущев, А. Новотный, О. И. Иващенко зашли в квартиру инженера-машиностроителя Владимира Штерба. Семья его — из четырех человек: жена и двое детей. В квартире три просторные комнаты, хорошо оборудованная кухня, много света. Хозяева рассказали, что такая квартира обходится им дешево,— квартирная плата составляет семь процентов заработка инженера...

Делегация осмотрела выставку подарков, приготовленных жителями города и области в дар советским людям. Для пионеров Советского Союза построен небольшой электропоезд. Особое внимание привлек комплект оборудования кухни, сделанный из тонкой жести. Товарищи Хрущев и Иващенко внимательно осматривают шкафчик, миски, кастрюли, разные приспособления, облегчающие труд хозяйки.

За легкими перегородками выставлено оборудование школьного класса, сельского красного уголка, которые тоже будут отправлены в дар советскому народу.

Исключительное волнение вызвал особый дар жителей Остравы жителям города Сталинграда. Эти два промышленных центра давно поддерживают дружескую связь, и теперь жители Остравы приготовили комплекты одежды и принадлежностей для новорожденных детей.

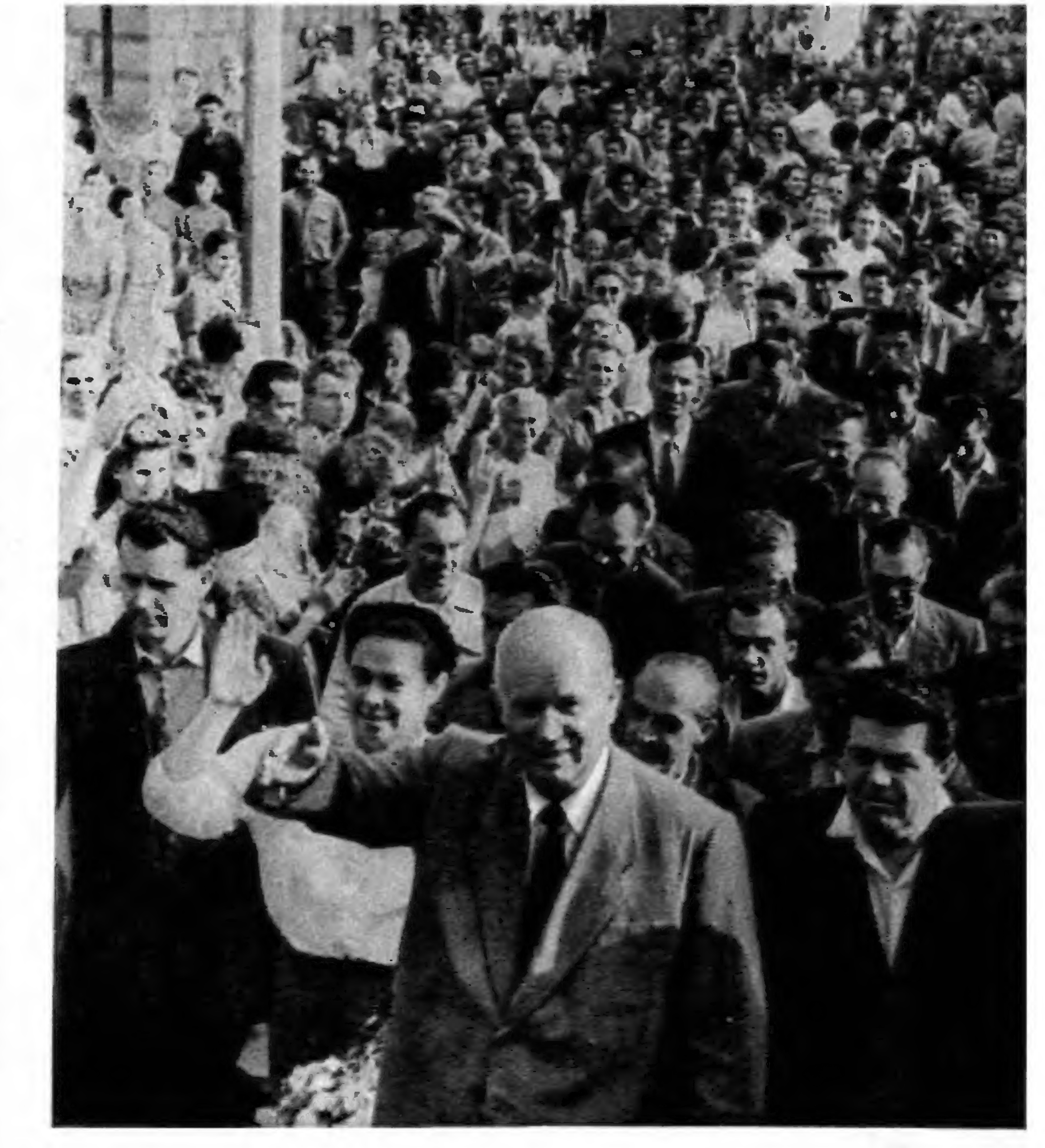
— Эти комплекты будут вручены детям Сталинграда, которые родятся сегодня, 13 июля 1957 года, в день посещения вашей делегацией нашего города,— объясняет первый секретарь Остравского областного комитета Коммунистической партии Словакии Коларж.

Через несколько часов Никита Сергеевич познакомился с пионерами из Сталинграда, приехавшими на отдых в Остраву.

— Волги здесь нет,— шутит Никита Сергеевич, беседуя с ребятами.— Но зато горы, красивые горы, чего нет у вас, в Сталинграде. Желаю хорошего отдыха.

Воскресный день советская делегация провела в красивейшем уголке Чехословакии — в Ланах. Советские журналисты, сопровождавшие делегацию, по приглашению чехословацких журналистов ездили в замок Глубокое, на юг страны, за 170 километров от Праги. И здесь, на юге, города и села одеты в кумач, и здесь лозунги и плакаты приветствуют советских гостей.

В понедельник, 15 июля, снова разбившись на две группы, делегация посетила Пльзень и Мост,

В новом поселке Поруба, в Остраве.

Н. С. Хрущев прощается с рабочими металлургического комбината имени Готвальда в Остраве.

Н. С. Хрущеву подносят хлеб-соль у Пражской ратуши.

Товарищи Н. А. Булганин, О. И. Иващенко и И. Т. Гришин на шахте «Обранце миру» (защитники мира) Северочешского буроугольного бассейна.

Подписание Коммюнике о пребывании Партийно-правительственной делегации Советского Союза в Чехословацкой Республике.

побывала на предприятиях этих городов.

Площадь Пльзеня до отказа заполнена народом, рабочими этого крупного центра машиностроения Чехословакии. По нескольку минут скандируются слова привета, раскатами бьет в стены древней площади могучее «ура!»

Члены советской делегации товарищи Н. С. Хрущев, Н. С. Патоличев, В. В. Гришин в сопровождении товарища А. Новотного и других руководящих деятелей Чехословакии побывали во многих цехах завода имени Ленина. Это огромное предприятие, занявшее большую территорию, оснащено передовой техникой, работают здесь мастера высокого класса. Завод готовит самое различное оборудование для нужд промышленности Чехословакии и других стран. Только в текущем году завод выполняет советские заказы на оборудование общей стоимостью около семидесяти миллионов рублей; здесь промышленные и магистральные электровозы, силовые трансформаторы, крупные расточные станки, коленчатые валы для дизелей, прокатное оборудование, гидравлический пресс в шесть тысяч тонн. Рабочие показывают прессы, которые они готовят для Китая, Болгарии и других стран.

В литейном цехе к Н. С. Хрущеву и А. Новотному подходят двое рабочих с глиняными кувшинами.

— Приветствуем вас, дорогие друзья. Жарко у нас в цехе, просим утолить жажду. Наше пльзенское пиво.

— Пльзенское пиво славится,— говорит Никита Сергеевич.— Спасибо за угощение!

Члены делегации подходят к станкам, беседуют с рабочими о технологии, интересуются их заработком, жилищными условиями. Слесарь Ф. Шима охотно рассказывает о своей работе, о семье. Он гордится тем, что жизнь становится лучше, например, квартирная плата сравнительно с прошлым временем значительно снижена.

— Вот это хорошо,— замечает Н. С. Хрущев,— а то в Финляндии, например, квартплата составляет очень большую часть заработка.

Рядом с пожилым Ф. Шима у верстака стоит молодой слесарь Ярослав Жигана.

— Познакомимся,— говорит Никита Сергеевич.— Мне было примерно столько же лет, сколько сейчас вам, когда я был слесарем.

Ярослав Жигана просит передать привет молодым советским металлистам.

* * *

16 июля состоялось подписание Коммюнике о пребывании Партийно-правительственной делегации Советского Союза в Чехословацкой Республике, а в полдень трудовая Прага провожала гостей. На Староместской площади, у памятника Яну Гусу, около древней ратуши собрались пражане, чтобы сказать советской делегации: «До новых радостных встреч!»

— Трудно выразить словами, дорогие друзья, те волнующие чувства, которыми переполнены сердца каждого из нас, членов делегации, когда мы стоим сейчас здесь, среди многих десятков тысяч наших дорогих друзей, в городе, близком и дорогом каждому советскому человеку,— сказал Н. С. Хрущев.

Л. КУДРЕВАТЫХ
Фото Я. РЮМКИНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

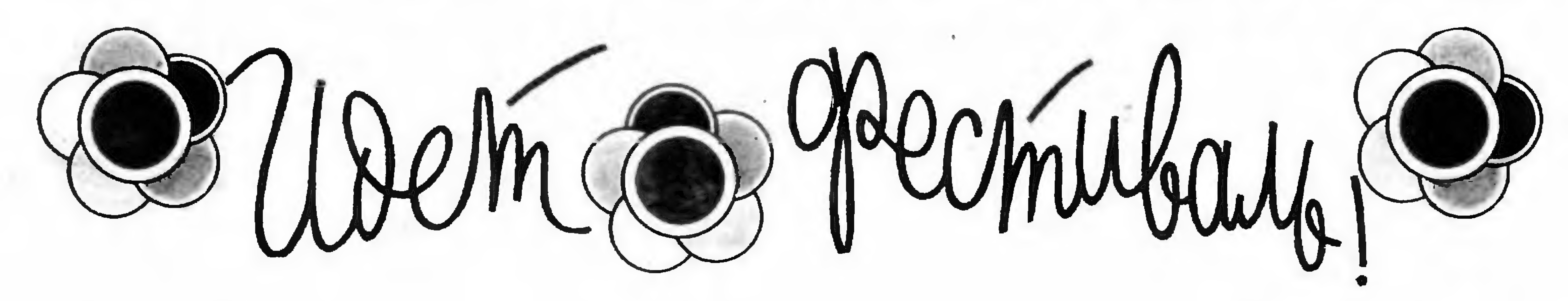
Москва, Дворец спорта. Митинг трудящихся столицы, посвященный дружбе народов Советского Союза и Чехословакии.
Фото А. Новикова.

«Улица сувениров» в ГУМе.

Уголок фестивальной Москвы.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Идет фестиваль!

Широкой и вольной походкой идет он по странам и континентам, шагает через моря и океаны. Стучат колеса вагонов. Летят самолеты. Гудят моторы автомобилей. Вспенивают волны пассажирские корабли. Скорей! Скорей!

Уже пересекли советскую границу многие делегации — едут!

На газетных страницах, в проходных заводов, в районах комсомола, на фронтонах зданий, в вестибюле Подготовительного комитета — всюду, где вывешены «фестивальные календари», срываются их последние листки.

В Москве идут последние приготовления к фестивалю. Улицы одеваются в праздничный наряд, и все, что заготовили художники, торопливо извлекается из мастерских, со складов, из цехов и водружается на фронтоны зданий, на заводские корпуса, вторгается в город пестротой флагов, вымпелов, панно, картин, цветов и голубей.

Во многих местах Москвы и в ее окрестностях подготовлены для делегатов фестиваля гостиницы и общежития, столовые, буфеты, ателье, туристские базы, залы встреч, стадионы. В клубах и дворцах культуры установлены сотни специальных кабин для трехсот переводчиков — они будут переводить дискуссии, лекции, беседы, выступления на встречах по профессиям и интересам.

В Институте международных отношений, в лаборатории устной речи, застаем большую группу переводчиков, упорно тренирующихся в быстром и четком переводе с русского на английский, французский, итальянский, китайский и другие языки. Заведующий лабораторией Ю. А. Егоров включает «батарею» магнитофонов; через широкое стекло в стене он видит, как молодые переводчики, заполнившие зал, расходятся по кабинам. Слушая чтение преподавателя М. С. Меньшовой, они немедленно, тут же делают устный перевод. В это время магнитофоны записывают голоса Серафимы Шифриной, приехавшей работать на фестивале из чебоксарского педагогического института, преподавателей английского языка московских школ Ирмы Постовой, Марка Дубровина, переводчицы Киностудии имени М. Горького Лидии Сенновой и их товарищей. Урок окончен. Все слушают запись на пленке, ловят свои ошибки, неточности.

В Подготовительном комитете фестиваля любопытную справку дал нам Владимир Попов. Всего на фестивале будет работать 7 тысяч переводчиков. Но даже такая армия людей, знающих различные языки, на которых говорят 140 делегаций — 30 тысяч человек, — не сможет обслужить всю огромную массу участников фестиваля. Тысячи и тысячи молодых москвичей настойчиво изучают с помощью центральной студии телевидения «фестивальный разговорник».

— Я уже знаю пятьдесят английских слов,— говорит токарь автозавода Иван Мелехов.— Это, конечно, мало, но есть язык жестов, мимики, есть язык сердца, и я уверен, что пойму своих новых друзей.

— О делегатах фестиваля, о том, как много они видели и танцевали, я, пожалуй, узнаю безо всякого языка,— широко улыбаясь, говорит сапожник Валерий Садведдинов.— О них мне расскажут сбитые подметки и каблуки. Наша новая,

Молодые переводчики тренируются.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК ПОЛЬСКОГО НАРОДА

Освобождение Люблина. Население восторженно встречает победоносные советские войска.

Трогательной и торжественной была эта минута: форсировавшие Буг части 1-й Польской армии, окруженные встречавшими их крестьянами, выстроились на берегу, сняли полевые конфедератки и запели «Роту» (военный гимн-клятва, написанный великой польской поэтессой-демократкой Марией Конопницкой).

Слезы текли по лицам поляков — и солдат, что сражались в составе Советской Армии, пройдя боевой путь до родной земли с оружием, полученным в дар от советского народа, и крестьян, что вынесли за долгие пять лет тяжкие муки под пятой фашистских захватчиков. С сочувствием и уважением смотрели на эту знаменательную встречу земляков суровые и мужественные советские бойцы — ветераны боев под Москвой, Сталинградом и Курском. Им были понятны и эти слезы, и это волнение, и эта радость освобождения. Кровь и слезы, горе и смерть, пожарища и разрушения принесли фашисты на советскую землю. Теперь захватчики были изгнаны с советской земли. Наступила новая фаза войны — предстояло оказать помощь измученному гитлеровской оккупацией братскому польскому народу...

С тех пор прошло тринадцать лет. Чудесные изменения произошли в Польше, которая навеки стала народной, подлинно независимой и суверенной. Неизмеримо выросла ее экономическая мощь: с 17-го места в Европе, которое она занимала до войны по уровню промышленного производства на душу населения, она переместилась на пятое. Благодаря помощи Советского Союза народная Польша крепко стала на море: свыше 500 километров побережья Балтики снова вошло в границы польского государства. Польская Народная Республика занимает надлежащее место в ООН, она имеет дипломатические отношения почти со всеми государствами мира, ее представители участвуют в решении больших международных вопросов. Страна укрепляет свой народно-демократический строй и уверенно идет по пути социалистического строительства.

Первая польская газета «Свободная Польша» на первых освобожденных Советской Армией территориях Польши.

Фото ЦАФ.

22 июля — в день Национального возрождения — поляки и мы, их соседи и друзья, вспоминаем исторический день, когда в 1944 году в Хелме был торжественно провозглашен Манифест Польского комитета национального освобождения к народу о совместной борьбе Польши и Советского Союза против фашистских оккупантов. Память об этих днях мы храним нерушимо, как нерушима с тех пор советско-польская дружба.

Я. НЕМЧИНСКИЙ

17 июля в Москву прибыл король Афганистана Его Величество Мухаммед Захир шах. Вместе с королем прибыл заместитель Премьер-Министра и Министр иностранных дел Афганистана Его Высочество Сардар Мухаммед Наим.

Приезд афганских гостей в СССР является продолжением личных контактов, установленных между государственными деятелями СССР и Афганистана во время поездки товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Афганистан в декабре 1955 года и визита в СССР Премьер-Министра Афганистана Мухаммед Дауда в октябре 1956 года.

На снимке: встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

Карьера «Кретинетти»

Перед вами не кадр из итальянского фильма — это фотография когда-то известного киноартиста Еудженио Велотти — «Кретинетти», блиставшего в итальянских фильмах рядом с Лидией Борелли и Франческой Бертини.

Советские зрители знают «Кретинетти» по фильму «На окраине большого города», где он играет роль обездоленного старика. Теперь артист вынужден «играть» эту роль и в жизни. Объектив фотографа застал его на улице просящим милостыню...

Р. ЗАМКОВА

Фото из итальянской газеты «Паэзе серра».

Суд над Артуром Миллером

В середине мая в Вашингтоне начался процесс по делу известного американского драматурга Артура Миллера, который недавно признан виновным в «оскорблении конгресса США».

Имя Артура Миллера известно далеко за пределами Соединенных Штатов. Его перу принадлежит целый ряд драматургических произведений. За пьесу «Смерть коммивояжера» («Человек, которому так везло») он был удостоен премии Пулитцера. Наряду с этой пьесой мировую известность А. Миллеру принесли такие его пьесы, как «Все мои сыновья» и «Суровое испытание» («Салемские колдуньи»).

Судебное дело возбуждено палатой представителей конгресса США.

В чем же вина Артура Миллера?

«Свидетель» обвинения Ричард Эренс, подвизающийся в настоящее время на посту председателя «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», заявил, что Артур Миллер якобы состоял в Коммунистической партии США с 1943 и по крайней мере до 1947 года.

Адвокат, защищающий писателя, в ответ на это зачитал выдержку из показания А. Миллера, сделанного в комиссии под присягой. «Я не член коммунистической партии,— показывал Миллер.— Я никогда не подчинялся ее дисциплине и... не был никогда членом коммунистической партии».

Очевидно, истинные цели обвинения Артура Миллера станут яснее, если обратиться к творчеству выдающегося современного драматурга. В частности, в своей последней пьесе, «Вид с моста», он клеймит позором систему наемного лжесвидетельства, подлогов и клеветы, которая вот уже много лет насаждается реакционными кругами в Соединенных Штатах.

Л. ПАВЛОВ

Джозеф Маккарти: Кто сказал, что я уже умер? Карикатура Викки из газеты «Дейли миррор».

Находящийся в Москве выдающийся государственный деятель Республики Индонезии Али Састроамиджойо 17 июля нанес визит председателю исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся Н. И. Бобровникову.

На снимке: Н. И. Бобровников и Али Састроамиджойо.

Фото Е. Умнова.

Первые часы китайской молодежной делегации в Москве.

— Имейте в виду,— предупреждает шеф-повар И. Галактионов своих помощниц Валю Зиновьеву (слева) и Марию Бурову,— мы должны вкусно и хорошо угощать немецкую делегацию!

— Танцуйте, гуляйте, дорогие гости,— говорит сапожник Валерий Садведдинов. — Если истреплются подметки, восстановим.

только что организованная сапожная мастерская комбината № 21 в одном из «городков гостиниц» будет обслуживать иностранных гостей. В мои руки попадут десятки ботинок тех, кто отобьет подошвы на танцевальных площадках, бесчисленных экскурсиях и прогулках. Пусть танцуют и гуляют! За одну ночь восстановим их обувь.

В гостиницах «Турист», «Золотой колос», «Восток» и других будут жить тысячи гостей. К их встрече все готово. Блестят полы, сверкают люстры, белеет накрахмаленное белье, источают ароматы букеты цветов.

Заведующая бюро обслуживания гостиницы «Турист» М. А. Малая показывает на таблицы, написанные на шести языках, и сообщает, что в десятках таких бюро любой гость может получить любую справку.

— Где будут питаться гости? — тотчас просим дать нам справку.

— Столовых будет очень много. Сейчас специально построены двадцать две сборно-разборные столовые под тентами.

Автор проекта удобных, легких и красивых летних столовых В. А. Лукьянов знакомит нас с целым шатровым городком. На просторных площадках на металлических каркасах натянуты полосатые тенты. В каждой такой столовой ежедневно будет питаться пятьсот человек, а всего в «полотняных столовых» — одиннадцать тысяч делегатов.

Столовые оснащены новейшим оборудованием. Кухни электрифицированы и газифицированы, установлены новейшей конструкции газоварочные котлы и мармиты — прилавки для подогрева готовой пищи. Во всех столовых кормить дорогих гостей будут лучшие кулинары.

— У нас уже все готово,— сообщает тридцатилетний шеф-повар столовой № 4 комбината гостиниц ВСХВ И. И. Галактионов.— В нашей столовой будут питаться друзья из ГДР. Мы сделаем все, чтобы они остались довольны работой нашего коллектива.

Нет сейчас такого участка в Москве, где не готовились бы к празднику. В районе Останкино, среди чарующей зелени, тяжелые катки ровняют горячий асфальт. На Манежной площади воздвигают декоративные сооружения. На Гоголевском бульваре готовятся к тому, чтобы превратить его в место встреч любимых героев мировой литературы. Тверской бульвар и Пушкинская площадь скоро волшебно станут миром сказок, а площадь Революции и Охотный ряд — царством искусства. Под стеклянными сводами ГУМа уже открылась «улица сувениров» — место красивых и забавных подарков. Фестиваль даст новые названия многим улицам Москвы—будут улицы Мира, Труда, Дружбы, Счастья, Пяти фестивалей, появится проспект Согласия.

Много будет в Москве цветов — для 500 тысяч букетов, предназначенных гостям, подготовлено восемь миллионов роз, левкоев, ромашек, анютиных глазок, колокольчиков и лилий. Ими можно застелить в 55 слоев всю Красную площадь. Цветы гостям выращивают в оранжереях, городских парках, на пришкольных участках, в парках культуры и отдыха, в домовых дворах. Мы заглянули в детский парк Фрунзенского района в ту пору, когда там работали в цветниках пионеры. Черноглазая Наташа Казенова из 339-й школы, подруги Люба Ветрова и Валя Давыдова из 23-й школы, серьезный, наголо остриженный Миша Курочкин, веселая и деятельная Таня Романюк, Галя Зеленова и их друзья по кружку юных натуралистов решили вырастить цветы для ста букетов.

— Мы все понесем цветы гостям,— радостно говорит нам Женя Фавр,— а многим пионерам посчастливится выпустить в день открытия фестиваля голубей.

Для фестиваля — новые автомобили и автобусы, костюмы, открытки, почтовые марки, значки, сувениры. Все делается с невиданным размахом, быстро, горячо. Если работают художники, то их тысячи, если трудятся плотники, монтажники, слесари, токари, электрики, их десятки тысяч. Даже вдали от Москвы увидишь, как выполняют заказы фестиваля. Вот зеленые берега канала имени Москвы, голубой залив, белизна пароходов, и среди них совершенно необычайные суда: на одном — головы коней, на другом — ощерилась гигантская пасть крокодила, на третьем — поднялись паруса.

Около удивительно декорированных судов проплывают острокрылые яхты и шлюпки, десятки людей с любопытством рассматривают то грозную крокодилью пасть, то гигантские цветы, то разноцветные флаги.

— Нам поручено, — объясняет главный инженер Хлебниковской ремонтно-эксплуатационной базы флота С. В. Крылов,— построить праздничную флотилию судов, которая войдет в Москву-реку и встанет на якорях около Центрального парка культуры и отдыха. Художники «Мосфильма» под руководством В. Г. Храповицкого создали интересные проекты оформления судов. На них будут выступать оркестры, концертно-танцевальные коллективы. Шесть крупных деревянных больших барж превращаются в плавучие клубы и танцплощадки.

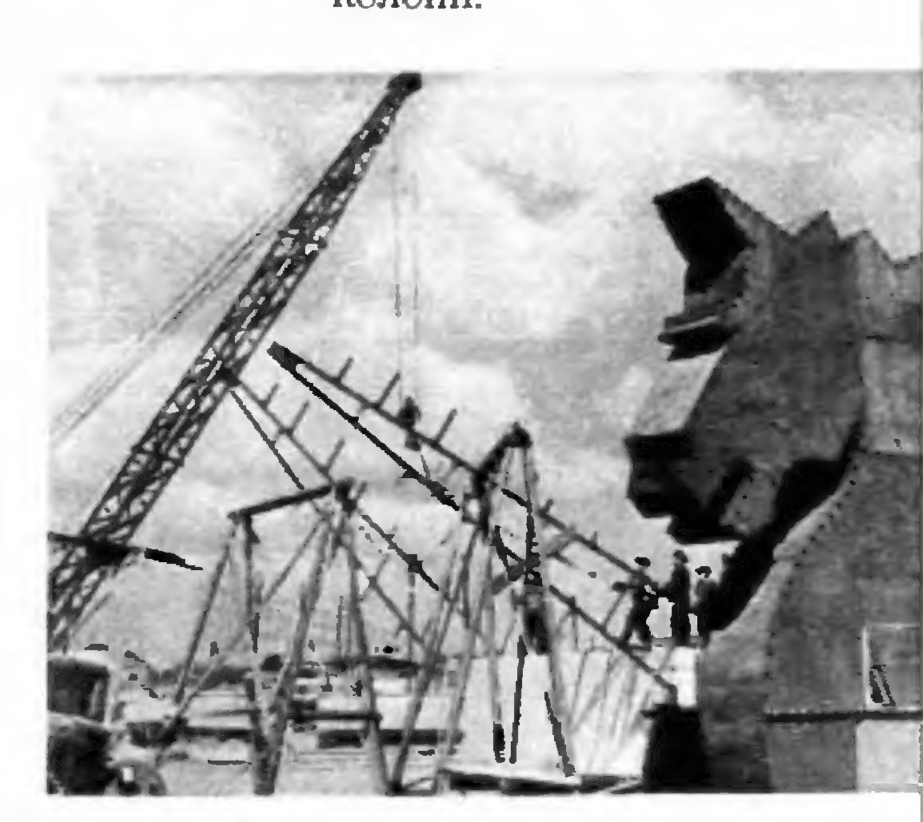
В жаркий, знойный день ходим по горячим палубам «крокодила», перебираемся к «коням» и всюду видим напряженно работающих людей.

— Разукрашенные речные корабли и их команды,— говорит С. В. Крылов,— представят на фестивале советских речников и нашу судостроительную промышленность.

...Гости уже прибывают. В минувшее воскресенье мы встретили делегацию китайской молодежи, во вторник приехали индонезийцы, а сейчас, что ни день, все чаще слышатся на вокзалах слова дружеских приветствий посланцам многих стран.

Это было в минувшее воскресенье. Репетиция шествия автомобильных колонн.

В затоне Хлебниково готовится флотилия декорированных судов.

— В Москву я приезжаю в пятый раз,— рассказывает двадцатишестилетний шанхайский грузчик Люй Эр-джоу,— и каждый раз вижу большие перемены. Они особенно заметны сейчас. Уж очень хороша фестивальная Москва! Я верю, что на всемирной встрече молодежи еще больше окрепнут силы мира, силы нашей дружбы.

...Идет фестиваль! Все ближе и ближе к Москве подходят поезда с посланцами молодежи 140 стран. До ночи не гаснут огни в каменном доме на Зубовской площади — в бурном темпе жизни Подготовительного комитета полно и ярко ощущается близость больших, радостных, светлых событий.

Полотняный городок столовых в районе ВСХВ.

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

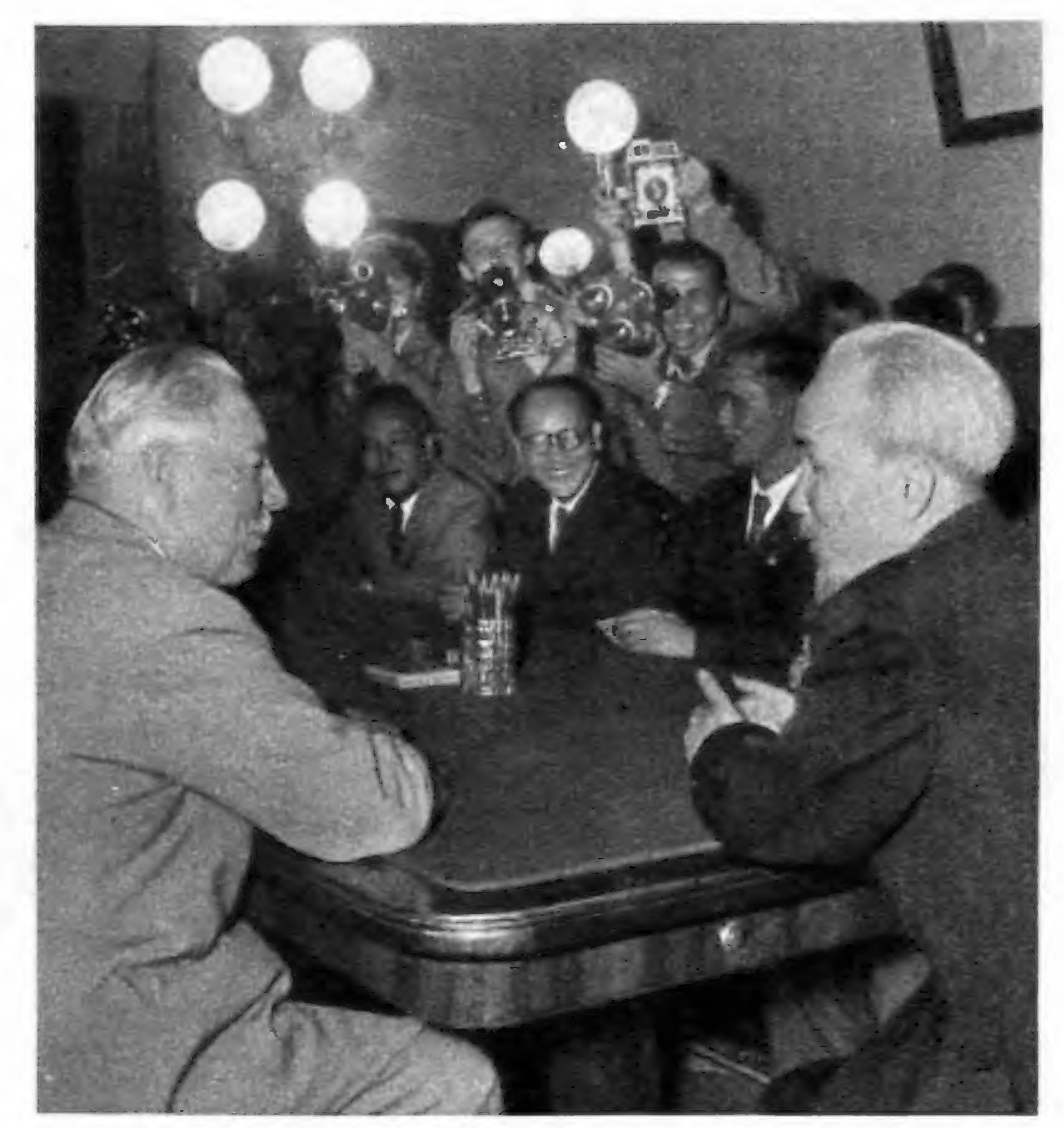
Торжественно отметил советский народ свой традиционный праздник — День Военно-Морского Флота СССР.

14 июля на Неве в Ленинграде состоялся большой парад. Наряду с кораблями Балтики в параде приняли участие также корабли Черноморского и Северного флотов, совершившие походы вокруг Европы и Скандинавского полуострова.

Парад принимал член Президиума Центрального Комитета КПСС Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. В праздновании Дня Военно-Морского Флота в Ленинграде приняли участие зарубежные гости — военно-морские и военные делегации многих стран.

На снимке: Маршал Советского Союза Г. К. Жуков произносит речь на борту крейсера «Орджоникидзе».

Фото К. Черевкова.

15 июля Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял находящегося проездом в Москве Президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина и сопровождающих его лиц.

Фото А. Новикова.

Волга течет в столицу

А. Т. Караулова с пультом телеуправления на шлюзе.

Фото Р. Лихач.

Не все москвичи путешествовали по Волге, любовались ее красотой. Но каждому жителю столицы знаком вкус волжской воды. Ею заваривают чай, утоляют жажду у тележек сатураторов. Волжская вода льется приятным, освежающим дождичком в душевых, озерами голубеет меж зеленых лесов и полей Подмосковья, плавным потоком струится в гранитном ложе у стен Кремля.

Вот уже двадцать лет, как Волга соединена с Москвой-рекой. Юбилей канала имени Москвы — знаменательная дата в летописях древнего и вечно юного города.

Сегодня уже мало кто помнит времена, когда пароходы, приходившие с Оки, останавливались у старого Краснохолмского моста: дальше не пускало мелководье,— когда у Серебряного бора реку переходили вброд. Как не похожа нынешняя улица Горького на старую узенькую и горбатую Тверскую, так неузнаваемо преображена и Москва-река, на берегах которой вырос порт пяти морей.

Недаром названо Московским морем главное водохранилище канала, раскинувшееся за плотиной, которая преградила Волгу. Воду, накапливаемую в этой огромной чаше, пьет Москва. Аппетиты у столицы немалые: 18 миллиардов кубометров волжской воды — 15 объемов Московского моря — перекачано по каналу, выпито городом за два десятилетия. На каждого москвича сейчас приходится втрое больше воды, чем было прежде, до постройки канала.

По многоступенчатой лестнице шлюзов, сначала от Волги «в гору», потом «под гору», к Москве-реке, движутся караваны судов. Из Астрахани плывут осанистые, громоздкие баржи с бакинской нефтью, быстроходные рефрижераторы со свежей каспийской рыбой. С волжских пристаней везут хлеб и соль, из Донбасса через Волго-Дон — каменный уголь. Бесконечной чередой тянутся плоты с Рыбинского моря. Многие десятки тысяч большегрузных железнодорожных составов высвободил речной флот, доставивший по каналу за двадцать лет более 75 миллионов тонн груза.

Никому не в диковинку теперь речное путешествие из столицы к берегам Азовья, на Урал, в Башкирию. В Ростов, Молотов, Уфу отправляются речные экспрессы из Химок. Девяносто три миллиона пассажиров — тоже солидный итог минувшего двадцатилетия.

Тут и там от водной трассы отходят в стороны стальные мачты высоковольтных линий. «Белый уголь» гидростанций канала помог сэкономить за двадцать лет полмиллиона вагонов подмосковного угля.

Далеко вперед шагнула техника канала имени Москвы.

Недавно на Тушинском шлюзе мы наблюдали, как начальник вахты Анна Терентьевна Караулова вышла на причал, держа в руках миниатюрную пластмассовую коробочку. Подключив этот портативный пульт к сети, нажав кнопку, она открывала и закрывала ворота, наполняя и опорожняя шлюз, пропуская суда.

Издалека, на расстоянии десятков километров, управляется гидростанции канала. В Яхроме, на центральном энергодиспетчерском пульте, дежурный инженер подает команды, которые тотчас исполняются Иваньковской ГЭС, что на Волге, Сходненской ГЭС, что под Москвой.

Две небольшие гидростанции — в Карамышеве и Перерве — почти всегда закрыты на замок. Они полностью автоматизированы. В зависимости от уровня воды там включаются или выключаются турбины, изменяется нагрузка. В любой момент можно по телефону справиться о работе агрегатов. Наберите номер, и в трубке зазвучит четкий автоматический рапорт.

Автоматизация и телеуправление, впервые примененные на гидростанциях канала, теперь получили распространение во многих энергосистемах страны.

На одном из участков столичной водной трассы испытывается новое буксирное судно-электроход, своего рода водный троллейбус. Плывя по каналу между шлюзами, судно получает энергию от проводов, протянутых над берегом.

С. МОРОЗОВ

Товарищ Хо Ши Мин и сопровождающие его лица посетили Всесоюзные промышленную и сельскохозяйственную выставки.

На снимке: в павильоне «Атомная энергия в мирных целях».

Фото В. Мастюкова (ТАСС).

Вьетнамские дети, отдыхающие в подмосковном пионерском лагере, горячо встретили своего любимого «дедушку Хо», показали, как они живут, продемонстрировали свои спортивные достижения.

На снимке: товарищ Хо Ши Мин среди вьетнамских и советских пионеров.

Фото А. Новикова.

ВСЁ ВПЕРЕДИ

Повесть

Александр РЕКЕМЧУК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

9

— А Гоголь?

Когда Алексей спросил: «А Гоголь?», — ему не сразу ответили. Все сначала посмотрели на пустую койку в глубине вагончика, потом друг на друга, а потом уже Марка-цыган зло сверкнул зубами:

— Удрал... Вчера ночью удрал. Мы спали.

И опять все посмотрели друг на друга. Как будто все они были виноваты в том, что Гоголь удрал. Не виноваты они, конечно, тем более спали. Но уже во всех вагончиках, особенно в тех, где кадровые живут, обсуждают это происшествие и, может быть, даже говорят:

— Один к одному... На толкучем рынке, что ли, их оргнабор нанимал? Это же не рабочий класс, а сплошная шпана...

Скорей всего, так и говорят.

Алексей сдвинул брови:

— Поймать его надо. В милицию заявить, что вор. Получил деньги и удрал. Быстро поймают.

— Заявляли уже, — махнул рукой Степан Бобро. — Мы сами и заявили. Сразу. А прораб говорит: не первый это, дескать, подобный случай, и когда это его милиция найдет?

— Неужто не найдет? — удивился Алексей.— Деньги ведь он украл государственные?

— Украл. Две тысячи... А чтобы его поймать, нужно делать союзный розыск. А союзный розыск знаешь сколько стоит?

Помолчали.

— А школа на Джегоре есть? — спросил Марка.

— Есть. Для взрослых. Потому что детей там еще нету. А родильный дом уже есть. И амбулатория. Клуб тоже есть. Там, на Джегоре, жить можно. Без дороги только нельзя...

В это время раздался звонкий удар: это прораб ударил железным ломом по рельсу, подвешенному к сосне.

— Пошли, — поднялся Степан.

Все поднялись.

Участок строительства уже отдалился от вагончиков на шесть километров. Туда ехали в тех самых крытых грузовиках, в которых их привезли сюда дождливой ночью. Те же самые люди и сидели в кузовах.

Кроме Ивановых, оставшихся в городе из-за маленького Олежки. Кроме Рытатуевых. Кроме Гоголя.

Все остальные — девятнадцать человек — были.

Алексей со всеми поздоровался, и все с ним тоже поздоровались — очень радостно, как будто его тут, по крайней мере, целый год не было, или как будто он отсюда очень далеко уезжал, а потом вернулся.

Дуся Ворошиловградская тоже была в машине, и, когда Алексей с ней поздоровался, она ему приветливо кивнула головой. Кивнула и отвернулась к соседке — продолжать интересную беседу.

Позади машины оставались зеленые и желтые елки, оставались свежие километровые столбы.

— Мы на каком сегодня? — спросил Степан прораба.

— Двести сорок седьмой километр.

— Вчера двести сорок шестой был, — сказал Марка-цыган.

Дороги измеряются километрами, а строятся метрами.

Три бульдозера встали рядом: в три ножа. Три бульдозериста докурили свои папиросы — три окурка полетели за окошки. Взревели моторы. Бульдозеры ринулись вперед.

Они атаковали лес, сокрушая таежную целину, продираясь сквозь чащобу стволов, ответвлений, веток. Стоял сухой непрерывный треск, как от распарываемой ткани.

Лес поддавался. Когда же он не поддавался, когда на пути вставала кряжистая ель, цепко вцепившаяся корнями в грунт, один бульдозер отходил в сторону. Два других съезжались под углом и сразу два ножа вонзали в этот ствол. Звонкий трепет пробегал по стволу. И ель рушилась, подминая сухостойную мелочь...

Там, где проходили бульдозеры, оставалось широкое земляное полотно.

Алексей даже не сразу догадался, о каких таких особых трудностях говорил главный геолог Храмцов. Почти все самые тяжелые работы здесь выполняли машины. И только потом понял.

В стороне от дороги, например, заготовляли жерди для настила — моторной пилой «Дружба», ладной и легкой, как балалайка. Ее зубастая цепь запросто входила в древесину и, урча, в несколько секунд перегрызала ствол. Хорошая пила!

Но обок дороги, там, где росла эта жердь, было топко. В те же несколько секунд, пока перепиливалось дерево, трясина заглатывала человека вместе с его моторной пилой «Дружба». Насилу выдирая сапоги из гнилого месива, хватаясь за сучья, цепляясь, как за соломинку, за только что сваленное дерево, передвигались люди.

Или, например, кюветы. Считалось, что их роет многоковшовый экскаватор, похожий по виду на аттракцион «Чертово колесо». Он их и рыл, конечно. Только каждые пять минут прораб созывал народ выкапывать из грязи это чудо техники, годное для строительства всех дорог на свете, кроме Джегорской.

На жердевой настил, уложенный только что, въезжали самосвалы и, задирая кузова, ссыпали шуршащий, пыльный гравий.

Его-то и надо было ровным слоем разбрасывать по полотну, ровнять лопатами с загнутыми совками.

Именно новеньким доверили эту нехитрую, но пыльную работу. В том числе Алексею Дённову, Степану, Дусе, Марке-цыгану.

Марка-цыган, между прочим, старался больше всех. Он орудовал своей лопатой яростно, скалил зубы, вертелся волчком, будто плясал. Спине стало жарко — стащил рубаху. Рукам стало жарко — стащил рукавицы...

Окончание. См. «Огонек» №№ 27, 28, 29.

пакля, где гаечный ключ, а где граненый стакан — так, на всякий случай...

Степан поджег паклю и стал коптить свечу. Когда же она прогрелась, огонь притушил подошвой, а свечу начисто отер рукавом. И ввинтил туда, откуда вывинтил.

В кабину забрался с шоферским щегольством: первый шаг — на подножку, второй — на педаль. Теплая дрожь прошла от фар до кузова. Мотор больше не чихал и не кашлял — дышал.

— С капитальным ремонтом можно еще погодить,— поделился Степан с курносым своими впечатлениями. — Годика два.

И пошел прочь от машины, ни на кого не глядя. Подобрал лопату и заскреб гравий.

— Нет, не дам безобразничать! — взвизгнул прораб, и усы у него встали дыбом. — Не позволю! А ну, садись за руль!

— Не сяду! — хмуро отозвался Бобро. — Заставить не можете.

Но прораб подбежал к Степану и за рукав потащил его к самосвалу.

— Разве я тебя заставляю? Я тебя прошу — и только. Все тебя просят. А ну, садись без никаких разговоров!

Степан оглядывался исподлобья.

— Садись, изверг, садись, родной!.. Сейчас я тебе напишу бумажку и получай машину. Какую хочешь бери!..

Прораб так разволновался, что вместо карандаша из-за уха вытащил трубку изо рта и трубкой намеревался писать. Но потом трубку сунул обратно и стал писать карандашом.

— Держи! Чтобы через час ты тут был с гравием! Ясно?

Самосвал развернулся круто, как волчок. Степан Бобро, весь красный от растерянности, держал увесистые ладони на баранке, раскинув плечи во всю кабину, так, что курносого притиснул к самой дверце.

Разворачиваясь, он высунул голову в окно и смущенно улыбнулся Алексею.

Алексей поймал эту улыбку и стал махать Степану брезентовой рукавицей. Но, обернувшись, вдруг понял, что Степанова улыбка, оказывается, предназначалась не ему, Алексею.

Она, оказывается, предназначалась Дусе Ворошиловградской, которая, распахнув глаза, смотрела вслед отъезжающей машине и тоже махала брезентовой казенной рукавицей.

— Кирюшкин! — тотчас же закричал на него, устрашающе шевеля усами, прораб. — Надень рукавицы, сию же минуту надень! Намозолишь ладони — кто за тебя работать будет?

Марка испугался и стал разглядывать свои ладони. Мозолей на них еще не было. Никогда еще не было мозолей на цыганских ладонях.

— Пускай будут! — засмеялся Марка. И не надел рукавиц.

Так дело и шло: впереди бульдозеры крушили лес, а позади оставалась уже готовая широкая дорога с гравийным покрытием и километровыми столбами.

Дело шло бы еще быстрее, если бы хватало гравия. Но его не хватало. Гравий возили медленно. Через час по чайной ложке. И приходилось курящим и некурящим очень часто устраивать перекур.

— Машин не хватает, что ли? — подосадовал Алексей, прикуривая от прорабской трубки.

— Машин хватает, — отозвался прораб, и усы у него при этом уныло поникли. — Вчера пять новых получили. Ездить некому. Водителей нет... И так уж за руль всех посажали, кто в детстве на велосипеде катался! Донюхается автоинспектор — большо-ой будет разговор. Слава богу, что нюх у него до Джегора пока не достает...

Алексей покосился на Степана Бобро. Но Степан разговора этого, должно быть, не слышал, хотя и скреб лопатой гравий в двух шагах. Прилежно так скреб.

— Тащится один наконец... — увидел кто-то.

До того всем надоело ждать сложа руки, что каждый самосвал встречали уже не приветственными возгласами, а иными. Упоминали насчет кислого молока, про деревню-матушку и просто о родителях того шофера.

— Да я что? — оправдывался на этот раз курносый шофер. — По такой дороге разве скорость возьмешь? К тому же чихает она у меня, самосвал...

— Я вот тебе чихну! — грозился прораб. — Ссыпай — и поезжай скорее.

Курносый ссыпал. Что же касается «скорее поехать», — это у него получилось не сразу.

Мотор и вправду простудно чихал, туберкулезно кашлял, обиженно фыркал и, пофыркав, замолкал. Курносый вылезал из кабины с заводной ручкой, влезал с ней обратно в кабину и опять вылезал. Попутно давал разъяснения:

— Я ж говорю, в капитальный ремонт надо. Чихает она, самосвал...

И ни с места.

А люди стояли, облокотившись о черенки лопат, и, может, подсчитывали в уме: на сорок или на шестьдесят пять процентов выполнят они сегодня норму из-за таких порядков с автотранспортом?

— Дали бы мне новую, из тех, что вчера получили, я бы вам с милой душой возил! Так ведь нет, не дают...

Машина в ответ на это чихала: дескать, правду говорит человек — не дают.

Степан Бобро положил лопату на землю и вразвалку, не торопясь, пошел к машине.

Он уверенно, одной рукой, поднял капот. Другой стал вывинчивать свечу: не первую, не четвертую, а именно вторую.

— Запасной свечи у меня все равно нету,— небрежно заметил курносый, следя за действиями Степана. Вроде бы он и сам отлично знает, что мотор барахлит из-за неисправной второй свечи, но вот, к сожалению, не оказалось запасной.

— Да? — посочувствовал Степан, разглядывая свечу. — А пакли клок найдется?

И, не спрашивая разрешения, полез в кабину, разворошил сиденье. Похоже, что он разбирался не только в самих машинах, но и имел представление, где у шоферов лежит

10

Вечером тоже хватало различных дел.

Например, приехал магазин-автобус. Сбоку в нем открывался широкий люк, и получался прилавок. В том разъезжем магазине чего только нельзя было купить! Там торговали и

селедкой, и золотыми часами, и валенками, и халвой.

Алексей, правда, ничего такого покупать не стал, а взял только хлеба, свиной тушенки и тридцать пачек папирос — на целый месяц. Потом, поразмыслив, купил еще шоколадных конфет. Конфеты он вообще любил, но в детстве его как-то не очень часто конфетами баловали, в армии же солдатам сахару дают сколько хочешь, а конфетами не кормят.

Степан Бобро купил патефон.

А Дуся Ворошиловградская купила в магазине-автобусе огромный оранжевый абажур с бахромчатым подолом.

— На что он тебе? — очень удивился Алексей. — Куда ты его в вагончике вешать станешь?

— А я его сейчас вешать не стану, — сказала на это Дуся. — Вот когда до Джегора дорогу доведем, я его там в своей комнате повешу. Понял?

И пошла, неся абажур в далеко отставленной руке. А рядом с ней пошел Степан Бобро, размахивая синим патефоном.

Алексей тоже отнес в вагончик все свои покупки, кроме конфет. Уселся на ступеньке и, вынув одну из кулька, стал читать на обертке, какая кондитерская фабрика произвела эти сласти.

Выяснилось, что конфету произвела Ленинградская кондитерская фабрика имени Самойловой, а не какая-нибудь другая...

Жуя шоколад, Алексей Дённов о чем-то думал и глядел на тихие елки.

Достал из кармана гимнастерки лист бумаги, самопишущую ручку, еще подумал и написал: «Здравствуй, Таня!»

Потом он этот листок изорвал, вынул новый и написал: «Здравствуй, Таня!»

Затем собрался было уже рвать и этот листок, как вдруг услышал музыку.

Сперва Алексей Дённов решил, что это в вагончике Степан Бобро испытывает купленный патефон, однако тут же вспомнил, что пластинок к нему в магазине-автобусе не оказалось и играть Степану было нечего. Кроме того, музыка слышалась не из вагончика, а совсем с другой стороны и приближалась.

Все остальные тоже услышали эту музыку и высыпали из вагончиков.

И увидели вот что.

По дороге, с той стороны, где город, ехала целая колонна автомашин. На передней машине сидел духовой оркестр и, оглушая окрестную тайгу медными голосами, играл марш. В кузовах других машин было полно людей; они, не обращая внимания на оркестр, пели совсем другую песню, а над ними раскачивались кумачовые транспаранты и красные флаги.

На одном транспаранте было написано: «Привет комсомольцам-добровольцам Ярославля от разведчиков Джегора!»

Алексей сразу понял, в чем дело. Это были те самые добровольцы, о которых писали в газетах и которых с таким нетерпением ждала Зина Собянина — секретарь комитета комсомола.

Когда добровольцы повылезали из машин, тут же состоялся торжественный митинг, и Зина Собянина стала говорить с машины приветственную речь.

Добровольцы дружно аплодировали, а духовой оркестр играл туш.

Потом с той же машины выступил Устин Яковлевич Храмцов. Он стал вкратце объяснять, что такое Джегор и какие ответственные задачи стоят перед строителями Джегорской дороги.

Алексей спрятал недописанное свое письмо в карман и подошел поближе.

Большинство приехавших парней были в клетчатых рубахах-ковбойках, куртках, исполосованных застежками-«молниями», а большинство девушек были в лыжных шароварах различных расцветок. Все они были молодые, а некоторые совсем молодые: наверное, только что вылупились из школьной форменной одежды.

После Храмцова на машину взобрался шустрый такой паренек в очках, с остриженной наголо головой, и сказал:

— От имени нас всех передаю благодарность разведчикам и строителям Джегора за теплую встречу и за все, что тут нам говорили!

Все зааплодировали, а оркестр опять заиграл.

— Только разрешите мне сразу внести одно предложение, — продолжал свою речь шустрый паренек в очках. — Я вношу предложение переименовать Джегор в Комсомольск-на-Печоре и строить дорогу прямо до Комсомольска-на-Печоре!..

«Скажи, какой шустрый! — подумал Алексей Дённов про паренька. — Только что приехал, а уже взялся все переименовывать».

Он-то, Алексей, приехал раньше этого паренька и уже по праву чувствовал себя здесь старожилом. Однако предложение паренька все-таки ему понравилось.

Наверное, оно и всем понравилось, потому что все стали горячо хлопать в ладоши, некоторые даже закричали: «Ура!» А Устин Яковлевич Храмцов заулыбался и развел руками: дескать, раз поступило такое предложение, то возражать не приходится, и он, Храмцов, согласен, чтобы дорогу строили именно до Комсомольска-на-Печоре.

После этого митинг окончился, и оркестр тут же вместо маршей заиграл вальс.

И, как только оркестр заиграл вальс, комсомольцы-добровольцы, побросав в кучу свои рюкзаки и чемоданы, закружились по скользкой от дождей земле. Прямо в сапогах и в лыжных шароварах, с дальней дороги, должно быть, усталые, может быть, проголодавшиеся без ужина, — самозабвенно кружились они в вальсе.

Им только дай потанцевать, молодым, хоть после какой дороги, хоть после какой работы. Им лишь бы музыка была. С ними ничего не поделаешь, сколько критику ни наводи. Безусловно.

Алексей стоял и смотрел. Подошел полюбоваться танцами и Устин Яковлевич Храмцов. А подойдя, он увидел знакомого человека — Алексея Дённова. То ли он очень удивился, увидев его здесь, то ли совсем не удивился, потому что, здороваясь, хитровато эдак сощурился:

— Вы почему не на одиннадцатой буровой? Не понравилось?

Вообще Алексей никому не рассказывал и не собирался рассказывать, почему он вернулся с Джегора сюда, на строительство дороги. Просто вернулся — и все. Однако он очень дорожил знакомством и, как ему казалось, дружбой с главным геологом комбината «Севергаз». Он испугался, что Храмцов может как-нибудь не так истолковать случившееся, и тогда дружбе этой придет конец.

«Мне на одиннадцатой буровой все понравилось, а всего больше — новая установка «Уралмаш-5Д», которая, правда, сейчас простаивает без глины... Вот как только мы проложим дорогу до самого Джегора, я стану работать на одиннадцатой буровой помощником дизелиста. А сидеть там и ждать сложа руки, пока товарищи дорогу проложат, — совесть не позволит, Устин Яковлевич!» — вот что решил ответить Храмцову Алексей. Но, чтобы лишнего не говорить, сказал только:

— А я еще буду работать на одиннадцатой буровой. Немного погодя.

Устин Яковлевич посмотрел на Алексея внимательно и сказал:

— Хорошо. Должность помощника дизелиста оставим за вами.

Должно быть, ему тоже не хотелось разводить турусы на колесах, хотя он и имел в виду, очевидно, сказать следующее: «Вы мировой парень, товарищ Алексей Дённов. Я, между прочим, не сомневался, что, побывав на Джегоре, вы все отлично поймете и вернетесь на строительство дороги. И не только вернетесь, но и расскажете своим друзьям, что есть такое Джегор, или, как его отныне будут именовать, Комсомольск-на-Печоре».

Такой приблизительно вышел разговор.

А музыка все играла. А пары все кружились. Все любовались танцами, кроме Марки-цыгана, который с тоскливой гримасой сказал Алексею:

— Какие это танцы? Это совсем даже не танцы...

Уже один комсомолец-доброволец взял да и пригласил на вальс незнакомую ему девушку с очень густыми темными волосами. И они тоже закружились. А Степан Бобро смотрел на это дело с поощрительной кислой улыбочкой, с какой обычно смотрят мужья, когда их жен приглашают танцевать.

Алексею, впрочем, было тоже невесело стоять вот так и смотреть, как другие танцуют, почти все — люди незнакомые, слушать печальный столетний вальс, от которого любой не танцующий человек чувствует себя круглым сиротой.

Тут, откуда ни возьмись, прямо перед ним из толчеи вынырнула Зина Собянина, секретарь комитета.

— А ты почему стоишь тут, никого не приглашаешь? — строго нахмурив соболью бровь, спросила она.

— А кого мне приглашать?

— Меня, допустим. Ты что же, танцевать не умеешь?

Алексея очень возмутил этот начальственный тон, а еще больше возмутило его Зинино сомнение в том, что он умеет танцевать. Он, Алексей, не только умел танцевать, но и некоторых других мог бы поучить.

И, задохнувшись от злости, положил он свою руку на талию Зины Собяниной, скрытую где-

Лирика

Андрей МАЛЫШКО

ЛАСТОЧКА

Ласточка в форточку робко влетела,
Видно, гонимая стужей нежданной,
Села на стул, огляделась несмело,
Перепорхнула на спинку дивана.

Что же за море на поиски лета
Ты не умчалась, как прочие птицы!
Ладно, погрейся! В гостях у поэта
Будет тебе и пшено и водица.

Но не взыщи, что в моем кабинете
Не распускается белая кашка,—
Думы и строчки шершавые эти
Не о тебе, перелетная пташка.

Радуг в пролившихся тучах не строю,
Ветер днепровский не я поднимаю.
Строчками славлю с открытой душою
Светлую правду родимого края.

Может, привет от друзей Украины
Ты принесла из Вьетнама, Канады!
Пташка вспорхнула на раму картины...
Что ты, дружочек! Бояться не надо.

Верь, не люблю никакого насилья.
Разве тебе заверения мало!..
Ласточка клювом почистила крылья,
Слушала, слушала — защебетала.

Я же растрогался — взрослый ребенок,—
Тучи уплыли за синь окоема,
И над столом, по-весеннему звонок,
Сад расшумелся ветвями черемух.

В окна ворвалось зеленое лето,
Весело вспыхнула в небе зарница...
Так мы сидели в тиши кабинета
В мирной беседе — писатель и птица.

* * *

Когда бы на свете я прожил вечность
В семье соловьиной, в которой живу,
Я взял бы у неба его бесконечность
И в золото хлеба вплел синеву.

Заставил бы скалы цвести, как долины,
Трудился бы так же, как и сейчас,
И шум городской с тишиною пустынной
Сбратал бы, как Родина учит нас.

Сорвал бы с ручьев оковы мороза,
С осеннего неба прогнал облака,
По-девичьи нежной и хрупкой березе
Дал бы упрямую силу дубка.

В степи, бесноватой пургой занесенной,
На тропку вывел бы путника вновь,
Чтоб ласку почувствовал ожесточенный,
Чтоб нелюбимый узнал любовь.

Землю, растрескавшуюся от зноя,
Прикрыл бы тяжелым колосом нив,
В усталое сердце вместо покоя
Свежего ветра вдохнул бы порыв.

МАТЕРИ

Мама, хочу разговаривать с вами,
Ушедшей давно и такой живою,
Нас прижимавшей к себе руками,
Так и не знавшими в жизни покоя.

Вот предо мной ваши очи синие,
Пальцы в узлах, холстинное платье.
Вьется мороз в поседевшем инее,
Мерзнут оконца в Малышковой хате.

Вот и отец — не ловкач тороватый,
Шьет сапоги на продажу, сутулится,
Тихий и честный, а значит, богатый:
С хлеба на квас, а не то что на курицу.

Постное масло на медные грошики,
Тюря да каша — и это в заботу.
Кушай, Андрейка! Наелся, Алешенька!
Ешьте, ребятки! С утра — за работу.

Сбыл сапоги, значит, хата в порядке,
Светится солнце под крышею бедною,
Мать же на наши штаны и тетрадки
Рада продать и рубаху последнюю.

Грушу подарит медвяную, липкую,
Сок, чуть надавишь на кожицу, брызнет,
И улыбнется такою улыбкою,
Краше которой не видывал в жизни,—

Той, что была и в скитаниях домом,
Той, что в котомке унес за плечами...

— Что ж ты, сыночек, не стал агрономом,
А занялся почему-то стихами!

Смотрит старушка на сына тревожно:
Тот ли, когда-то порхнувший с порога!

Хлеб вам принес бы, коль было б
возможно,
Песню принес бы, коль было б возможно,
Только заказана, мама, дорога.

Песню бы ту...
Нет, не трону былое,
А поклонюсь на прощание нивам,
Матери душу возьму я с собою:
Может, от этого стану красивым.

Там, где синь-Дунай,
Там, где зелен май,
Сыну, мама, сердца горького
Ты не растравляй.

Пташки гнезда свили
На твоей могиле.
Только след от стежки,
Где белые ножки
Матери моей ходили...

Перевел с украинского
Дмитрий СЕДЫХ.

то под круглыми складками пальто, выставил другую руку и сказал:

— Давай. Тебе с левой ноги начинать...

И они понеслись. Алексей держался прямо, выгнул грудь колесом, ловко перебирал сапогами. Жаль только, что очень уж много народу вертелось вокруг и нельзя было по-настоящему разогнаться. Зина, пользуясь его крепкой поддержкой, отклонилась назад, чтобы больше кружилась голова. У Зины не было скверной привычки во время танца смотреть по сторонам: она честно смотрела своими смородиновыми глазами на него одного. А потом сказала:

— Между прочим, ты похож на одного французского киноартиста — Жана Марэ. Только не задавайся.

Алексей пренебрежительно хмыкнул: во-первых, он никогда в жизни не задавался, а во-вторых, еще неизвестно, кто на кого похож. Может быть, именно тот киноартист на него похож.

— Но Жан Марэ уже пожилой, — добавила Зина.

— Тем более.

Мимо пролетали лица людей, следящих, как здорово Алексей Дённов танцует вальс. Эти лица даже размазывались от скорости, однако Алексей успел заметить и торчащую выше всех голову Степана Бобро и сверкающие зубы Марки-цыгана, который терпеливо ждал, когда же начнутся настоящие танцы.

— А тебе какие девушки нравятся? — спросила вдруг Зина Собянина.

Она, наверное, рассчитывала, что Алексей смутится, услышав такой вопрос. Но Алексей не смутился и ответил:

— Все, кроме одной.

— Это очень хорошо, — засмеялась Зина. — Замечательно...

— Чего ж хорошего?

— Значит, таких, как я, больше нет на свете. Значит, если я кому-нибудь понравлюсь, то он уже никогда не найдет похожую.

«Что за ерунда? — удивился Алексей. — Каких таких больше нет на свете? Бровастых, что ли? Или таких занозистых? Кто ее, интересно, секретарем выбирал?..»

— А ты когда-нибудь зеленого воробья видел? — задала вопрос Зина Собянина.

Алексей стал припоминать. Вспомнил о желтых елках. Но такого случая, чтобы ему попался зеленый воробей, не припомнил.

— Не видел, — признался он.

— И я не видела. Зеленых воробьев не бывает.

Она опять заливисто рассмеялась. Алексей же, у которого от этих странных вопросов в голове начался полный переполох, до того рассердился, что хотел уже оставить Зину посреди круга и уйти.

Но тут вальс прекратился, и музыканты стали выдергивать мундштуки из труб: пришла пора кончать музыку. Все стали расходиться. В вагончиках зажигали лампы. Время уже было позднее — стемнело.

Зина, в глазах которой все еще плясали озорные искры, протянула Алексею руку:

— До свидания, дикий... Встретимся на Джегоре.

— Ладно... — примирительно ответил Алексей. — Только я не дикий.

— Не дикий? Какой же? — Она наморщила нос, выпятила губу. — Может быть, ты ручной? Я не люблю ручных...

Повернулась и побежала к машине, в которой уже сидел Храмцов. Им еще предстояло добираться до Джегора. Машиной, потом катером, потом как случится.

Машина исчезла за поворотом.

Алексей, все еще размышляя насчет зеленого воробья, полез в карман, вытащил смятую пачку папирос, спичечный коробок, а вместе с коробком — белый листок бумаги.

«А что, если в зоопарке есть зеленый воробей?.. И кто ей дал право заявлять, что таких, как она, больше нет на свете?.. И что это за бумажка вытащилась из кармана?»

В темноте Алексей пригляделся к бумажке, прочел: «Здравствуй, Таня!»

Он повертел этот листок в руках, потом сунул обратно в карман вместе со спичками.

Темень вокруг. Уже острозубая кромка леса помутнела и расплылась. Только редкая проседь берез проступает еще сквозь темноту. И свежий километровый столб маячит у обочины дороги.

Где-то там, впереди, Джегор.

Алексею даже показалось, что он видит отсвет дальних огней, легший на облака.

Ухта, январь — май 1957 года.

РЕНАТО ГУТТУЗО
и его товарищи

Ренато Гуттузо. АВТОПОРТРЕТ.

В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР

Давно знакомо и любимо у нас имя замечательного итальянского художника Ренато Гуттузо, но мы мало видели воочию его произведения. И вот весною этого года в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина открылась небольшая, но очень интересная выставка рисунков, офортов и литографий современных художников Италии. Вполне понятен тот огромный интерес, который вызывают итальянские художники наших дней. Можно сказать, что искусство их рождается в борьбе и что побеждают в этой борьбе те, кто верит в человека, кто любит жизнь, хочет мира, счастья.

Побеждают те, кто создает произведения, отражающие жизнь народа, кто бичует пороки современного общества и воспевает красоту, любовь и правду. Побеждают «неореалисты». Направление, которое получило название «нового реализма», возникло в Италии совсем недавно, после второй мировой войны. Его участники прошли трудный и сложный путь: почти все не избежали влияния модных течений современного западноевропейского искусства с его лозунгом «свобода творчества». Но призыв этот не принес художникам ни внутреннего удовлетворения, ни радости созидания. И тогда многие талантливые мастера— из тех, кто в свое время выступал против фашистского искусства и потом встал в ряды борцов Сопротивления, а сейчас активно борется за мир,— пришли к «новому реализму».

Габриэлэ Мукки. ПОРТРЕТ СТОРОННИЦЫ МИРА.

Ренато Гуттузо, несомненно, один из крупнейших художников своей страны, возглавил борьбу за реалистическое искусство в Италии. Активный участник движения Сопротивления, он вступил в ряды коммунистов и сейчас кандидат в члены ЦК Компартии Италии. Гуттузо получил золотую медаль — Международную премию мира. Он один из самых активных борцов за мир, член Всемирного комитета защиты мира.

На мой взгляд (я-то далеко не молод), Гуттузо еще совсем юн: ему едва сорок пять лет. Он находится в самом расцвете и жизненных сил и своего яркого, искрящегося таланта. Он молод, мужествен и красив — таким я представляю его себе, глядя на его автопортрет. У него волевое лицо, высокий лоб мыслителя, умные и проницательные глаза. Такой человек может постоять за себя, за свои идеи, за свои убеждения, за свое искусство.

На выставке в Москве (она была и в Ленинграде) мы видели всего пять небольших графических работ Ренато Гуттузо. Из них две акварели. Но достаточно, например, посмотреть на изображение быка, чтобы сказать, какой большой мастер, темпераментный, своеобразный и энергичный, сделал эту акварель. И рядом «Пейзаж Неаполитанского залива», где Гуттузо уже совсем другой художник — величавый, спокойный, уравновешенный, классически ясный. Это рисовальщик великолепный, в чем мы убедились, глядя и на другой его рисунок — «Оливы в Анакапри».

Но все эти акварели и этюды Ренато Гуттузо все-таки не могут в полной мере раскрыть всего диапазона творчества выдающегося мастера, рассказать о жадном интересе его к окружающей действительности, которую он изображает в своих картинах, о его мощном артистическом таланте. Будем надеяться, что когда-нибудь мы увидим и живописные его полотна...

Рядом с работами Гуттузо на выставке экспонировались литографии его старшего товарища, Габриэлэ Мукки. Мукки — тоже один из значительных и достойных художников реалистического направления. Он, как и Гуттузо, был участником движения Сопротивления и боролся против официального фашистского искусства. Достаточно взглянуть на великолепную литографию Мукки «Портрет сторонницы мира», чтобы понять, какой большой художник создал это произведение. Почему-то этот образ, созданный Мукки, вызывает в моей памяти работы мастеров эпохи Возрождения. В наше время, время борьбы за светлые идеалы человечества, люди должны быть такими, как эта женщина,— сильными, чистыми, честными, красивыми, гордыми.

Названия акварелей и рисунков Армандо Пиццинато говорят сами за себя: «Баррикада против фашистов», «Убийство партизан». Пиццинато знает, что такое фашизм: в 1943 году он принимал участие в движении Сопротивления, перенес тюремное заключение.

Уго Аттарди — автору рисунка «Безработные каменщики» — немногим больше тридцати лет. В 1955 году он получил первую премию по живописи на Международной выставке молодых художников в Варшаве во время V Всемирного фестиваля молодежи и студентов — выставке под многозначительным названием «Искусство против варварства».

Джузеппе Дзигаина в своих острых и экспрессивных рисунках правдиво и образно рассказывает о жизни фриуланских батраков, а Джованни Капелли умеет так много сказать в недосказанном... Даже изображая прохожих в зимний день («Люди на снегу»), не показывая их лиц, он говорит о борьбе, о мужестве. Несомненно, это очень одаренный художник, умеющий создать образы лаконичные и монументальные.

И Дзигаина и Капелли — ровесники Уго Аттарди. Все это достойные представители передовой итальянской молодежи, художники, ведущие борьбу за реализм в итальянском искусстве.

Альдо Боргонцони, создающий образы простых людей Италии и тонкие поэтичные пейзажи, великолепный мастер офорта Тоно Дзанканаро с его тонкими, прозрачными пейзажами, Саро Мирабелла с его значительными, крепко моделированными образами простых людей Сицилии, Джованни Омиччоли, художник-самоучка, вышедший из рабочей среды, и многие другие — все это люди, доказавшие правоту своих художественных принципов.

С большим интересом мы знакомились с рисунками Франческо Мессина — одного из известнейших скульпторов современной Италии — и с работами Карло Леви, врача по образованию, популярного писателя, автора известной у нас книги «Христос остановился в Эболи», и одновременно крупного художника, рассказывающего о жизни крестьян Южной Италии.

Любовались мы и изящными рисунками молодой и очень известной художницы Анны Сальваторе и многими другими работами, экспонированными на этой небольшой выставке.

И вот сегодня, когда мы ожидаем встречи с Ренато Гуттузо в Москве, на фестивале, мне хочется сказать: мы восхищаемся вами, дорогой друг, вами и вашими товарищами по кисти, по карандашу, по оружию!

Уго Аттарди. БЕЗРАБОТНЫЕ КАМЕНЩИКИ.

Алло! У телефона...

Н. М. ПОМИНОВ,
начальник московской телефонной сети

Среди многих предприятий Москвы есть одно, без которого трудно представить жизнь столицы,— это московская телефонная сеть, отмечающая свое 75-летие. Наш корреспондент беседовал с ее начальником Н. М. Поминовым.

ВОПРОС. Когда появилась первая в мире городская телефонная станция?

ОТВЕТ. В 1876 году на выставке в Филадельфии Грахам Белл впервые продемонстрировал изумленной публике чудесный прибор. Он передавал звуки на расстояние. Прибор был назван телефоном. Через два года в Нью-Хейвене состоялось открытие первой в мире городской телефонной станции общего пользования. Прошло еще три года, и в пяти городах — Петербурге, Москве, Варшаве, Риге и Одессе — тоже началось строительство телефонных станций.

К середине 1882 года строительство станции и сети было закончено не без сопротивления государственных учреждений и домовладельцев. Из пяти городов впереди шла Москва. 22 мая 1882 года ее газеты на видном месте опубликовали объявление «Международного общества телефонов Белла из Нью-Йорка в Москве», уведомлявшее, что «в настоящее время Центральная телефонная станция, помещающаяся на Кузнецком мосту, в доме Попова, устройством почти окончена». А 1 июля 1882 года состоялось официальное открытие станции, имевшей... 26 абонентов.

ВОПРОС. Кто были эти первые абоненты?

ОТВЕТ. Преимущественно частные торговые фирмы, коммерсанты и промышленники. И это естественно. Плата за телефон была весьма высокая, недоступная даже среднему предпринимателю.

ВОПРОС. Каковы были условия работы на первых телефонных станциях Москвы?

ОТВЕТ. Они определялись примитивной техникой. Как правило, в соединении и разъединении абонентов участвовали две телефонистки. Одна другой громко кричала: «Соедини номер один с номером десять!» В зале стоял страшный шум, вызывавший неразбериху, ошибки, путаницу, что еще больше нервировало телефонисток. Стараясь поскорее исправить ошибку, они кричали громче, и порой дело доходило до истерики. После того как число абонентов возросло, случалось, что люди часами добивались соединения по телефону. Один из своих рассказов в «Будильнике», «У телефона», Чехов посвятил описанию такого бедлама на московской телефонной станции того времени.

ВОПРОС. Больше всего, вероятно, доставалось телефонисткам?

ОТВЕТ. Да, конечно. Это вынуждена была признать и печать. Я хотел бы сослаться на журнал «Электричество» за 1891 год. Он писал: «Несмотря на большую нужду, редко кто из них (телефонисток) был в состоянии долго выносить эту тяжелую работу. Нервные припадки нередко заставляли бедную работницу отказаться от места спустя каких-нибудь полтора месяца после столь трудного поступления на открывшуюся вакансию».

На станции существовала кабальная система штрафов. Каждая вновь поступившая телефонистка в течение месяца работала ученицей бесплатно, затем ее зачисляли в кандидаты с пониженной оплатой. Лишь через год ее зарплата несколько повышалась. На работу принимали только девушек высокого роста. «Телефонная барышня», как правило, не имела права выходить замуж. Это была привилегия лишь старших телефонисток, да и они должны были получать разрешение начальства. От телефонисток требовали, чтобы они разговаривали с иностранным акцентом: пусть абоненту кажется, что на станции все иностранное — техника, люди. Когда в зале появлялась старшая, то девушки должны были вытягиваться, словно по команде «смирно»...

Царское правительство отлично оценивало значение телефонной станции и принимало все меры к тому, чтобы держать ее служащих в постоянном страхе, иметь здесь надежных людей на случай революционных волнений.

ВОПРОС. И это ему удавалось?

ОТВЕТ. Не всегда. В период революции 1905 года, как и многие предприятия Москвы, городская телефонная сеть почти прекратила свою жизнь. Отдельные передовые работники, главным образом линейные рабочие, несмотря на военный режим, установленный на станции, активно помогали восставшим. По заданию стачечного комитета в декабре 1905 года была осуществлена сложная и рискованная операция: все телефоны жандармского управления и охранного отделения были выключены. К сожалению, попытки дружин захватить Центральную станцию в пору октябрьской стачки 1905 года не увенчались успехом. Заблаговременно предупрежденное охранное отделение оцепило станцию войсками.

ВОПРОС. А как сложилась обстановка на станции в 1917 году?

ОТВЕТ. Совсем по-другому. Несмотря на то, что царское, а потом и Временное правительства прилагали большие усилия, пытаясь оградить «сердце города» от революционных элементов, они, эти элементы, проникли туда и в критический момент заявили о себе во весь голос.

Вот написанные к нашему юбилею воспоминания бывших телефонисток, участниц октябрьских событий, О. Строгановой, Н. Панкратовой и Н. Чижовой, награжденных за долголетнюю безупречную службу орденами Ленина.

ВОПРОС. Они не будут возражать, если вы познакомите наших читателей с их воспоминаниями?

ОТВЕТ. Нет, конечно. Именно для этого они и предназначены. Ветераны нашего коллектива вспоминают, как революционно настроенные телефонистки, рабочие, техники отключали правительственные и войсковые телефоны, выводили из строя аппараты. Все шло хорошо, пока охрану станции несли солдаты революционного полка. Но потом Центральную телефонную станцию захватили юнкера. На помощь им прибыл большой отряд офицеров. Они сразу же начали отключать телефоны революционных частей, фабрик, заводов, стали подслушивать разговоры. Оживились разные «барышни», помогавшие юнкерам отмечать бумажными колпачками телефоны коммунистических ячеек. Но они не догадывались, что через несколько минут эти же колпачки чьей-то рукой переставлялись на другие номера.

Боевые отряды московских красногвардейцев окружили станцию. Было решено не разрушать ее, а взять белых измором. Красногвардейцам чем могли помогали телефонистки, монтеры, оставшиеся в осажденной станции. Они умудрялись украдкой от юнкеров пробираться в кросс, нарушать связь и тайно наводить там свои порядки. Почувствовав неладное, юнкера загнали в подвал наиболее «ненадежных». Тогда основная масса служащих станции в знак солидарности отказалась от работы. Юнкера начали было сами соединять номера, но ничего не вышло. «Сердце города» переставало действовать. Между тем наступление красногвардейцев усиливалось. Юнкера, переодевшись в женское платье, попытались прорваться, но, потеряв несколько человек, вернулись обратно на станцию.

Началась деморализация белого гарнизона осажденной станции: с отчаяния юнкера пьянствовали, дрались, дебоширили, кто-то покончил самоубийством, а один из офицеров, допившийся до белой горячки, взорвал гранатой несколько коммутаторных столов. На шестой день юнкера выпустили из подвала «неблагонадежных», укрепили на половую щетку белую простыню и выставили ее в окно второго этажа. В залы вступили красногвардейцы. Кругом — мертвые коммутаторы, ни одного огонька.

Вышедшие из подвала люди сразу взялись за дело. Восстанавливали свою станцию. Помогали и питерцам: дело в том, что часть телефонисток петроградской станции, спровоцированная контрреволюционерами, разбежалась. И вот по просьбе революционного комитета петроградской телефонной сети из Москвы в столицу выехала добровольческая бригада, чтобы заменить там бежавших телефонисток. А у нас, в Москве, началась горячая пора восстановления сети, оказавшейся после уличных боев в крайне тяжелом состоянии.

ВОПРОС. Как быстро удалось вывести ее из этого состояния?

ОТВЕТ. Сравнительно быстро. Большое внимание телефонной связи уделял В. И. Ленин. Летом 1918 года Владимир Ильич подписал декрет о дальнейшей эксплуатации московской городской телефонной сети на период восстановления Центральной станции. Постановление это является поистине историческим, потому что в нем решались не только вопросы техники, но и политики. Впервые в мире был поставлен вопрос о предоставлении удобств телефонной связи трудящимся. Предусматривалось, что на каждый дом будет включен хотя бы один аппарат, которым могли бы пользоваться все без исключения жители дома. Если этот аппарат стоит в какой-либо квартире, то хозяин берет обязательство допускать к телефону всех жильцов дома.

ВОПРОС. Как шло развитие телефонной сети в Москве после революции?

ОТВЕТ. К 1917 году емкость московской телефонной станции составляла более 60 тысяч номеров. Расширять станцию, учитывая, что она работала на принципе ручного действия, было невозможно, даже высокий рост телефонисток не мог решить проблемы. Единственный выход — автоматизация.

Предложения об автоматизации телефонных станций впервые были внесены нашими соотечественниками Мосицким и Апостоловым еще в конце 80-х годов прошлого века. Однако до революции их изобретения не встретили поддержки. Только при Советской власти телефонная сеть была коренным образом реконструирована. С улиц Москвы навсегда исчезли телефонные столбы. В 1930 году в столице появилась первая АТС, и с тех пор число их все время растет. В 1949 году советские инженеры одержали еще одну большую победу, смонтировав новую конструкцию АТС отечественного производства, так называемую декадно-шаговую. За каждым абонентом закреплялись индивидуальные приборы, обеспечивающие немедленный ответ станции после того, как абонент снял телефонную трубку. Новые АТС получают все более широкое развитие.

ВОПРОС. Какова сейчас нагрузка московских АТС?

ОТВЕТ. С 9 до 18 часов они пропускают примерно 5 миллионов 700 тысяч вызовов.

ВОПРОС. На какие часы падает наибольшее число вызовов?

ОТВЕТ. На утренние — с 9 до 11: видимо, жизнь московских учреждений начинается с разговоров по телефону. Вообще же график работы московских АТС довольно чутко регистрирует пульс жизни города. Например, в дни большого футбола сразу после матча в графике появляется пик — идет обмен мнениями, впечатлениями...

ВОПРОС. Известно, что растущая бурными темпами Москва еще испытывает своеобразный «телефонный голод». Что предпринимается для его ослабления?

ОТВЕТ. Строительство новых АТС, расширение старых ведется в первую очередь там, где растут кварталы жилых домов, в районах новой застройки — Октябрьское поле, Юго-Запад, Черемушки, Бутырский хутор. Для обслуживания фестиваля вступила в строй новая АТС, «И-4», на 2 тысячи номеров. АТС на 4 тысячи номеров скоро вступит в строй в Новых Черемушках.

В 1958 году в центре города будет строиться одна из больших АТС Москвы — на 10 тысяч номеров.

ВОПРОС. Удовлетворяет ли вас, связистов, существующая техника телефонии? Какой бы вы хотели ее видеть?

ОТВЕТ. Нет, конечно. У нас серьезные претензии к конструкторам, к научным институтам, но, насколько мне известно, они сейчас усиленно работают над дальнейшим усовершенствованием АТС. Мы хотим видеть станции, которые никто бы не обслуживал, на которых количество поломок деталей было бы сведено к нулю. Еще больше претензий у нас к промышленности. Много невзгод испытывают абоненты из-за несовершенства и невысокого качества аппаратов, микрофонов, шнуров. Здесь работы непочатый край. Надо надеяться, что совместными усилиями конструкторов, научных институтов, заводов советская техника городской телефонной связи быстро шагнет вперед.

АТС «И-4» вступила в строй. На снимке: прораб Д. Кудуш, инженеры А. Ахапкина и О. Леонова, начальник московской телефонной сети Н. Поминов, техник Т. Кузьмина, начальник службы станции управления сети П. Максимова.

Фото Б. Кузьмина.

ПОВЕСТЬ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Профессиональный революционер-коммунист П. А. Бляхин известен и как писатель, автор повести «На рассвете». Недавно вышла в свет новая его повесть — «Москва в огне». Эти повести являются первой и второй книгой трилогии «Красная рубашка» — так называли бакинские большевики-подпольщики совсем еще юного большевика Пашу Бляхина.

Формирование молодого революционера, закалка его характера, становление взглядов на цель и смысл человеческой жизни показаны в первой книге столь жизненно, правдиво, что, закрывая ее, долго не расстаешься с образом героя. Хочется вместе с ним пройти весь его сложный жизненный путь, такой поучительный для каждого, кто не ищет легких путей, кто хочет и свою жизнь построить так, чтобы она была достойной высокого звания человека, чтобы она была наполнена до краев большими человеческими чувствами, большим человеческим счастьем.

Деревенский мальчик из обнищавшей крестьянской семьи, отданный на прокормление к дяде в село Селитренное, Астраханской губернии, нещадно эксплуатируемый, религиозный и суеверный, рано пристрастился к чтению. Книжки в сельской библиотеке выдавал писарь по прозвищу Чихун. Он питал к книгам явное отвращение. «Бери, дурень, что хошь, тут всякая чепуха имеется!» — говорил он, и мальчик брал книжки о жизни святых, о царевнах, чудотворцах и богатырях.

Детское воображение Павлуши представляло прочитанное не как вымысел, и сам он воображал себя богатырем, мысленно совершая такие же подвиги. Но вот в сельской библиотеке он увидел «настоящую царевну». Это была новая сельская учительница Вера Сергеевна — член большевистской партии. Под ее воздействием происходят разительные перемены в сознании деревенского подростка. В библиотеке появились иные книжки — «Овод» и «Андрей Кожухов», «Спартак» и «Гарибальди». «Царевна-учительница» приобщает очарованного паренька к великой борьбе за перестройку жизни.

В 1903 году она направляет пятнадцатилетнего Павлушу в Астрахань на выучку к астраханским большевикам, и с этого времени юный наборщик становится борцом тогда еще немногочисленной гвардии Ленина, сумевшей повести за собой массы через революцию 1905 года на штурм старого мира в 1917 году. Все эти события показаны не сами по себе, а так, как они проходят через внутренний мир Павла. Вот почему не только исторические события, но и люди воспринимаются отчетливо, свежо, живо. В 1905 году Павел в Москве. Этим начинается вторая книга трилогии — «Москва в огне».

Эта повесть не иллюстрация к одной из замечательных страниц нашей истории — декабрьскому вооруженному восстанию 1905 года в Москве, а художественное произведение, созданное очевидцем и участником восстания, талантливым писателем.

Чистая правда большевистской души — вот, на мой взгляд, главное достоинство повестей Бляхина.

Мастерство автора, за редкими исключениями, не вызывает упрека. Построение повестей выполнено искусно, и язык автора ясен и прост. В первой книге, изданной в Казани, попадаются еще досадные вычурности в описаниях природы, но в издании «Молодой гвардии» их нет, и потому отчетливее выступают картины природы человеческой. А это всегда главный предмет художественной литературы.

Надолго запомнятся читателю, я в этом уверен, бессмертные образы скромных героев Московского вооруженного восстания, такие, как дядя Максим, Петр, Сергей, Мишка, Вера Сергеевна. В них воплощены при всем их своеобразии типические черты русского рабочего класса и передовой русской интеллигенции.

Я не ошибусь, если скажу, что они будут так же близки и дороги читательскому сердцу, как Овод и Корчагин. Полюбит читатель и образ Павла Бляхина, мужественного паренька с его богатым внутренним миром, с его светлой любовью к трагически погибшей Вере Сергеевне, с его исключительной скромностью и беззаветной преданностью делу Ленина.

Наша молодежь получила в подарок к сорокалетию Советской власти две повести о смысле жизни, созданные на прекрасном материале, неразрывно связывающем современную героику с ее истоками — героической борьбой первого поколения большевистской гвардии.

М. КОЛОСОВ

П. Бляхин. Москва в огне. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1956. 299 стр.

Школа мужества

События, описываемые в этой книге, неотделимы от биографии ее автора. Ирина Левченко в «Повести о военных годах» рассказывает о себе, о своем жизненном пути в трудные и тяжелые годы Великой Отечественной войны.

В семнадцать лет Ирина Левченко встретила войну. Мужественная девушка с первых же дней отдает себя без остатка делу победы над врагом. Сначала работа в отделении дружинниц Красного Креста Ленинградского района Москвы, затем служба в медсанбате, в качестве медицинской сестры; но Ирине этого мало. Она решает стать танкистом. Немало трудностей пришлось ей преодолеть, чтобы добиться заветной цели.

Повесть рассказывает о личной судьбе. Но в книге возникают образы многих и многих славных наших девушек, которые в тяжкие годы войны, порою в немыслимых условиях, делали все для разгрома врага. И. Левченко показывает тех, кто окружал ее, помогал проходить «школу мужества». Так возникают на страницах книги образы старого хирурга Покровского, несмотря на преклонные годы пошедшего на передний край битвы, сердечного и мудрого человека; пламенного большевика комиссара Хромченко, который напоминал Ирине Фурманова; славный облик молодого доктора Саши Буженко, о котором с такой теплотой и взволнованностью рассказано в книге; храброго офицера Ракитного и многих других. С любовью пишет Ирина Левченко о боевых товарищах, метким, характерными штрихами передает их облик. И еще раз удивляешься и восхищаешься величием души русского человека, человека Советской страны.

Значительное место в повести уделено семье автора. Это вполне закономерно. Те, среди которых жила Ирина, олицетворяют лучшие качества советских людей. Бабушка Ирины в годы гражданской войны добровольцем ушла на фронт и воевала в рядах легендарной Первой Конной армии. С детства в Ирине Левченко воспитывали честное отношение к жизни, сознание своего долга.

«Повесть о военных годах» — полезное и ценное произведение. Оно сослужит хорошую службу нашей молодежи, вдохновив на подвиги, равные тем, которые совершали их старшие сестры и братья, хотя и на ином участке фронта — на трудовом. Прочитав эту книгу, не одна девушка и не один юноша задумается о собственном пути.

Ирина Левченко, несмотря на свою молодость, прошла замечательный жизненный путь. Она начала войну дружинницей. Ныне Левченко — подполковник Советской Армии; на ее кителе, помимо многих наград, два эмалевых значка — свидетельство об окончании двух военных академий. Ей пришлось овладеть несколькими профессиями. Сейчас она стремится успешно овладеть еще одной — писательской.

Н. ГРОМОВ

Ирина Левченко. Повесть о военных годах. Изд-во «Молодая гвардия». 1957. 376 стр.

ПЕСНЯ СЕРДЦА

Полвека назад в воскресной газете «Доля бедняка», которую издавал Суриковский кружок писателей из народа, впервые появились стихи Павла Дружинина. Одаренный чутким поэтическим талантом, он хорошо знал эту нелегкую долю. «В казинетовой поддевке, в широченном картузе» приехал Дружинин вслед за своей мечтой в «златоглавую Москву». Работал дворником, кладчиком дров, грузил тес и клепку на станциях. Потом отбывал солдатчину, воевал на фронтах первой мировой...

Быть может, погиб, затерялся бы Павел Дружинин, так и не став поэтом,— обычная судьба сотен и тысяч талантливых людей из народа. «И пора была не та и не та оказия...» Мог он остаться несбывшимся талантом, подобно многим крестьянским писателям, которые когда-то, замирая от счастья, читали свои стихи в «Доле бедняка», а потом сгибались под тяжестью этой доли.

Но пришел 1917 год. Дружинин встречает революцию с радостным подъемом: «Пусть сверкают ярче мысли молодые, как на небе зори — зори огневые!» Бойцы Восточного фронта хорошо знали стихи, фельетоны, раешники Павла Дружинина, который часто печатался во фронтовых газетах. «Мое творчество начало определяться после Октябрьской революции»,— рассказывает поэт в автобиографии. Весомо и свободно вошел «молодой шум» революции в своеобразные стихи Дружинина, покрестьянски образные и певучие.

Песня Дружинина естественна, как песня сердца, герои поэзии не традиционно условные фигуры, а реальные мужики, бабы и солдаты, чья награда — «дырка да заплата, котелок да фляжка, поясок да пряжка». Революция пришла как живое воплощение народной мечты.

Муза Дружинина коротко знакома с простыми, обыкновенными людьми земли советской. С хорошим кондуктором, в чьем автобусе «у всех пассажиров веселые лица»; с бабкой Катериной, ворчащей на внуков; с сапожником из артели «Новый быт», который работает «по всем правилам науки, как профессор обувной».

Перевоплощаются исконные герои народной поэзии. В короткой поэме «Бабья доля» (1923 год) Дружинин впечатляюще пишет о недавней судьбе молодой крестьянки, отданной «богатому, торопатому, да немилому». В стихотворении «Василиса» поэт создает песенно-раздольный образ девушки «красоты чудесной на весь край окрестный». До чего к лицу нашей жизни этот традиционный народный образ! Счастливая доля у Василисы, но под пером поэта возникает не лубочный рисунок. Василиса выбирает себе в женихи «простого парнишку, не купца богатого», и мечтают они о том, что сын их будет «пахарь знаменитый, будет государству — крепость и защита!..»

Большой землей предстает в поэзии Дружинина советская Родина. Удивительно теплой и живой ощущаем мы эту землю в стихах поэта. Мы видим все заросшее ветлами да ивами старое русское село «с галками крикливыми», нас обдувает «пьяный ветер», что «гулял на дне рождения у весны-красавицы», а через всю страну мчатся поезда со своей новой и упрямой песней: «Трактора! трактора! трактора! трактора!» Идущее от народной поэзии доверие к земле по-своему, по-советски переосмысливается лирическим героем: «Большая общая земля нас всех прокормит и согреет».

...Большой и прекрасный творческий путь — пятьдесят лет! — Павел Давыдович Дружинин прошел со скромностью настоящего художника, воспевая Родину и революцию «не ради слав и суесловья», но потому, что это песня его сердца. Молодости желают поэту все его друзья-читатели: и сапожник из артели «Новый быт», и комсомолец со «счастливым картузом», и хорошая веселая кондукторша, и сын Василисы, который уже, конечно, вырос и стал знаменитым пахарем — опорой и защитой нашей Отчизны.

С. ЛЕСНЕВСКИЙ

Павел Дружинин. Большая земля. Избранные стихи. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1956. 150 стр.

Под небом Индонезии

А. СОФРОНОВ Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Вот один из вулканов...

На острове Бали

— Настоящие индонезийские танцы вы увидите на острове Бали, — сказал мне мой сосед во время концерта, устроенного доктором Сукарно по случаю приезда в Индонезию К. Е. Ворошилова.

— Но нам говорили, что и в этом концерте собраны лучшие танцоры и танцовщицы Индонезии.

— Совершенно верно, — согласился мой сосед. — Здесь лучшие силы Явы, Суматры, южного Целебеса и самого острова Бали. Но на острове Бали вы увидите танцы в их первородном виде, и не сольные и парные, а, если можно так сказать, массовые, ансамблевые, хотя у нас и не принято так говорить... Вы смотрите, смотрите за пальцами танцовщицы!..— вдруг воскликнул мой собеседник, восторженно сверкнув глазами.

На сцене, освещенная лучами прожекторов, неслышно передвигаясь, плыла женщина в золотисто-желтом одеянии. Пальцы ее рук словно жили самостоятельно. С первого взгляда трудно было уловить ритм и последовательность движений, но невольно этот негладкий ритм притягивал каким-то тайным очарованием. Исполняла танец маргапати — танец льва — одна из лучших танцовщиц Индонезии, Ни Тая Адньани. То перед нами возникал облик сытого, довольного льва, то рождалось движение, напоминающее порхание полевых бабочек, то создавалось впечатление полета шмеля вокруг цветка... И все это было насыщено то радостью, то печалью, то гневом, то спокойствием...

История многих индонезийских танцев уходит в глубину веков. Они вбирают в себя целые легенды, имеющие, кроме хореографического толкования, еще письменные и устные редакции. Обычно это — воспевание воинских подвигов, борьба с жестоким раджей или, как в танце южного Целебеса, изображение героической борьбы народа за свое освобождение. Начало танца принадлежит женщинам, выходящим с белыми веерами в руках, с красными и белыми гвоздиками — цвета национального флага — в прическах. Танец и мелодия его, простая и вместе с тем мужественная, вызывают невольное восхищение этим неповторимым по своеобразию искусством.

— Настоящие танцы вы увидите на острове Бали,— сказал мне и молодой индонезийский дипломат Судерманто, когда мы летели трассой потухших вулканов из Бандунга в Джокьякарту.

С высоты четырех тысяч метров внизу виднелись желтые, глинистые реки, впадающие в Яванское море. Жерла вулканов сверху казались вычищенными и отшлифованными, словно их специально приготовили для обозрения туристов. Я уже собрался задать вопрос, чем все-таки отличаются танцы Бали от танцев других островов Индонезии, но Судерманто вдруг сказал:

— Здесь не только потухшие вулканы... Смотрите, вот действующий вулкан Мерапи.

На этот раз на почтительном расстоянии (видимо, пилоты не очень доверяли вулканическому характеру Мерапи), проткнув серое облако вершиной, виднелась гора, из жерла которой, как из доброй фабричной трубы, валил густой темный дым, образуя второе облако. Зрелище было внушительное, и я забыл о своем вопросе. А когда вспомнил, самолет шел уже на посадку.

Через три дня мы оказались на острове Бали. Трудно за короткий срок познакомиться со всеми обычаями и нравами жителей этого небольшого острова, истинного заповедника искусства. В первый вечер наши машины ехали мимо бамбуковых хижин, расположенных в тропических лесах, где в знак привета гостям на столбиках, в распиленных пополам кокосовых орехах, колеблемые свежим океанским ветром, трепетали язычки пламени.

На весь мир славятся балийские резчики по дереву. В маленьких магазинах города Ден Пасар на прилавках стоят изумительные шедевры народного искусства. Здесь и исполненные тонкой грации женские статуэтки, и бытовые сцены, и массивные туши быков, и легкие фигуры оленей, и сложной резьбы образы балийской мифологии... У покупателя при входе в лавку разбегаются глаза, словно он и впрямь попал в музей.

Если вы окажетесь приличным покупателем, вам еще в награду подарят искусно сплетенный из пальмовых листьев веер или какую-либо дешевую деревянную безделушку.

Нам удалось побывать в деревне вблизи Ден Пасара, где находится один из лучших магазинов, продающих маленькие шедевры. Хозяин магазина охотно сбавлял цену, когда покупатели задумывались, брать или не брать фигуру. Продажная цена здесь довольно высокая и рассчитана главным образом на европейских и американских туристов, в изобилии появляющихся в последнее время. Немало появляется и журналистов из этих стран, охотящихся фотообъективами за деревенскими женщинами, привыкшими, по старинным обычаям, ходить обнаженными до пояса...

Впрочем, о журналистах здесь вспоминают по-разному. Проезжая вдоль пологого берега Индийского океана, осененного высокими пальмами, мы спросили у шофера-балийца, много ли здесь акул и бывают ли случаи нападения акул на купающихся. (Мы собирались выкупаться в океане.) Шофер ответил довольно туманно:

— Особых происшествий не было... По крайней мере, с местными жителями... Был один случай с английским журналистом. После путешествия по деревням он решил выкупаться в океане... Но больше его не видели. Одежда осталась на берегу, напали на него акулы или еще кто — неизвестно, только он исчез.

Больше шофер по этому поводу распространяться не стал, и мы, таким образом, сошлись на том, что именно акулы обошлись так нетактично с представителем английской прессы. Тем не менее мы все-таки решили выкупаться в океане.

Гостям показали уходящую в прошлое игру — петушиные бои. На небольшой полянке, окруженной зрителями, расположились крестьяне — хозяева петухов. Перед боем каждому из петухов прикрепляют к лапе тонкий обоюдоострый кинжальчик. Легкие, поджарые петухи ненавидящими глазами смотрят в упор друг на друга, потом начинают подпрыгивать, хлопать крыльями. И вдруг один из них оказывается уже на земле с перерезанным горлом и закатившимися глазами. Но другой, победитель, еще продолжает шпынять поверженного противника кинжальчиком и потом долго отряхивается в руках довольного хозяина, методично собирающего деньги с тех, кто проиграл.

— А этого в лапшу, — мрачно произносит кто-то из гостей, глядя, как суют в мешок зарезанного петуха.

Накануне отлета с острова Бали мы досыта насмотрелись на балийские танцы, которые действительно трудно сравнить с какими-либо другими.

На городской площади с самого утра собирались жители города. Шли продавцы местных сластей,

ИНДОНЕЗИЯ. Девушка с острова Бали в национальном костюме.
Фото Дм. Бальтерманца.

«Огонек».

ИНДОНЕЗИЯ. Остров Бали. На берегу Индийского океана.

Вождь племени.

Карнавальная маска на народном гулянье.

Свадебная процессия.

Балиец в национальном костюме.

Народные танцы.

ИНДОНЕЗИЯ. Гонки быков в Сурабае.

Сейчас начнется бой петухов.

неся корзинки с товаром на голове. Напротив небольшой трибунки усаживались на расстеленные по земле ковры музыканты оркестра — гамелана, хитроумного сочетания меди и дерева, создающего удивительные ритмы и точную, хотя и несложную мелодию. Барабаны, бубны и медные гонги скоро заполнили звуками площадь, окруженную могучими, многоствольными баньянами, на которых, как гроздья, висели сотни ребятишек.

Началось танцевальное шествие в честь советских гостей. В золотисто-желтых одеждах, в венках, в которых тонкие лепестки золота переплетались с живыми цветами, неся в правой руке чаши с лепестками цветов, по дороге шли девушки. Движения их были удивительно плавными. Снова привлекала внимание неуловимая, таинственная игра пальцев. За колонной девушек двигались маски, изображающие злых духов. С огромным удавом на шее прошел брамин. Затем потянулась колонна автомашин. На каждой из них — живая картина, изображающая различные эпизоды человеческой жизни. Тихо проходит машина. На мягком ложе лежит обессиленная мать, рядом с ней с сияющим лицом сидит отец. Родился ребенок. Из пушек с бамбуковыми стволами вылетает огонь. Гремит салют в честь рождения человека. Новая картина: проходит 42 дня — первое омовение ребенка. Прошло три месяца — ребенок уже в люльке. Этому событию посвящена самостоятельная картина. Проходит детство. Наступает совершеннолетие. Девушке подрезают зубы. Это религиозный старый обычай: говорят, что подрезанные зубы помогают бороться с дьяволом.

Вот сцена, вызывающая особое оживление молодежи. На высоких носилках под пестрыми широкими зонтами несут девушку. Ее выдают замуж. А вот уже и свадьба — жених и невеста рядом. По их адресу со всех сторон сыплются замечания и пожелания зрителей. Игра, танец, живые картины переходят в жизнь. Но жизнь идет все дальше и дальше. Вот уже молодые идут с дарами к своим родителям, давшим им счастье жизни, воспитавшим их в любви и преданности родной земле... Мужчину провожают в храм. Девушки несут сахарный тростник, плоды и овощи — щедрые дары балийской земли. Мужчины идут с мечами за спиной. Избраннику снимают волосы — это символизирует укрощение земных страстей. Но в нем сохраняется сердце воина, он должен показать умение владеть оружием... Проходит жизнь... И вот уже торжественно-печальная картина сожжения тела умершего. Строго и мужественно провожают в последний путь человека. Он недаром прожил свою жизнь: потомки продолжат его дело.

Уже после здесь же, на острове Бали, нам довелось видеть на сцене сольные танцы, но эти сохраненные в их первозданной чистоте обычаи, пусть несколько театрализованные, говорили о многом; прежде всего о том, откуда рождается мужество и смелость свободолюбивого народа, поднявшегося на борьбу против иноземных поработителей, пытавшихся растоптать древнюю культуру и вольный дух народов Индонезии.

Многое останется в памяти о поездке по Индонезии, но одним из самых памятных воспоминаний будет остров Бали, густые, яркие звезды, шелест высоких пальм на широком берегу Индийского океана.

Буйволы Мадуры

Когда мы прочли в программе пребывания в городе Сурабае о том, что будут показаны бега буйволов с острова Мадуры, то в один голос воскликнули:

— Бега буйволов?! Не может быть!

Оказалось, может быть. С расположенного в Яванском море острова Мадуры, находящегося не так уж далеко от Сурабаи, для показа советским гостям привезли несколько десятков буйволов, ежегодно состязающихся в скоростном беге. Буйволиные бега присущи исключительно острову Мадура. Как говорят легенды, в давние времена состязания эти проводились, чтобы достичь лучших результатов во время обработки рисовых полей. Две парные запряжки должны были соревноваться в том, какая первой закончит обработку поля. Скорость буйволов увеличилась, и состязания постепенно превратились в бега. Сейчас, с годами, ставится другая цель — улучшить породистость скота. Не всякий буйвол допускается к участию в бегах. Буйвол должен быть сильным, здоровым, высокого роста, обладать красивой окраской шерсти. Предки участников состязаний должны быть только буйволы с Мадуры. Бега обычно проводятся с августа по октябрь, после того, как закончится сбор урожая и крестьяне освобождаются от полевых работ. Комитет по бегам буйволов в провинции награждает район, чьи буйволы вышли победителями в бегах, переходящим знаменем. Если тот или иной район трижды завоюет первенство Мадуры, переходящее знамя остается за этим районом навсегда.

В день пребывания советских гостей в Сурабае на травяном поле поблизости от аэродрома были показаны бега буйволов. Надо сказать, никто из нас не предполагал, что буйволы могут так быстро бегать. Видимо, последовательные тренировки вывели действительно сильную, быстроногую породу. Достаточно было взглянуть на их мышцы, переливающиеся под светло-рыжей, с короткой шерстью шкурой, чтобы понять: да, этих бычков не каждая лошадь догонит!

Перед бегами, ведомые гонщиками, украшенные различными побрякушками, лентами, золотистой сбруей, буйволы прошли перед зрителями. Затем с них поснимали все лишнее и парами начали выводить на старт. Им предстояло пробежать 130 метров. Перед тем, как пустить быков со старта, их старательно хлещут бичами, «разогревают», затем на шест, упирающийся свободным концом в землю, вскакивает «жокей», и состязание начинается. Гонщик яростно хлещет быков плеткой. Зрители кричат, улюлюкают. Тут же заключаются пари. Мелькают бычьи копыта, летят комья земли. Приближается жирная полоса финиша. Судьи пристально смотрят на передние ноги мчащихся буйволов. Победителем считается пара, первой коснувшаяся финишной черты.

Победители снова возвращались на старт. Снова шел бешеный бег, пока не остались две пары победителей, боровшихся за первое и второе места...

В стороне от зрителей в это же время шел бой быков. Деревянная, сбитая из бревен ограда открывала и это зрелище. Быков сводили друг с другом. Подталкивали, совали кулаки меж ребер; им ничего не оставалось, как только упереться друг в друга лбами, стараясь столкнуть соперника с места. Надо сказать, что делали они это довольно лениво. Вокруг за оградой стояли зрители; они кричали, махали руками. Фотокорреспонденты щелкали аппаратами. Вдруг серому бычку, видимо, надоела эта бессмысленная толчея на месте, он мотнул головой в сторону, повернул, с ходу налетел на ограду, сбил бревно и выскочил в поле. За ним ринулся и другой бычок. От них врассыпную бросились люди, упал какой-то корреспондент, закрывая голову фотоаппаратом... Но все обошлось благополучно. На быков накинули арканы и вернули их в ограду...

В это время закончились буйволиные бега. Победителей провели к трибунам. Они стояли, заново украшенные золотистой сбруей и яркими лентами, гордо задрав короткие морды.

На быков накинули арканы и вернули их в ограду.

ДУМЫ ЧАБАНА

Семен БАБАЕВСКИЙ

Фото В. Тарасевича.

Знакомый пейзаж открылся взору, когда мы оставили внизу, в балке, село Арзгир. Лежала забурунная степь под палящим солнцем, синел жесткий, как проволока, типчак, дрожала на ветру полынь. Равнина вокруг, как море, а ковыль, сгибая свой белый шелк, напоминал пену на гребнях волн. Отара среди такого простора — крохотный серый островок. Островок движется и движется под ветер. Чабан впереди, а следом катится арба с немудреным хозяйством, тянется водовозка с бочкой, походное корыто. Между колесами, прячась в холодке, лениво плетутся собаки.

В сторонке — могильный курган. На его затравяневшей макушке мостится орел, большой, сильный. Шея и грудь — лиловые, как у селезня, а весь он — от когтистых ног до точеного клюва — будто отлит из меди. Орел смотрит на чабана, а чабан — на орла: старые знакомые. «Ну, чего, дружище, пригорюнился? Или и ты ветра испужался?» — Дмитрий Фомич взмахнул ярлыгой. Хищник могуче расправил красноватые, с серебром оперения крылья и грудью лег на воздушную волну.

Дмитрий Фомич проводил орла взглядом и снова пошел впереди отары. Он спиной чувствовал, как пасутся овцы, и то останавливался, чтобы придержать нетерпеливых ягнят, то снова двигался все тем же тихим, призычным шагом. Ярлыга — на плечах. На поясе болтались пинцет, бутылка с коричневым раствором креозота, кисет — нет, не с табаком, с дустом.

Вот так, не спеша, один со своими думами, и проходил Дмитрий Фомич Стукалов по арзгирским пастбищам пятьдесят годов... Полвека с отарой!.. Легко об этом сказать, да нелегко прожить.

Жизнь овцевода началась в ставропольском селе Величаевке и прошла тут же, в степях. Была эта жизнь такая же простая и ясная, как и сама степь с ее далями и травами, с птицами и цветами. Сколько проведено бессонных ночей в степи, сколько истоптано нехоженых тропок, сколько выращено ягнят — нет этому счета! Подсчитано, что за пятьдесят лет из шерсти, которую стригали сняли с отар Дмитрия Фомича, портные могли бы сшить столько костюмов, что в них можно одеть все население такой страны, как Франция.

Смотришь на этого коренастого, нестареющего степняка, на его добродушное, типично русское лицо с пучками морщинок у глаз и невольно думаешь: какой же он замечательный человек, этот поставщик золотого руна! Вот он стоит, опершись на ярлыгу, и смотрит то на отару, то на солончак. И тут походил суховей, начисто выпил воду. Окаменела земля, шелушится на ней сизая корка соли, морщинятся трещины, наскоро затканные влажной паутиной.

Степь же вокруг все так же пустынна и неприветлива. Ее спалил зной, иссушил ветер, и мутное небо над ней точно раздвинулось, разрослось — попробуй закрыть тучами такую ширь! Второй месяц нет дождей. Пропали зоревые росы. С утра и до ночи посвистывает суховей, бьет по лицу, толкает в спину, а на губах — соленый привкус Каспия. Сохнет трава, клубится рыжая пыль, вставая на горизонте калено-красным заслоном. Болит, ноет сердце у чабана.

— У хлебороба зерно, а у нас шерсть,— сказал Дмитрий Фомич, обращаясь ко мне.— Пригнал овец на стрижку — кончился твой год, остриг овец — начался новый год. Шерсть — это слава чабана. Думал я, что в этом году ходил за овцами не зря,— рассчитывал взять с каждой головы килограммов по семь, а теперь вижу: не возьму. Суховей и траву съедает и шерсть. Пора бы нам провожать отару на стрижку, а мы оттягиваем, поджидаем дождя, чтобы руно малость повлажнело. Вот погляди, какая в нем картина...

И Дмитрий Фомич умело, одним взмахом ярлыги, подцепил овцу. Поставил ее между ног, разорвал на спине шерсть — сверху она покрылась пылью, почернела, спаялась, а снизу — ни пылинки на ней, ни соринки. Одна в одну лежали тончайшие нити, точно слегка смазанные вазелином.

— По длине волокно ничего, подходящее,— заключил Дмитрий Фомич.— А жиропота маловато, да и не имеется на волокне тех виточков, какие нужны... А почему? Сушь! Суховей, чертяка, забрался и в шерсть.

Кто не знает, что жизнь у овцеводов степная, безлюдная? Помечтать, пораздумать вволю у них и места и времени, а вот поговорить, душу отвести не с кем. На собраниях они бывают редко. Поэтому чабаны, как правило, люди, скупые на слова и щедрые на мысли. Молчаливость и внешняя суровость — примечательные черты их характера.

Дмитрий же Фомич — исключение из этого правила: старик любит поговорить. Казалось, что все те думы и раздумья, которые пришли к нему в одиночестве, при встрече с людьми не дают ему покоя. Охотно и не без гордости он поведал мне, что в этом году на каждые 100 маток получил 143 ягненка и всех сохранил,— вот они, пасутся. Иными словами, весной у старого чабана было 700 голов овец, а к осени их станет 1 700. Тут и без слов понятно, сколько нужно для этого заботы и опыта.

Не дожидаясь вопроса, Дмитрий Фомич рассказал о травах — насчитал более двадцати названий. Он смотрел на пастбища и не рассказывал, а точно читал увлекательную книгу. Я узнал, что самыми ценными кормами являются «золотурган» и «чадырган» — травы сочные, питательные. «Без этих растений не будет настоящей шерсти»,— между прочим заметил Дмитрий Фомич. Говорил он и о «зайчуке», траве сезонной, которую овцы поедают весной,— в жару «зайчук» высыхает; о «капустке», которая растет на сагах и по солончакам,— животные лакомятся ею зимой, а летом она чересчур соленая.

— В нормальное лето у нас тут не травы, а ковер цветастый,— с улыбкой добавил чабан.— А ныне лето безводное, с бурями, через то и ковер почернел. Уцелела одна ковыль-трава. Красиво стелется по ветру — шелк, да и только! А какой прок от этого шелка! Никакого. Шелковый устюк впивается сперва в шерсть, засоряет ее, а затем, чертяка, и в шкуру лезет...

Больнее всего суховей бьет по этим резвым малышам.— Дмитрий Фомич показал ярлыгой на ягнят.— Им требуется сочная трава, а они грызут тырсу. Мериносовый ягненок — существо нежнейшее, хрупкое, истинно дитя. И пока ты выведешь его в люди да на ноги поставишь, горя наберешься немало. Окот у нас поздний, и хорошо, ежели весна теплая и без ветров. Старая овца — в шубе. все стерпит, а новорожденному в непогоду трудновато приходится. Без чабанского досмотра погибнет в два счета. Так и смотри за ним, так и приглядывай. Суховей валит ягненка с ног. Соленой травы он поест, воды с дуру обопьется — желудком будет страдать так, что не излечишь. На сырую землю ляжет — простудится, легочную болезнь получит. Вот и радуйся, чабан. В малом возрасте ягнята сильно обожают сон. Чуть что — ложатся и спят. Могут лечь к ночи в траве; матки уйдут попасом, а чабан пройдет мимо и не заметит. Вот и есть волкам добыча. Почему мы разделяем отары на три — четыре сакмана? Из-за ягнят. Так их легче выращивать, удобнее за ними смотреть. Нынче в моей отаре много двойнят. С ними еще хлопотнее. Могут потеряться. А бывает, что один сосет мать, а другой никак не поспевает — вот и надобно все усмотреть. Я скажу так: получить большой приплод — это еще не главное. Сохранить ягнят в целости, взрастить их, сделать из малыша настоящую овцу — это трудно. И ежели б те люди, кто носит костюмы и пальто, сшитые из мериносового волокна, знали в тонкостях, как та шерсть растет и сколько возле нее хлопот, они частенько бы вспоминали чабанов добрым словом.

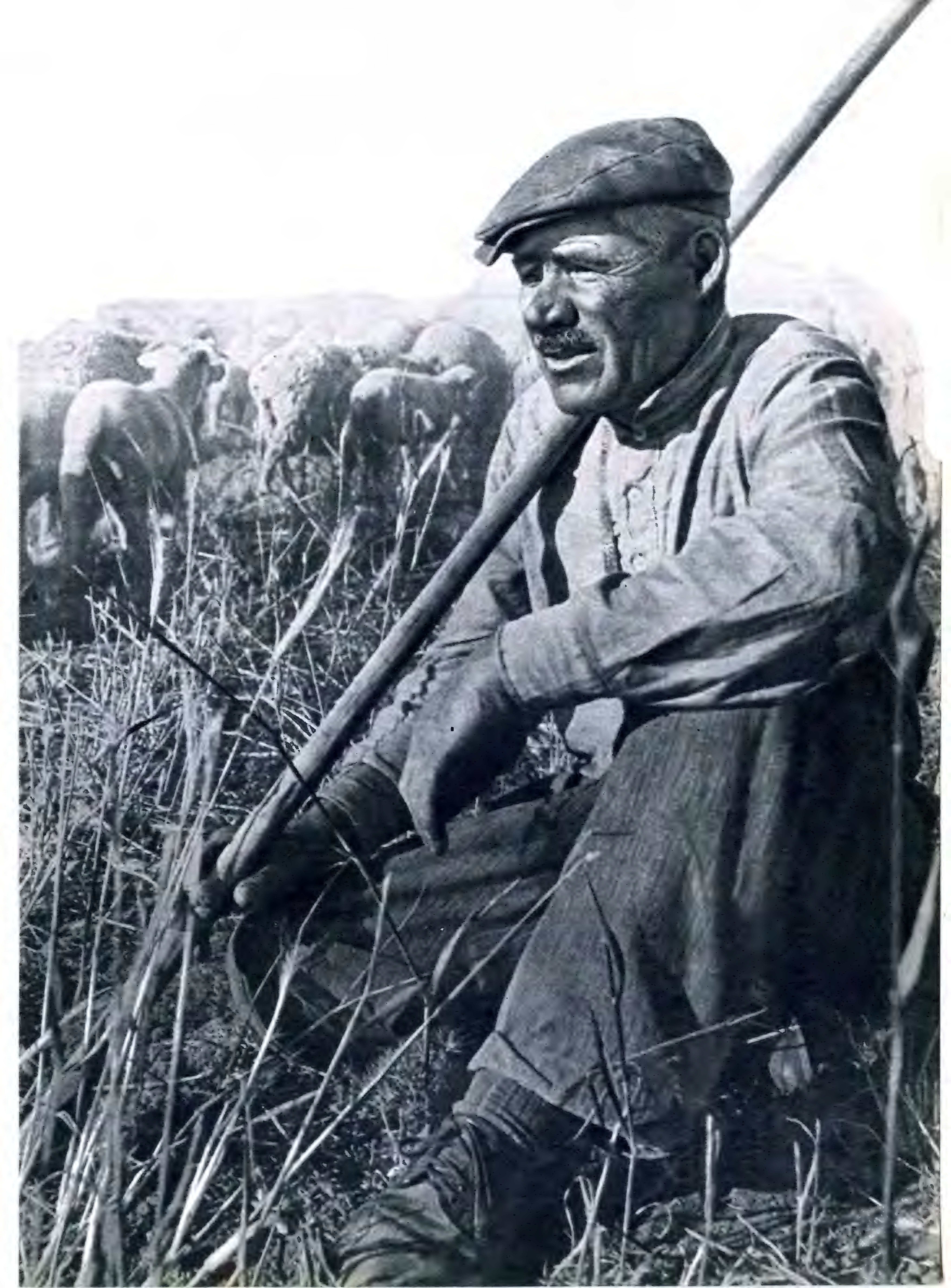
Мы шли, подставляя спины ветру. Следом за нами, похрустывая на зубах сухой травой, попасом двигались овцы. Дмитрий Фомич не умолкал. Видимо, старик хотел наговориться вволю. Голос у него глухой, тихий. Ветер мешал ему, и он на самом интересном месте останавливался и повышал голос.

— Сколько раз, бывало, вот так же, как зараз,— продолжал Дмитрий Фомич,— ведешь отару и все думаешь и думаешь или сам с собою негромко беседу-

На овцеводческую ферму приехала автолавка.

Старейший чабан совхоза «Туркcaд» Дмитрий Фомич Стукалов.

→

Три стихотворения

Эверт ХУЛДЕН

ОКЕАН ВЕРЕСКА — ОКЕАН ЗВЕЗД

Порою жизнь моя — сухая степь.
Хотя бы вырваться!
Но говорит мне вереск:
— Глянь на меня!
Потом приходит ночь.
Сияют звезды.
Звезды говорят:
— Гляди на нас!
Вокруг два океана:
Вот океан дневной —
цветущий красный вереск,
Вот океан ночной —
небесный звездный полог.
И я меж ними — одинокий путник.
И если бы я мог не говорить
Со степью, с вереском,
с клонимой ветром веткой,
И если б я не видел дальних звезд, —
Я был бы мертв...

МЕРТВЫЕ ЖАВОРОНКИ

Плывет в пространстве атомная пыль,
И жаворонки падают на землю.

И тишина. И грома не слыхать,
Предвестника безмолвия и смерти...
Но снова ядовитые грибы
Встают из вод на Тихом океане.

Неужто вовсе нет на них управы,
На тех, кто ждет с зажженным фитилем?
И вправду ли на них управы нет,
На тех, кто огражден мешками денег?

Все те, кто в поте добывает хлеб,
Кто хочет мирно жить в своих домах,
Сплотитесь наконец!
И ваша воля
Спасет планету!

Плывет в пространстве атомная пыль,
И жаворонки падают на землю.

КОРАБЛЬ БУДУЩЕГО

Он все еще бродит в далеких морях...
Веселые ветры шумят в парусах,
И флаги вселенной трепещут на мачтах,
Приветствуя ясный рассвет.
Везет это судно наших детей
В страну, где рождается утро,
Где множатся в щедром сиянии дня
Сокровища многих сердец.
Из темных углов мы выйдем на свет,
Но время еще не пришло.
Еще угрожают бортам корабля
Заряды урана и водорода.
Поэтому бродит он в дальних морях,
И ждет он минуты,
Когда мы навек похороним оружье
И черные мысли
Сгинут, как ночь.

Эверт Хулден — финский крестьянин-поэт.

Перевел **Д. САМОЙЛОВ.**

ешь. О чем? Обо всем... Особенно ночью. Вокруг накрытая темнотой степь. Она всю ночь не засыпает — птицы поют, травы шелестят, суслики высвистывают! Красиво! Над тобой небо и звезды, а ты либо лежишь на боку, либо топчешь траву.

Чего только в такие минуты не лезет в голову! Разные города и путешествия видятся. Молодость тоже вспоминаешь. Чего только не пережито! Частенько беспокоит и то, что близко, рядом. Сказать — свои болячки. Артезианов у нас мало, с водой плохо. Даже труб достать не можем, чтобы на центральной усадьбе сделать водоразборные колонки,— вот и об этом думаешь. Кошары плохие, холодные и тесные, к зимнему окоту не приспособленные,— и пошла гулять думка про кошары. Зимний приплод сильно выгодный — это все знают: ягненок рождается в январе, и, пока на дворе стоят холода, он подрастает в тепле возле матери, а весной ему уже не страшны ни дожди, ни ветры. И вот все думаешь, как бы нам от слов и от думок перебраться к делу. Решений, это я знаю, есть много, речей тоже хоть отбавляй, а январского окота все нет.

Овечье хозяйство мы ведем рывками и дерганьем. То кормов не хватит — овца страдает; то кошары не утеплим — в стужу, в метель в них не спрячешься. Животное гибнет, пропадает труд чабана, и какой убыток государству! Все это я к тому говорю, что разные думки лезут в голову, когда один в степи. И ежели б можно было те думы чабана записать, как песню, на пластинку и отвезти ту пластинку министру Мацкевичу,— пусть бы для интереса послушал...

Иной раз начнешь думать и про свое чабанское житье-бытье. Живем мы, как кочевники, месяцами ни кино не видим, ни радио не слышим — без привычки житуха трудноватая. И тут приходит в голову думка о смене. Два века гулять с отарами не буду. Мне уже под семьдесят. По всему видно, отходил свое, отчабановал, старый, пора и на пенсию. И я давно ушел бы на покой, а не могу. Совесть не велит, душа побаливает: кому доверить отару? В чьи надежные руки передать такое богатство? Жизнь чабана хоть и трудная, но привольная, в ней простора много, ее полюбить надобно, а ту любовь у детворы мы не прививаем.

Как-то пришли ко мне школьники на экскурсию. С портфельчиками, с тетрадками, карандаши у них наизготове. Чуть что — записывают. Спрашивали, интересовались. Ягнят ласкали. Обрадовался я, думал, что вот и потянуло ребят к моему ремеслу. Я им и говорю: ну, хлопцы-молодцы, кто из вас самый смелый? Подходи ко мне, бери ярлыгу — да и в добрый час. Все смеются, зубы скалят. Вышел наперед такой белобрысенький парнишка с комсомольским значком и говорит: овцеводство, дедусь,— дело большой государственной важности. Ишь, какие слова! Но чабанское занятие дюже, говорит, тихое, безлюдное, а мы привыкли жить с людьми, чтоб и кино и все там другое. А в степи, говорит, умереть можно от скуки. Положим, отвечаю, от этой болезни еще ни один чабан не умирал. Но меня, говорю, беспокоит другой вопрос: как же быть с овцой? Старые чабаны отойдут на покой, а нашим людям и в будущем потребуется красивая одежда, а ту одежду дает овца. Так что без чабанов нам не обойтись. Вот какая это ценнейшая профессия. Паренек опять усмехается: надо, дедушка, чабанство механизировать. Приставить к отаре электрического чабана, вручить ему в руки ярлыгу, и пусть себе действует. После этого и я рассмеялся. И придумал же! Не смыслит того, что овца без человека пастись не может. Она любит ласку, заботу. Как же тут можно нас, чабанов, заменить электричеством?

Дмитрий Фомич приложил ладонь к глазам, посмотрел в завьюженную даль, прислушался.

— Мотор гремит. Кто-то сюда скачет...

Вскоре к нам подлетел на мотоцикле юноша в парусиновой куртке и в шлеме. На глазах у него, как у летчика, запудренные пылью ветровые очки.

— Дмитрий Фомич! — сказал он, касаясь носками земли.— С трудом разыскал ваше хозяйство. Полстепи исколесил.

— Дело ко мне срочное?

— Приглашаем ваших овечек в парикмахерскую,— снимая очки, с улыбкой ответил юноша.— К рассвету подоспеете?

Чабан утвердительно кивнул головой. Юноша сказал, что ему надо побывать в отаре Ивченко, и уехал. Ветер смял вспыхнувшую под колесами пыль, унес резкий, как винтовочные выстрелы, треск мотора, и мотоциклист растаял в степи... А Дмитрий Фомич уже заворачивал отару. К вечеру утих ветер, наступила прохлада, и только на горизонте все так же стояла рыжая стена.

Утром началась стрижка. Кошара на время превращена в «парикмахерскую». Вдоль стен протянулись свежие, еще не засаленные шерстью помосты, над ними, как гроздья, повисли на электропроводах стригальные машинки. Между помостами теснились в закутах овцы: поджидали очереди. В кошаре — разноголосое блеяние. «Парикмахеры» — в большинстве женщины в брюках и в спецовках. Они кладут на помосты овец. Гудит двигатель, ему подпевают стальным стрекотанием сорок ножей. Сползает с овцы тяжелое, как шуба, руно — сверху грязно-серое, а снизу желто-белое.

Дмитрий Фомич не ушел домой, не стал отдыхать. Не до отдыха было чабану. Молчаливо-грустный, с озабоченным лицом, он подходил то к одному помосту, то к другому — присматривался, пробовал рукой шерсть, нюхал ее. Затем останавливался у широкого, с решетками стола. Девушки, недавно окончившие техникум, быстрыми движениями рук ощупывали шерсть, осматривали ее, определяя сорт.

— Ну, дочки, как мои труды? — тихо спросил Дмитрий Фомич.— Есть результат?

— Первый сорт, дедушка!

— Да я знаю, что дедушка — первый сорт,— шутил Дмитрий Фомич.— А как шерсть?

— Дмитрий Фомич, да вы сами на нее посмотрите.

— Сам я на нее весь год посматривал.

Подошел к прессу. Постоял, заложив руки за спину, посмотрел. Первый тюк, обтянутый мешковиной и проволокой, радовал глаз. Дмитрий Фомич ничем не выказывал свою радость. Все с тем же строго-задумчивым видом осмотрел тюк, спросил:

— Эй, прессовальщик! Как руно? Вес имеет?

— Попробуй, Дмитрий Фомич, подними.

— Да, поднять трудно, это ты верно подметил.— Старик скупо улыбнулся.— Как думаешь, по шесть кило вкруговую возьмем?

— И больше возьмете, Дмитрий Фомич.

— А я побаивался...

На пятый день к вечеру Дмитрий Фомич снова был в степи. Все так же не спеша двигалась чабанская арба с корытом и бочкой, и плелись сонные собаки, и дул ветер с пылью. Только теперь отара была чистенькая, белая, точно ее одели в белье. Казалось, каждая овца уменьшилась наполовину.

По степному тракту пропылила вереница автомашин. В кузовах, прикрытые брезентом, горбатились тюки.

— Шерсть покидает степь.— Дмитрий Фомич долго смотрел вслед грузовикам.— Доброго ей пути...

И все тем же размеренным шагом чабан пошел впереди отары.

Арзгирский район.
Ставропольский край.

Журнал „Тайм" и китайское искусство

«Цветы и птицы». Картина художника Лу Ци (эпоха Мин).

Обложка одного из последних номеров американского журнала «Тайм» встречает читателя крикливым аншлагом: «Искусство Китая. Шедевры, спасенные с материка».

Кем спасенные? С какого материка? Перевернув несколько страниц, видим анонимную статейку, иллюстрированную несколькими репродукциями. Речь в ней идет о выставке произведений китайского искусства, открывшейся недавно на Тайване.

Почему у издателей «Тайма» вдруг проснулся интерес к шедеврам китайской культуры? Может быть, они просто хотят ознакомить с ними читателей? Увы, как можно убедиться, у «Тайма» на уме совсем другое.

ШЕДЕВРЫ КИТАЙСКОГО ИСКУССТВА

На выставке, открывшейся в Бэйгоу, небольшой деревушке центрального Тайваня, представлено 304 экспоната. Тут бронза, нефриты, фарфор, живопись, ткани и вышивки, книги и образцы каллиграфии.

Бронзовый «Треножник князя Мао» и «Блюдо рода Сань» относятся к эпохе Западного Чжоу (1122—770 годы до нашей эры). Еще древнее котлы для варки риса, сосуды для вина, музыкальные инструменты.

Восемью изделиями из нефрита, полудрагоценного камня исключительной прочности, представлен этот своеобразный вид искусства, в котором китайские резчики еще за тысячелетия до нашего времени достигли высокого совершенства.

Самые различные эпохи отражены на выставке ста изделиями из фарфора. Тут редкий Сунский фарфор, фарфор династии Юань, знаменитые марки Минского фарфора — Юн Лэ, Сюань Дэ, Чэн Хуа и другие.

Среди образцов высоко ценимого в Китае искусства каллиграфии выставлены работы знаменитого поэта-каллиграфа Ван Си-чжи (4 век нашей эры) и стихи, написанные рукой сунского императора Хуэй Цзуна.

Исключительно большую художественную ценность представляют уникальные свитки живописи на шелке, принадлежащие кисти крупнейших художников китайского средневековья. Здесь работы Ли Сы-сюня, Янь Ли-бэня, Дун Юаня, Цзюй Жаня и многих других мастеров.

Картина художника Танской эпохи Хань Ганя «Конюх» предельно лаконична, но как живые выглядят на ней два мощных коня и фигура конюха, обрисованная четкой, уверенной контурной линией. Картина эта пользовалась огромной славой, о чем свидетельствует легенда той эпохи. Сановник, владевший картиной, не расставался с ней даже в поездках по стране. Возвращаясь как-то в столицу, он не мог переплыть реку из-за поднявшейся бури, бушевавшей несколько дней. Во сне он увидел божество водной стихии, которое посоветовало ему расстаться с любимой картиной. Сановник подарил ее расположенному неподалеку храму, буря утихла, и он благополучно вернулся...

Все эти произведения принадлежат к числу лучших в истории искусства талантливого китайского народа. Художественное значение этих шедевров непреходяще, и недаром их бережно хранили в течение многих веков.

НЕ «СПАСЕНИЕ», А КРАЖА

Как же оказались такие сокровища на Тайване? Почему они не украшают стены Пекинского дворца-музея Гугуна, где, безусловно, их законное место? На этот вопрос с циничной откровенностью отвечает журнал «Тайм»:

«В январе 1949 года из Нанкина вышел пароход с красно-синей эмблемой националистического (то есть гоминдановского. — Ред.) Китая. Неся в своих трюмах бесценный груз, он направился вниз по мутной Янцзы. Другой пароход уже раньше благополучно пересек Восточно-Китайское море и прибыл на Формозу. Пароход этот должен был выполнить историческую миссию спасения из рук коммунистов сокровищ искусства, собранных в течение веков в Пекинском дворце-музее и центральном музее в Нанкине».

Итак, бесславное правление реакционной чанкайшистской клики было завершено чудовищным ограблением китайского народа. Чувствуя приближение неминуемого краха, разгромленные народом чанкайшисты решили обчистить пекинский Гугун, центральный музей Нанкина, научную библиотеку Китайской академии наук и другие сокровищницы. До четырехсот тысяч уникальных памятников искусства было упаковано в 5 тысяч ящиков и вывезено на Тайвань.

Тайваньская газета «Чжунъянжибао» опубликовала «подробный список», перечислив количество находящейся на Тайване бронзы, фарфора, нефрита, свитков живописи, лаков, эмалей, утвари, книг, рукописей. Пекинская газета «Гуанминжибао» внесла существенную поправку в этот список. На самом деле из пекинского Гугуна было вывезено на 100 ящиков произведений искусства больше, и судьба этих ста ящиков неизвестна. Не упомянуты также вывезенные из Гугуна 20 ящиков с драгоценными камнями.

«Из центрального нанкинского музея,— пишет газета «Гуанминжибао»,— с ноября 1948 года по январь 1949 года было вывезено на Тайвань 852 ящика произведений искусства. Огромные ценности были также похищены из фондов Академии наук — в основном это книги, документы и памятники древней материальной культуры. Среди них 25 тысяч образцов древней китайской письменности — щитки черепахи и кости животных, испещренные иероглифами».

Законное возмущение китайского народа вызывается не только фактом грабежа национального достояния китайского народа, но и тем, в каких возмутительных условиях эти ценности содержались на Тайване. Даже тайваньские газеты писали, что из 33 ящиков исторических документов два уже бесследно исчезли, а остальные находятся в плачевном состоянии — изгрызены крысами, усыпаны крысиным пометом. Эти факты тайваньская печать подтверждала фотографиями.

Так выглядит на деле то, что «Тайм» назвал «спасением художественных ценностей из рук коммунистов».

ХОРЕЙС ДЖЕЙН ЕДЕТ НА ТАЙВАНЬ

Художественные ценности, вывезенные на Тайвань, давно уже привлекают к себе алчные аппетиты заокеанских бизнесменов. Два года назад на Тайвань прибыл один из «экспертов» по китайскому искусству, достопочтенный Хорейс Джейн. Выказав завидную расторопность, этот жрец искусства предложил местным властям отдать

Сосуд для вина из нефрита (эпоха Цин). Ваза для сластей (эпоха Мин). Императорская чаша с драконами (эпоха Мин).

американцам «в долг на длительное время» важнейшие художественные ценности, находящиеся на Тайване. Свои «предложения» Х. Джейн сопровождал наглыми разглагольствованиями о том, что переотправка этих ценностей с Тайваня в США есть, как он выразился, «неизбежный международный долг».

Воспитанник Гарвардского университета Хорейс Джейн еще в двадцатых годах принимал участие в двух экспедициях в Китай, которые были названы «археологическими». В 1925 году, во время второй экспедиции, Х. Джейн в компании с другим своим соотечественником по приезде в Китай отправился в Дуньхуан. Они намеревались «научно освоить», то есть обокрасть, знаменитую «пещеру № 285».

В двадцати километрах от Дуньхуана, вдоль высокой обрывистой скалы, на протяжении двух километров расположено множество пещерных храмов. Но храм в «пещере № 285» — единственный прекрасно сохранившийся до наших дней. Фрески на его стенах изображают легенду о мифическом правителе Фуси и его жене Нюйва. Они не потускнели, не испортились от времени. Великолепны также расписанный потолок пещеры, фигуры мифических существ, скульптуры. Видимо, это обстоятельство и сыграло решающую роль при выборе объекта грабежа. Лишь благодаря энергичному вмешательству местных жителей ученым ворам не удалось тогда обокрасть пещеру...

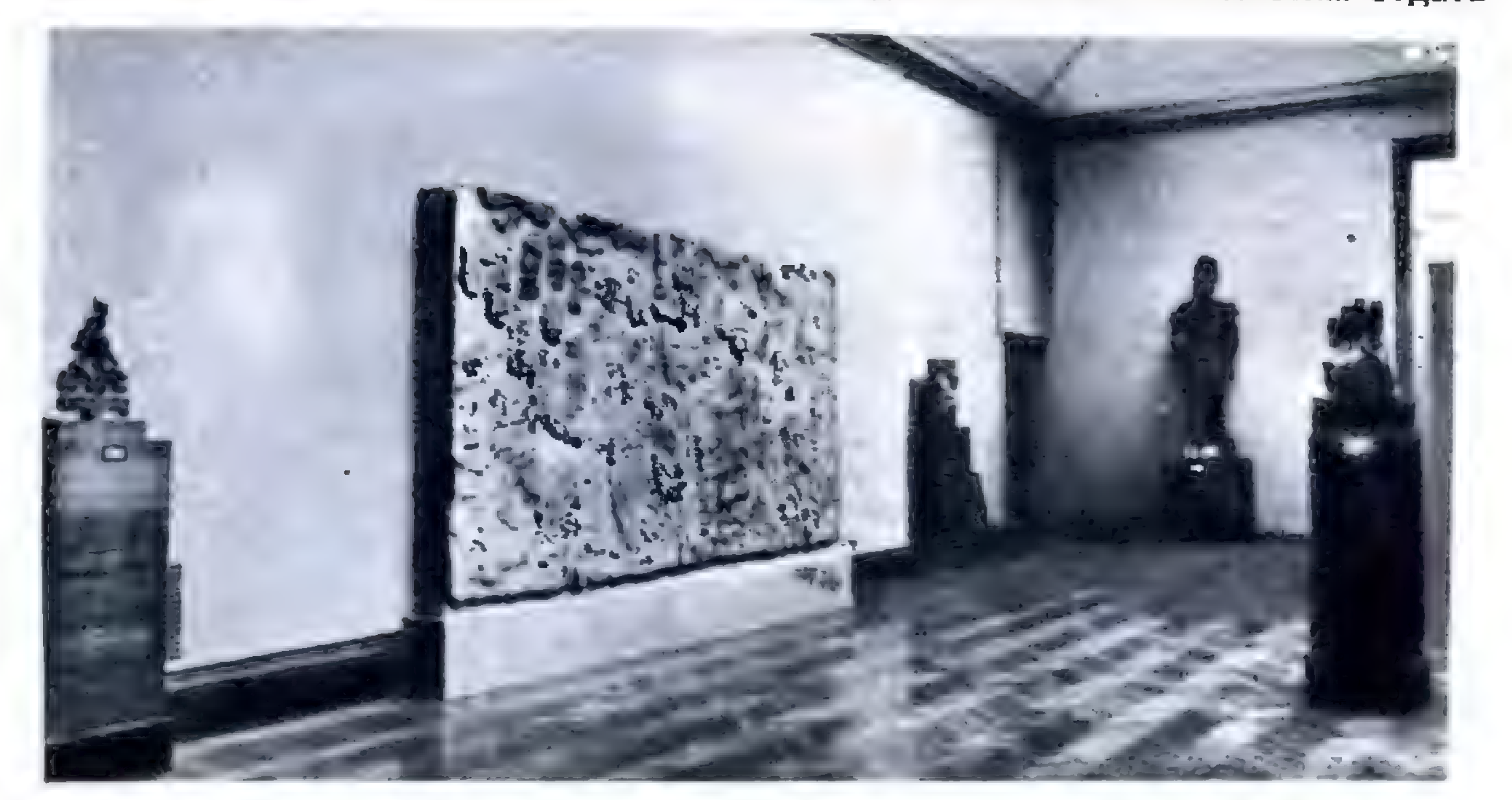
В свое время Хорейс Джейн был назначен «специальным представителем американской комиссии по охране и спасению (!) художественных и исторических памятников в районах военных действий». Вот почему интерес, проявленный им к сокровищам, хранящимся в Бэйгоу, не менее опасен для китайской культуры, чем крысы, уже приступившие к «освоению» этих ценностей...

Такова природа того пристального интереса, который проявляет журнал «Тайм» к китайскому искусству. Отражая вожделения американских бизнесменов, журнал многозначительно намекает на «неисчислимую ценность» этих памятников культуры.

После того как стал известен истинный смысл поездки мистера Джейна на остров Тайвань, деятели культуры Китая выступили с протестом против новой попытки ограбления китайского народа:

«Мы не допустим расхищения драгоценного культурного наследия китайского народа американскими империалистами. В каком бы уголке земного шара ни оказались эти ценности, китайский народ обнаружит и вернет их все до одной. Это — священное право шестисотмиллионного китайского народа». Общественность всего мира одобряет это заявление деятелей культуры народного Китая.

А. ТИШКОВ,
А. ФАЙНГАР

Похищенный в Китае фрагмент барельефа экспонирован в нью-йоркском музее.

На заводе кончается учебный год...

И. ЛЕМБЕРИК

Фото Б. Кузьмина.

Диплом защищает Аркадий Васильевич Молодняков.

В этот день в нашей газете «Московский автозаводец» целая страница была отведена объявлениям «Куда пойти учиться на заводе». На газетной страничке назван десяток учебных заведений — это ведь немало для одного завода, даже такого солидного, как автогигант. Не правда ли?

У входа в четырехэтажное здание с большими окнами видна табличка: «Отдел технического обучения». Он еще называется «Учебный комбинат». Пять вечерних школ, два техникума, два института, четыре аспирантские группы, техническая школа автомобилестроения, курсы трехгодичные, курсы краткосрочные — вот что такое «Отдел технического обучения».

Мы прибыли сюда к самым экзаменам.

Первой, кого мы увидели, была литейщица Клара Антипова. Она мчалась по лестнице на четвертый этаж. Клара торопилась: надо же так случиться, что на один и тот же день назначены выпускной экзамен в школе рабочей молодежи и приемный экзамен в партийной школе! И хорошо бы один предмет, а то здесь — химия, а там — география... На лестнице настроение у «школьницы» было победное. Оно ухудшалось по мере приближения Клары к столу, на котором лежат экзаменационные билеты. Зажмурившись, она потянула узкую полоску бумаги. На ней было написано: «Билет № 13...» Однако через полчаса оказалось, что и «несчастливый» номер может принести удачу, если ты знаешь, как ответить на вопросы.

Клара Антипова спешит на экзамен.

Итак, Клара заканчивает десятый класс сто сорок третьей школы, одной из пяти автозаводских молодежных школ. Одновременно с Кларой завершают среднее образование двести сорок человек.

Леониду Зуйкову надо заполнить формулами еще полдоски. И, как на грех, забыт атомный вес фтора. Есть над чем задуматься. Но ничего, вспомнится атомный вес, будет сдан экзамен, и дома супруга поздравит с аттестатом сразу двоих — и мужа — Леонида — и сына, тоже окончившего десятилетку, только не вечернюю, а дневную...

В коридоре, опровергая пословицу насчет того, что перед смертью не надышишься, торопливо листают помятые тетрадки с конспектами, повторяют вслух математические формулы, обмениваются точными данными о психологии и тактических приемах экзаменаторов. И без расспросов видно, что справа — те, кто еще не сдал экзамена, а слева — счастливчики, уже сбросившие с плеч все учебные заботы.

В библиотеке мы увидели молодого человека, который занял своими бумагами и книгами два стола и вот-вот захватит еще один. Это наладчик Александр Гущин. Он, как и триста других автомобилестроителей, оканчивает техникум. Послушаем, что скажет нам Александр:

— Понимаете, надо же было такой беде случиться: перед самой защитой заболел! Три дня провалялся. Теперь вот наверстываю...

Постараемся спросить с видом знатоков, какова тема диплома, и, услышав ответ: «Спроектировать участок по производству промежуточного вала коробки скоростей междугородного автобуса «ЗИЛ-127», — солидно промолчим.

Беседа пошла живее, когда Гущин стал рассказывать о том, что у них в семье все учатся. Один брат, Владимир, в военной академии, а второй, Сергей, в заочном институте, сестра Лида тоже учится на заводе, пока на курсах, а потом... Может быть, потом, через несколько лет, она окончит техникум, затем институт, аспирантуру и, как заводской инженер, кандидат технических наук Леонид Андрианович Егоров, возглавит государственную экзаменационную комиссию, подобную той, перед которой должен предстать Саша Гущин.

А сейчас правильность своих технических расчетов доказывает экзаменационной комиссии Аркадий Васильевич Молодняков. Бывший воин, водивший в годы войны бронепоезд, он сейчас волнуется.

— Мне было предложено спроектировать участок для производства следующих автомобильных деталей...— все уверенней звучит голос Молоднякова.

Внимательно слушают Аркадия Васильевича члены комиссии.

— Ну, как оценим проект? — спрашивает членов комиссии Леонид Андрианович Егоров. Его руки спокойно лежат на столе. Как говорят студенты, это знак того, что Леонид Андрианович доволен.

А вот знаменитому токарю-скоростнику Сергею Бушуеву никак нельзя еще сидеть сложа руки. Завтра защита дипломного проекта в техникуме, а еще не все недостатки, выявленные консультантом, удалось устранить...

В эти горячие экзаменационные дни в учебном комбинате нас познакомили с восьмидесятилетним Петром Васильевичем Россихиным, пенсионером. Кто он, почему пришел сюда? Петр Васильевич долгое время преподавал здесь и вот снова пришел поинтересоваться, как идут дела. Как и четверть века назад, когда было построено здание учебного комбината, он по-хозяйски обходит аудитории, и то и дело попадаются ему бывшие ученики. Вот преподавательница технического черчения Вера Ивановна Мещалкина. Кажется, совсем недавно, десять лет назад, учил ее Петр Васильевич на курсах подготовки в техникум. А теперь сама педагогом стала.

Тех, кто учится в институтах,

КУДА ПОЙТИ УЧИТЬСЯ НА ЗАВОДЕ

Объявления заводской газеты.

Наладчик Александр Гущин занял сразу два стола.

Одни еще с волнением заглядывают в конспекты, а другие — сдавшие экзамены — уже интересуются фотоаппаратом.

шивает председатель государственной экзаменационной комиссии начальник лаборатории Леонид Андрианович Егоров (справа).

нам сегодня не увидеть в комбинате. Одни сдают экзамены в Автомеханическом институте на Большой Семеновской, другие — в заочном машиностроительном, где-то в Сокольниках. Аспирантов тоже не удастся повидать: занятия в заводских аспирантских группах закончились. Впрочем, с одним аспирантом, правда, уже закончившим курс, мы знакомы. Это Леонид Андрианович Егоров. Ученую степень кандидата наук он получил, работая в заводской лаборатории.

Аспирантская группа — это высшая форма учебы на заводе. Начальной формой, школой первой ступени, считают здесь курсы. Они созданы во всех цехах. В кузнице созданы курсы для штамповщиков, нагревальщиков, электриков, термистов, слесарей... Тема одного занятия подсказана самой жизнью: «Как улучшить качество поковок».

Ну, а если обратиться к цифрам, то получится, что среди автозаводцев учатся: в институтах — 900, в двух техникумах — 1 265, в пяти школах — 1 600, на трехгодичных курсах — 50, в аспирантуре — 67...

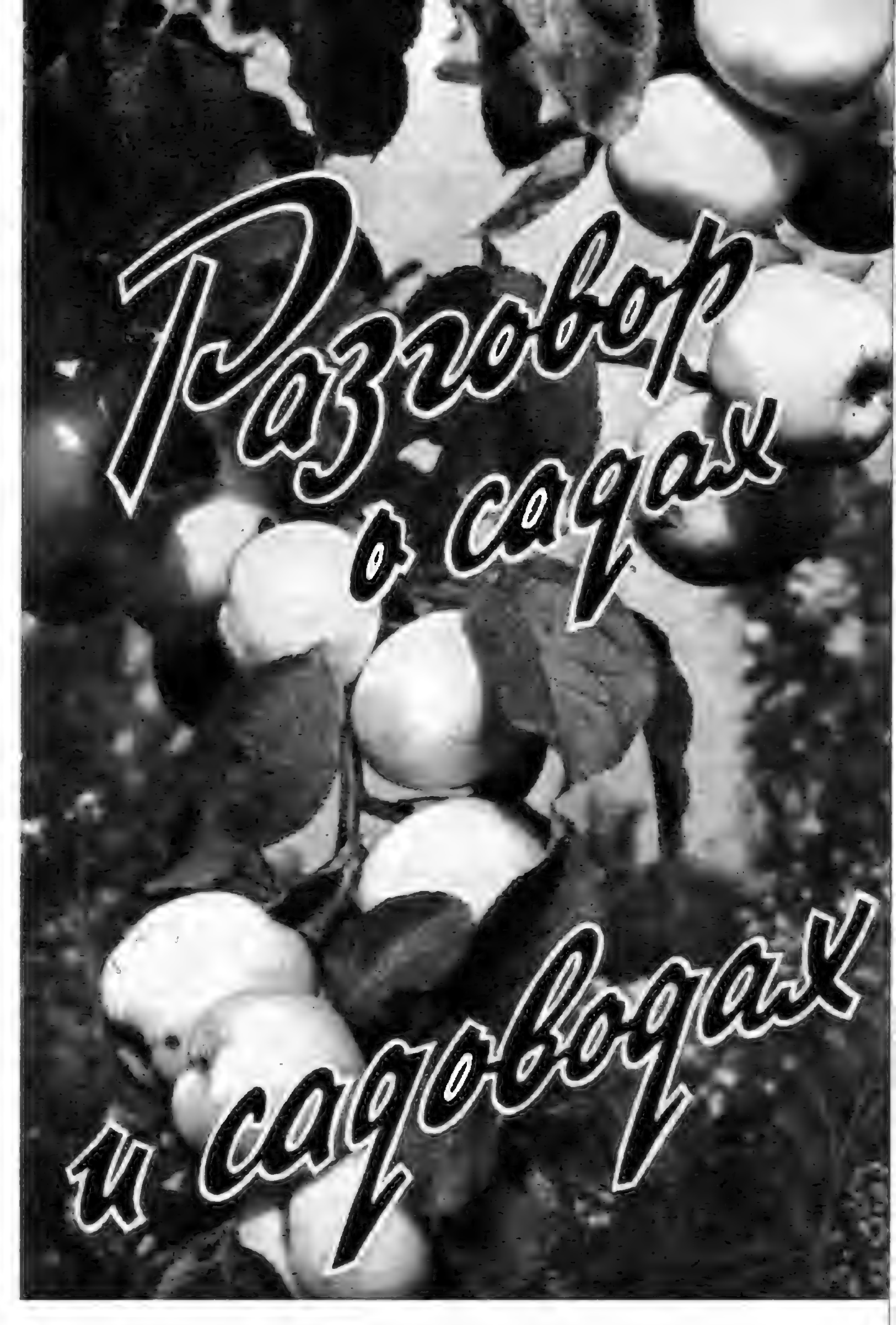
Хорошие цифры!

У токаря-скоростника Сергея Михайловича Бушуева горячая пора: подготовка к защите диплома.

Петр Васильевич Россихин среди студентов.

Разговор о садах и садоводах

Опубликованные в журнале «Огонек» (№№ 22 и 23) репортаж «Страда садоводческая» и очерк «Добрые карлики» вызвали оживленные отклики. Читатели присылают письма, приходят с предложениями и советами.

Редакция созвала совещание, посвященное вопросам, касающимся садоводства. В совещании приняли участие представители Министерств сельского хозяйства СССР и РСФСР, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, Центросоюза, Добровольного общества содействия озеленению Москвы, директора магазинов, торгующих садово-огородным инвентарем, садоводы-любители.

Вот о чем шла речь на этом совещании.

Чтобы было вдоволь фруктов!

Первым взял слово представитель Главной инспекции по садоводству, виноградарству, чаю и тропическим культурам Министерства сельского хозяйства СССР тов. Д. Назарян. Он привел о многом говорящие цифры. На огромной площади 3 240 тысяч гектаров раскинулись в нашей стране сады, виноградники, ягодники. Это в 3,5 раза больше, чем до революции. Площади эти непрерывно растут. Лишь в прошлом году и нынешней весной было посажено 300 тысяч гектаров садов. Предполагается, что к 1960 году сады займут площадь в 4 433 тысячи гектаров.

И еще одна цифра, над которой надо серьезно задуматься тем, кто порой пренебрежительно относится к нуждам садоводов - индивидуалов: оказывается, им — колхозникам, рабочим, служащим — принадлежит сейчас более половины садов и ягодников.

В нашем меню фрукты и ягоды должны занять более солидное место, чем они занимают сейчас. Так утверждают все. Но как это сделать?

Важный резерв — урожайность. Она еще невысока. А опыт лучших садоводов убеждает в том, что в ближайшие годы мы ее можем повысить в 2,5—3 раза.

Желающих разводить сады много. А где взять посадочный материал?

— Всех садоводов, и особенно садоводов Российской Федерации, очень беспокоит положение с посадочным материалом,— говорит товарищ Назарян.— Многие совхозы и колхозы в течение нескольких лет не могли выполнить планов посадки плодовых деревьев из-за нехватки саженцев.

Почему? Мы мало, а иногда и вовсе не занимаемся питомниками. В частности, в РСФСР, как отмечалось на совещании, положение ухудшилось после того, как питомники были переданы из министерства в областные управления сельского хозяйства, которые не проявляют большого интереса к ним.

Есть еще один важный резерв

Д. НАЗАРЯН:

— Мы обязаны приложить все усилия, чтобы повысить урожайность садов.

В. БУДАГОВСКИЙ:

— Питомники не желают заниматься выращиванием посадочного материала для карликов.

В. ЯКОВЛЕВ:

— Что касается нас, торговых работников, то мы тоже недовольны поставками саженцев и удобрений.

А. ЕВТУШЕНКО:

— А для центральных областей саженцы нужно не с юга привозить, а выращивать на месте.

садоводства. О нем «Огонек» рассказал в очерке о карликах, о деревьях, которые дают плоды быстро, через несколько лет. Их пока еще не очень жалуют, этих добрых карликов, хотя на словах признают: «Да, они имеют важные преимущества».

— Мы должны,— заявил товарищ Назарян,— всячески поддерживать карликовое садоводство, оказывать агрономическую помощь индивидуальным садоводам, которые особенно заинтересованы в посадке карликовых плодовых деревьев. Заслуживает всяческого одобрения начинание Тамбовского обкома КПСС, который обязал все плодовые питомники области выделить участки для выращивания карликовых саженцев. Пусть этому разумному начинанию последуют и другие области РСФСР. Но...

И далее следует оговорка.

— Карлики требуют особенно тщательного ухода, и не везде они могут быть распространены. Мы еще не можем обеспечить энтузиастов карликового садоводства посадочным материалом.

Некоторым из участников совещания показалось слишком сдержанным такое отношение к карликам.

Профессор В. Будаговский из Мичуринска, много трудов отдавший карликам, сказал:

— Советским людям радостно, конечно, слышать о громадном росте садовых насаждений. Но они хотят скорее достичь обилия плодов. В этом им должны и могут помочь карлики. Они дают богатый урожай не только в индивидуальных, но и в колхозных садах. Спрос на них чрезвычайно велик. Удовлетворять же его мы не можем. Это происходит потому, что на местах еще мало внимания плодоводству и работники питомников не интересуются карликами. Надо более активно заняться выведением новых зимостойких низкорослых подвоев и этим удовлетворить нужды садоводов центральных районов страны.

Выступление В. Будаговского поддержали агроном Т. Романов, садовод-любитель Г. Каган, директор магазина В. Яковлев, агроном Министерства сельского хозяйства РСФСР Р. Искольская.

Представитель Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина товарищ А. Евтушенко сообщил, что карликовое садоводство на юге страны, где оно было распространено довольно широко, за последние годы значительно сократилось, хотя там для его развития имеются все условия. Рабочие и служащие, колхозники, занимающиеся садоводством на приусадебных участках, заинтересованы в получении плодов не через 10—20 лет, а через 3—4 года. Карлики помогут этому. Надо шире открыть им дорогу. И не только на юге.

В центральные районы, в частности в Московскую область, завозят много карликовых саженцев с юга. Это неправильно. Надо выращивать саженцы, приспособленные к здешнему климату. Тогда без особого риска их можно широко внедрять в садоводство.

С горячей речью о возможностях ускорения подъема садоводства выступил украинский писатель А. Михалевич, автор очерка «Добрые карлики».

— Мы, — сказал товарищ Михалевич, — имеем сейчас поучительный пример Крыма, где партийная организация объединила много живых сил — и в колхозах, и в совхозах, и в городе, и в научных учреждениях, чтобы быстрее развивать садоводство. В Крыму и раньше были хорошие карликовые сады, а теперь их должно быть еще больше, и не только в Крыму, но и в других районах Украины, а также в Молдавии, в Армении и других республиках и областях. Тут многое решит работа питомников, быстрое размножение надежных подвоев, особенно для районов центральной полосы. Пора ликвидировать аппаратное безразличие и невежественное отношение к карликам, существующее среди некоторых работников сельского хозяйства и ученых-садоводов. Следует широко подхватить почин научных сотрудников Никитского ботанического сада в Крыму, которые, имея богатый опыт, помогают сейчас в разведении культурных садов, в том числе скороплодных, многим районам и хозяйствам.

Почему бы Министерству сельского хозяйства СССР не подумать о том, чтобы создать специальную станцию для научной работы по карликовому садоводству или дополнительно дать несколько работников кафедре плодоводства в Мичуринском институте, чтобы придать больший размах ведущейся там работе по выведению и размножению карликовых подвоев?

Садоводам — большую и малую технику

Известно, что садоводство очень трудоемко. Главный инженер управления новой техники и испытаний машин Министерства сельского хозяйства СССР В. Кауфман подчеркнул, что один гектар плодового сада требует в 32 раза больше труда, чем один гектар зерновых культур. А что делается для того, чтоб облегчить труд садовода, сделать его более эффективным? Пока очень мало.

Все приветствовали сообщение инженера о том, что «испытывается целая гамма машин» для механизации работ в садах; что в текущем году предстоят испытания садово-виноградных гусеничных тракторов с мощностью двигателей от 16 до 40 лошадиных сил; что держат «экзамен» ямокоп, плуги садовые, культиваторы.

Остается надеяться, что все это — и со временем многое другое (будем оптимистами!) — появится скоро. Но то, что перечислено, предназначено для крупных хозяйств. А что же остается на долю индивидуальных садоводов, у которых 20 миллионов плодовых деревьев?

Для них инвентарь выпускают главным образом местная промышленность и, как исключение, отдельные предприятия, для которых садово-огородный инвентарь, по утверждению многих,— принудительный ассортимент. Не облегчают жизнь садовода наспех «испеченные» вещи. Возьмешь в руки такую «продукцию», как сказал один из участников совещания, и просто диву даешься! И неудобно, и непрактично, и недолговечно. Вот некоторые из «див», о которых шла речь на совещании. Викшинский завод получил заказ на садовые вилы и осваивает их... более полугода. Город Павлов даст в текущем году Центросоюзу 400 тысяч различных ножей, а заявок поступило почти на миллион. На текущий год предполагалось получить 540 тысяч секаторов. Поступление же от трех заводов — «по чайной ложке», а от двух — Краснодарского и Липецкого — и вовсе ничего нет: за полгода они даже не приступили к производству секаторов.

Опрыскиватели из Ярославля (слышите, товарищи ярославцы!) очень плохи, московские несколько лучше, но ни к тем, ни к другим нет запасных деталей. Зато есть детали любопытные: как сказал директор магазина «Мосцветторга» А. Баскин, на заводе «Московский металлист» уже два месяца отлеживаются запасные части из-за отсутствия... цен.

Все выступавшие были единодушны в том, что следует создать специализированные предприятия по выпуску садово-огородного инвентаря.

Садовод-любитель поставлен перед такой дилеммой: либо покупать ядохимикаты бочками, либо оставаться без ядохимикатов и, следовательно, без урожая.

— Садовый карболинеум идет только в цистернах и бочках, а в розничной продаже его нет,— сообщает товарищ Назарян.

Приводились и другие подобные же примеры. Обращаем на это ваше внимание, товарищи из министерств химической промышленности и торговли!

И еще одно. Об этом, в частности, сказала инспектор Министерства сельского хозяйства РСФСР Р. Искольская: ядохимикаты — товар сезонный и «копеечный», поэтому торговые организации отмахиваются от него. Товарищ Будаговский добавил:

— Торговая сеть порой предпочитает поскорее оптом продать все химикаты и удобрения колхозам, а для розницы ничего не оставляет. Канительно...

Разговор о садах и садоводах мы не считаем законченным. Чтобы советский человек получал к столу много фруктов, надо убрать с пути садоводов все мешающее их большому и очень нужному делу.

САДОВОДЫ ТРЕБУЮТ ОТ МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР:

— дайте больше хороших саженцев, чтобы выполнялись планы посадки плодовых деревьев,

— заставьте питомники активно заняться выращиванием саженцев для карликов,

— окажите помощь в работах по выведению новых зимостойких карликовых подвоев.

САДОВОДЫ ТРЕБУЮТ ОТ СОВНАРХОЗОВ И РАБОТНИКОВ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ:

— дайте нам добротный инструмент, инвентарь, вооружите нас малой и большой техникой,

— обсудите: не следует ли создать специализированные предприятия по выпуску садово-огородного инвентаря?

САДОВОДЫ ТРЕБУЮТ ОТ МИНИСТЕРСТВА ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ:

— дайте нам разнообразные ядохимикаты, выпускайте их и в мелкой упаковке.

САДОВОДЫ ТРЕБУЮТ ОТ МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ СССР И ЦЕНТРОСОЮЗА:

— увеличьте число магазинов, торгующих саженцами, инструментами, инвентарем, организуйте более широко продажу в розницу химикатов и удобрений.

СОКРОВИЩНИЦА ИСКУССТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

До Великой Октябрьской социалистической революции на Дальнем Востоке не было сколько-нибудь крупного собрания произведений изобразительного искусства. В существовавшем тогда краеведческом музее в Хабаровске было не более двух десятков произведений живописи, которые не могли составить даже специального отдела искусства.

В июле 1931 года было решено создать в крае Художественный музей.

Все ведущие центральные музеи передали ему из своих фондов уникальные произведения живописи, скульптуры, графики и прикладного искусства.

Произведения античного искусства, греческие вазы, римскую мраморную скульптуру прислал Государственный Эрмитаж; иконы древнего русского письма и коллекцию образцов прикладного искусства дал Исторический музей; дореволюционную русскую живопись в лучших ее образцах выделили Государственная Третьяковская галерея и Государственный Русский музей; коллекцию русского и западноевропейского фарфора отобрал для Дальнего Востока Государственный музей фарфора, и, наконец, Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина передал превосходные работы западноевропейских художников.

Сейчас в музее более трех тысяч произведений искусства.

Русская живопись представлена работами В. Боровиковского, В. Тропинина, С. Щедрина, И. Айвазовского, И. Крамского, И. Шишкина, В. Сурикова, И. Репина, В. и К. Маковских, В. Поленова, И. Левитана и многих других.

Одно из первоклассных произведений И. Е. Репина, принадлежащих музею, этюд «Студент-нигилист», зрители могут скоро увидеть на открывающейся в Москве выставке репинских работ.

Много в музее произведений советских художников: И. Грабаря, К. Юона, В. Бакшеева, С. Малютина, Б. Грекова, Г. Ряжского, С. Герасимова, Г. Савицкого, С. Коненкова и других мастеров.

Интересно музейное собрание прикладного искусства народов Севера: резьба по кости чукчей, вышивки нанайцев и удэгейцев, художественно обработанная деревянная утварь.

Передвижные выставки, которые музей посылает в города и районы края, широко знакомят живущих вдалеке от Хабаровска с изобразительным искусством. Эти выставки побывали в Амурской, Сахалинской и Камчатской областях.

В этом номере журнала «Огонек» воспроизведены три картины из русского отдела Дальневосточного художественного музея.

Работа одного из учредителей Товарищества передвижных выставок, М. К. Клодта, «Вечерний вид в деревне. Орловская губерния» получена музеем из собрания Государственной Третьяковской галереи.

Талантливый ученик И. И. Левитана академик С. Ю. Жуковский представлен «Мартовским солнцем», одной из трех его картин, имеющихся в музее.

Третья работа — полотно А. В. Исупова «В старом Туркестане» — впервые экспонировалась на 45-й выставке передвижников в 1917 году в Петрограде.

Н. ТУРКИН,
директор Дальневосточного художественного музея.

М. К. Клодт (1832—1902). ВЕЧЕРНИЙ ВИД В ДЕРЕВНЕ. ОРЛОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 1874.

Дальневосточный художественный музей.

С. Ю. Жуковский (1873—1944). МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ. 1908.

Дальневосточный художественный музей.

А. В. Исупов. В СТАРОМ ТУРКЕСТАНЕ. 1916.

Дальневосточный художественный музей.

Вниз по Дону

Рассказ

Владимир **ФОМЕНКО**

Рисунки И. **СЕМЕНОВА.**

Вода приподнимается, булькает под кормой неподвижного парохода и снова оседает, качая полосатые арбузные корки, окруженные стаями рыбешек.

На пароходных сходнях шторм. Половина ростовского базара — хуторянки, привозившие раков, малосольную селедку, укроп, с боем берут посадку, хотя через десять минут все здесь будет спокойно и тихо,— заходи себе министром. Но уж такой нетерпеливый народ южане!

Если ты уже влез, можешь оглядеться: рядом несколько мужчин, так же, как и ты, опоясанных патронташами; под скамейкой твоя собака; она опытная и поджимает лапы, чтоб их не отдавили.

А внизу, на сходнях, мелькает еще собачья морда. Она возвышается над кепками и косынками толпы; какой-то небритый человек несет перед собой собаку, оберегая ее от давки. За спиной у него мешок, над плечом ружейные стволы в чехле. Наш брат, стрелок!

— Сюда! — кричим мы, и он, оживляясь, продирается к нашей скамейке. Видно, человек прямо со смены: руки и щетинистая скула в машинном масле, под стеганкой синеет спецовка.

— Фу-у-ф,— вздыхает он, опуская собаку.— Едва не отстал. Чи будет птичка?

— Должна бы,— говорим мы, всматриваясь в лазоревое, никакой охоты не предвещающее небо, и объясняем: — Она ж, проклятая, иногда и по тихой погоде бывает...

Пароход, как площадь перед клубом, шевелится народом. От суетящихся теток пахнет рыбой, солью, пыльным базарным солнцем, от воды — лугами. Отираем лбы, знакомимся. Фамилия небритого — Ржаненко, он слесарь фабрики имени Микояна. Остальные — с Сельмаша, с Лензавода, а один — рентгенолог. Ему под шестьдесят, он плотненький, завидно тугой и весь крапчатый от веснушек. Должно быть, он так насиделся за неделю в своем завешенном шторами темном кабинете, что сейчас опьянел от сияющего простора.

— Товарищи! — радуется он.— Еще один наш.

Внизу, возле свободных уже сходен, стоит литой, белокурый, типа молодого Ильи Муромца мужчина со щенком спаньелем у ноги, с ружьем в руке. Он в гимнастерке, в старенькой кожанке на одно плечо, но его провожающие ослепляют солидными легчайшими костюмами, по-летнему просторными, светлыми.

— Сюда, алё! — машет рентгенолог.

Взывает гудок, мужчина неторопливо идет по сходням, мы отваливаем. Пар ударяет под колесами о воду, лопасти шлепают. Пароход боком выруливает на фарватер.

— Иван Дмитри-и-ич! — вопят с пристани провожающие белокурому мужчине.— Отличной, снайперской вам! — наперебой показывают они жестами стрельбу, делают вид, что целятся.

Иван Дмитрич отвечает плавным движением приподнятой руки и шагает к нам. В твердом голосе его звучность и спокойствие. Оказывается, он был уже разика два — три в низовьях на своем, учрежденческом катере. Сегодня там что-то стряслось с цилиндрами, но он, как видно по его широкой, белозубой улыбке, даже рад проехаться вместе со всеми на общей палубе. Работает Иван Дмитрич в управлении пароходством, о своей, видимо, немаленькой должности простодушно заминает; раскрывает для всей компании коробку «Казбека».

Пароход уже развернулся, пошел, и сразу побежали от колес и до самых берегов живые буруны. Впереди мчит в воздухе поезд, по тому самому мосту, по которому весь Советский Союз ездит в Сочи; кладем трубу, чтоб не зацепиться, проходим и теперь уж, считай, поехали!

Тетки все разом начинают ломать хлеб, расчинять на листе капусты селедку; держа за хвост вяленого железного чебака, лупить им по палубе. «Разве ж перекусишь на том скаженном базаре?.. А тут, по свободе, пожалуйста!» Хоть с правой руки дымят еще шиферные заводы станицы Гниловской, а впереди — вот уже она, чистая вода, вот и чайка всплескивает над головой и вздымается, будто скинула с шеи бревно.

— Э-эх! — кивает рентгенолог на дальний хутор.— Вот у нас там прошлый год получилась история...

Все женщины, что обедают вокруг, поворачивают головы. Они привыкли по дороге домой получать культурные удовольствия — слушать от проезжих охотников «истории»; но рентгенолог, хоть и не игнорируя их, обращается все же к основному ценителю и слушателю — к нам.

— Пошли мы с одним моим пациентом,— начинает он,— по лисице.

— Извиняюсь,— деликатно перебивает его щербатая на передний зуб тетка с ворохом рачьих панцирей и дынных корок в газетке.— Мне бы вот выкинуть...

Она через его голову переносит за борт газетку, швыряет и, желая слушать, игриво прикрывая пальцем щербатину, садится на место. Рассказчик не обижается: пароход — это не гостиница, жизнь тут как жизнь.

— Так вот,— говорит он.— Пошли мы по лисице и среди зимы, на сухом поле, на высоченном бугре поймали сома! Можете спросить моего пациента, знаете его, небось. Директор Ростовского гортопа.

— Это какой? Айвазян? — спрашивает Иван Дмитрич сочным басом.

— Он,— нисколько не смутясь, кивает рентгенолог.— И ведь под самым хутором поймали. Во-он у того элеватора. Мы идем...

Но Иван Дмитрич не удовлетворен.

— Все-таки позвольте,— твердо говорит он.— Я Айвазяна хорошо знаю. Он никогда не охотился.

— Как же не охотился?

— Так. Не охотился, и все! Знаю я его зама и его самого.

— Фу, ей-богу! — вскипает небритый Ржаненко.— Да человек его к примеру привел.

— Если к примеру,— пожимает Иван Дмитрич плечом,— могли бы кого другого взять.

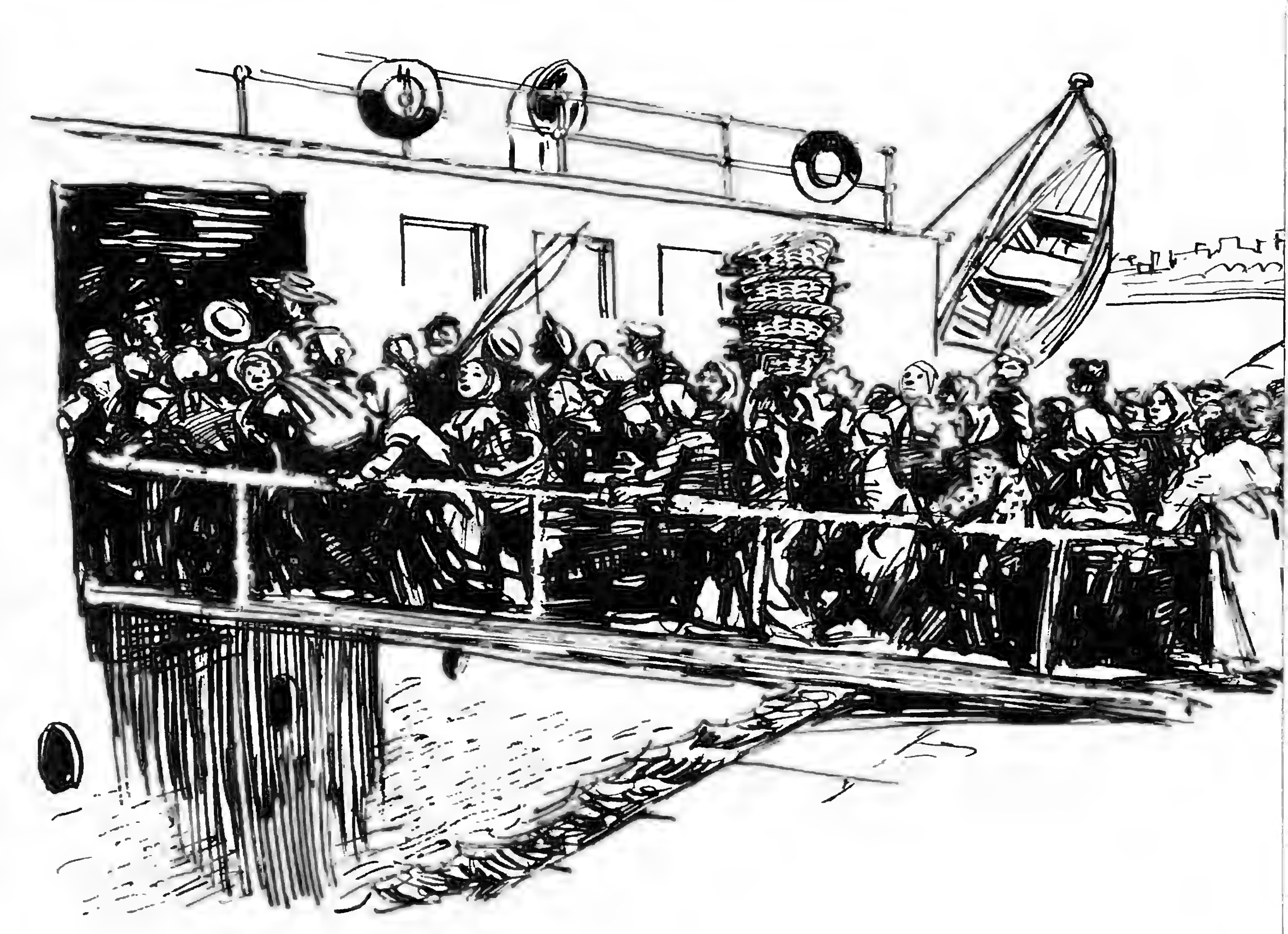
— Ладно уж,— благодушно отмахивается рентгенолог.— Я не об Айвазяне. Грец с ним! Я о соме. Получилось следующим образом. Только сошли с дороги, слышим, кто-то вроде рычит под снегом...

— Это в каком году случилось? — спрашивает Иван Дмитрич.

— В прошлом.

— В прошлом не было снега.

— Слушайте,— просительно берет его за колено Ржаненко,— нехай докончит человек, а тогда вы... Вам-то что за разница, был снег или не был? Был!

— Правильно, был! — радостно подтверждает рентгенолог, не теряя запала. Его крапчатые, потные в зное губы вкусно чмокают, будто прихлебывают на солнце холодное пиво, в раздувшихся круглых ноздрях вдохновение. — Мы, значит, слышим: рычит в снегу на бугре. Или как бы всплескивается. Мы к бугру. Тут еще какой-то колхозник на санях ехал, слез — и тоже с нами. Начинаем окружать. По-пластунски. Только я слышу: у меня под самым животом что-то тихо-тихо ползет и вроде бы уползает...

— Сом?

— А кто же? Троллейбус, что ли? Да вы слушайте дальше!

Но Иван Дмитрич встает и, отойдя в сторону, смотрит на бегущую воду. Видно, ему, этому белокурому, широколицему человеку, очень хотелось бы послушать. Наверняка лет десять назад, в студенческие или в первые свои трудовые годы, он и слушал бы, и смеялся, и сам бы, стараясь как можно лучше, выкладывал бы свое, что есть про запас у каждого охотника. Но сейчас его одолевает солидность. Поэтому, Иван Дмитрич и встал со скамейки.

Ржаненко с удовольствием садится на его место, улыбаясь, приваливается на чью-то котомку с патронами. Он неторопливо разувается, расстегивает навстречу ветерку спецовку, по всей форме начинает свой охотничий отдых. Собака Ржаненко лежит под скамьей. Изредка, когда рядом с ней упадет на палубу какой-нибудь обгрызанный селедочный хвост, она жульнически ловко хватает его и, снова скрывшись, бесшумно жует на мешке хозяина.

Шелковистый спаньельчик Ивана Дмитрича хочет завести с ней знакомство, тянется носом, однако недовольный глупыми разговорами Иван Дмитрич внушительно дергает сворку назад. Богатырская энергия требует от Ивана Дмитрича действий, и он направляет нос спаньельчика в сторону висящего на щите огнетушителя, приказывает:

— Смотри туда!

Щенок не хочет. В сдвинутых бровях Ивана Дмитрича появляется выражение: «У тебя-то уж я эту дурь вышибу!», — и он снова методическим движением руки поворачивает щенка. Рентгенолог громит между тем очередного зайца, а какой-то мозглявенький, скрипучий дедок, возивший продавать редиску, пытается доказать, что рыбальство, оно посерьезнее охоты:

— Не скажи! Хорошего сазана подсекнешь, а он, рыжий, как вымырнется мордой — прямо жеребец, аж вроде заржет! Прет на леске, как, понимаешь, на вожжах...

А вокруг в сентябрьском золоте солнца мелькают и мелькают песчаные берега, мимо которых плыли когда-то казаки на турецкий Азов; и праправнуки их, сегодняшние колхозники понизовских хуторов Колузаева, Рогожкина, Кагальника, едут сейчас на пароходе... На соседней скамейке чернявая, лет девятнадцати дивчина зажала в ровных белых зубах шпильки, распустила косы, продирает их гребнем, поглядывая из-под них, словно из-под ветвей; и самый молодой наш охотничек — лензаводский фрезеровщик — вроде бы между прочим крутится сбоку, форсирует знакомство. Кто ж ее знает, не сойдет ли чернявая в Елизаветовке? Так и проворонишь, не познакомишься...

Вот уже пристань! Елизаветовские мальчишки, напрягая пупы, гребут нам наперерез, чтоб пройти в сантиметре от кипящего пароходного колеса, «качнуться на бурунчиках». Какой-то морячок на каюке бросил весла, стал в рост на корме, лихо расставив ноги, ожидая набегающего буруна. Он всматривается в пароходную публику и, увидав знакомых девиц, с размаху швыряет им в знак приветствия рачка. Зеленый рачок хлопает в воздухе хвостом, не долетев до борта, шлепается в воду. Мы пристаем, ткнувшись носом в усыпанный соломой глинистый бережок; лопасти с шумом молотят в обратную сторону, покрывают реку пеной; вздрагивает, прижатая нашим бортом, наплавная пристанишка; плывут чьи-то опрокинутые в воду помидоры, смешиваются с бликами солнца, с ныряющими мальчишками. Никакие трусы не обременяют этих мальчишек; вокруг живота лишь веревочка, под которую подсунут они штаны, когда вылезут на берег, а пока, как есть, бегут по ту сторону перил по нашему борту, с визгом сигают вниз.

— Отстает здесь работа со школьным возрастом, — щурится Иван Дмитрич. — Полюбуйтесь, в каком виде красуются!.. Интересно, кто тут председатель исполкома? Черняев, что ли?

— Он. А кто ж еще, как не он? — с охотой отвечают женщины.

Им нравится, что с ними сидит человек, знающий всех начальников, и сам вон какой представительный, строгий. — Черняев, а как же! — повторяют они.

Пароход идет дальше. Женщины, разомлевшие на послеобеденном, закатном уже солнце, навешивают на губу подсолнечную шелуху, угощают семечками Ивана Дмитрича. Тот отказывается.

— А мы, знаете, лузгаем, вкусно ведь, — душевно поясняют женщины. — Особо если семечко кабачное, да еще когда поджаришь...

Щербатая тетка, что выбрасывала через голову рентгенолога газетку с мусором, чувствуя себя в хорошей компании, залепила воском свою щербину и, когда смеется, делает это осторожно, кокетливо придерживает языком зуб. К нашей скамейке подходит капитан. У него белая форменная фуражка и обкуренные усы.

— Меньше хоть сорите, бабы! Горюшко вы мое!.. — для порядка говорит он женщинам и останавливается, вытягивая через наши головы шею, чтоб послушать.

— Был мой знакомец охотником, — начинает рентгенолог уже какой-то двадцатый случай. — Фельдшеровал он в районной амбулатории и ходил в церковных старостах. Верующий был до невозможности, но стрелял, как артист! Вытряхни из мешка двух воробьев, полети они в разные стороны — обоих дробью догонит.

— А кто ж ему этих воробьев выпускал? — недовольно спрашивает Иван Дмитрич.

— Да никто не выпускал! — начинает раздражаться рентгенолог. — Это в том смысле, что стрелял он здорово. Понятно?

Иван Дмитрич хмурится. Он хотел бы, чтоб в его вопросах собеседник искал глубину. А этот выскочка сам, видите ли, спрашивает, понятно ли ему, Ивану Дмитричу.

— Прямо-таки снайпер, а не фельдшер! — объясняет рентгенолог. — Возвращается домой — десяток утей на поясе или тройка отборного зайца. Вдруг перестал приносить... Как отрезало. Ни штучки... И, главное, не горюет. Для виду побурчит, и точка. Стала его жинка наводить справки у людей, и что же вы думаете?..

Встречный белоснежный, с перламутровым отливом красавец-пароход (не чета нашему!) проходит мимо, в сторону волго-донских шлюзов. С трех его палуб зычно гремит радио, заглушает на миг историю о чудных делах фельдшера.

— Оказывается, — перекрикивает рентгенолог, — завел он милаху! Выйдет с вечера во всей стрелковой амуниции, с крякушами в кошелочке и вместо того, чтоб в чакане, как сукиному сыну, мокнуть да сидеть всю ночь, кормить комара, — к ней. Сердечное, так сказать, влечение. Бывает...

— Ясно, бывает! — оживляется щербатая тетка, присвистывая восковым отлепившимся зубом. — Этим кобелям-охотникам, а особо рыбалкам, им палец не клади!

— И не клади! — подтверждает рентгенолог. — Дурни они, что ли? Фельдшер-то наш выйдет утром, пообмажет сапоги свежей грязичкой возле корыта, где молодуха поит кабана, и не подкопаешься. А выдали собственные его крякуши. Они ж у хорошего охотника горластые, орут на зорьках из молодухиного погреба, вроде на море в валовой перелет. И как же интересно фельдшерова супруга мужа разоблачила...

— Тихо ты! — обрывает щербатая подошедшего к нам за спичкой матроса. — Дослушать не дадут!..

— Э-э-э, — толкает ее под бока соседка, — опыта занимаешь?

— То-то же и то, — сплевывает дедок, что рассказывал, как подсекать сазана. Он тычет пальцем в щербатую: — Она ж, сатана, дочка́ мне. Муж у нее рыбалка. Усердный, тихонький, прямо забитый, бедолага. Комаря раздавить — и то у него нету. А она ревнует. Ни с чего спепеляет человека. Я уж его, зятя своего, придерживаю кой-как, чтоб не сбежал. Вот гляньте, — дергает он из корзины запечатанную красным сургучом полбутылку, — сам бы выпил, а то ему везу. И все из-за нее, доченьки сатанячей!..

Капитан и все мы семейно обсуждаем это дело, советуем. Советует и рентгенолог и сразу же с завидной ловкостью опять перескакивает на свое:

— Фельдшерова жинка взяла, значит, старую свою юбку, разорвала на половины, посворачивала трубочками, запихнула в мужнино ружье — в один ствол, в другой, — аккуратненько, чтоб концов не видно, и очередным разом ждет фельдшера...

— Ну, я моему дьяволу тожеть подстрою! — обещает щербатая под общее оживление, а рентгенолог, довольный эффектом, представляет в лицах, что произошло дальше:

— Фельдшер ничего не подозревает, приходит. Сапоги в земле, в воде... Покрестил-

ся, конечно. «Стрелял?» — интересуется супруга. «Стрелял,— отвечает.— С правого как дал по селезню, он кубарем: подраночек. Я его левым! И все одно скрылся». «А с какого ж ты ружья стрелял? С этого?» «А с какого ж? Ясно, с этого!» «Почисть его, родненький,— просит супруга,— люблю,— объясняет,— порядок»,— а сама, вроде между делом, берется за каталку, как раз пышки катала. Фельдшер ка-ак ширанул шомполком в ствол, в ту жинкину юбку!..

Гогот охотников, капитана, теток взлетает ввысь.

— Чего ж тут смешного? — недоуменно оглядывает всех Иван Дмитрич.— Называется «моральный облик»!.. А жена? Не могла обратиться в местком или к завамбулаторией?

— Да бросьте! — сминают Ивана Дмитрича веселые голоса.— Что он, этот зав, соли насыпает?.. Жинка и сама управится, раз уж каталка в руках. Как она ему: «Почисть,— говорит,—родненький, порядочек, мол, люблю!» Го-го-го!..

Смех катится над Доном, рулевой оборачивается из своей застекленной рубки, народ с нижней палубы завистливо поднимает головы.

Безучастны ко всему вокруг лишь паренек-фрезеровщик и чернявая темнокосая дивчина. Она, как в гнезде, сидит в своих порожних, вставленных одна в другую корзинах, по-донскому «сапетках». Таловые прутья сапеток в присохшей рыбьей чешуе, слюдяная чешуя поблескивает и на крепких коричневых ногах дивчины. Плотно зажав коленями юбку, она удивленно и растерянно, будто увидав чудо, смотрит исподлобья на нашего парня, и, кто знает, может, она, эта смущенная кагальницкая русалка, и есть та единственная, что встретилась вдруг ему в жизни?.. Он опустил голову, говорит что-то, играя пальцами по блестящей кирзе своих новеньких подсумков.

— А ты, друг,— кричит ему Ржаненко,— тоже, видать, охотник по другим делам!

Ветерок, который и так едва позевывал, совсем утих к вечеру, как говорится, «убился». Впереди парохода вода не шелохнется, а с боков бегут от колес водяные бугры через всю реку. Вот добежали до рыбачьей бригады, качнули первый баркас, второй — и все за ними качаются, как пробки. Одинокая цапля на отмели, ожидая волну, повернула голову. Взлетели бакланы.

Солнце скатилось к горизонту, вгрузло наполовину в багровые камыши. Стадо коров на луговом левом берегу стоит в воде, отбиваясь от комаров и мошки, собирается плыть на ночевку в правобережный хутор. А вон другое стадо плавом идет через реку, видны лишь выставленные над поверхностью рогатые головы. Старик-рыбалка сидит среди Дона на баркасе, струнами натянуты лески.

— Геть, ччерт! — кричит он, когда коровы наплывают на баркас, и сопящие головы сворачивают в сторону, на течение, дергается зацепленная копытом якорная бичева.

— Нет,— размягчаясь душой от мирной, ласковой картины, отечески говорит нам Иван Дмитрич,— нельзя все-таки, товарищи, так, как вы... Что это за побаски про фельдшера, про его эту, как ее... привязанность... Будто и безобидно, а ведь пропагандируете подрыв семьи. С первого взгляда кажется ничего, а на самом деле,— берет он за пуговицу рентгенолога,— если посмотрим сейчас с вами в глубину...

Но рентгенологу смертельно не хочется смотреть в глубину. На его лице появляется выражение, какое бывает у карася, когда его вытягивают из воды. Рентгенолог освобождает свою пуговицу, говорит, что ему надо купить в пароходном ларьке спички. Находится дело и у Ржаненко и у других охотников.

Жара спадает, все тетки на пароходе начинают мазаться кислым молоком, чтоб размягчить загар, уберечь красоту...

Проходим Азов, теперь уж почти на носу море, и в ожидании скорой охоты начинается наша подготовка.

Ржаненко просматривает свои вещи. Хозяйство у него правильное: папиросы в железной коробке из-под зубного порошка; такая и в воду упадет — не намокнет, без курева не останешься. Лямки мешка широкие, умело обшитые суконкой,— плеч не намнут; снизу мешок подбит брезентиком; но в мешке-то не находится вдруг патронов. Должно, закрутился, не положил человек, когда между фабрикой и пароходом заскочил в спешке домой на две минуты.

— Ну что ж,— говорит рентгенолог,— бери, брат, моих. Ничего уж! — и крапчатая, тугая его рука сыплет в ржаненковский мешок патроны.

Это надо понимать. Охотник поймет!

— На зорьку,— объясняет рентгенолог,— мне хватит. А потом все равно хотел у бакенщика Андрианыча кайку взять, поехать по ракам.

— У какого Андрианыча? — нахмуривается Иван Дмитрич.— За поворотом который? Не пойдет дело... Это я имел в виду взять его кайку.

— Вот и я имел в виду,— озадаченно улыбается рентгенолог, а Ржаненко, горячась, начинает объяснять Ивану Дмитричу, что спорить не приходится: кайка за тем, кто заявил первый. Как же тут даже и возражать можно? Не по-товарищески получается... Подтверждает это и капитан, который оказывается тоже охотником, знает артельные порядки.

Иван Дмитрич смотрит на них, и на лице его искреннейшее сожаление к людям, которые не поняли доброго с ними обращения.

— Вот что,— берет он за рукав капитана,— давайте-ка отсюда к своим служебным обязанностям. Давайте, давайте!.. А ты, милок,— говорит он Ржаненко,— Запорожскую сечь тут не устраивай.

— Виноват! — вспыхивает рентгенолог.— Утка и на вас может налететь и на меня. Она положений не знает, и кайка в этом деле нам обоим нужна. Так что придется по-солдатски. Потянуть счастье.

Он берет две спички, с одной скусывает головку и протягивает обе. Иван Дмитрич недоуменно оглядывается, но людское кольцо так плотно, так решительно, что он тянет. Его спичка оказывается «пустой». Он оскорбленно отходит от нас.

А куда ни глянь — сочные гирловые поймы, наступающие на воду лозняки, камыши, кувшинки. Катер с красным вымпелком на мачте дымит по протоке; клеенчато-зеленый чакан на берегах такой высоченный, густой, что воды в протоке не видно, и кажется, что идет катер прямо по лугу...

Сумерки ложатся быстро. На светлом стрежне Дона какая-то бабка в белом платочке, издалека не угадаешь, верно, жена бакенщика Андрианыча, громадит на баркасе. На корме, на дощатой подставе, начищенные лампы и незавязанный сверху чувал с травой, что, должно быть, накосил на острове племяш Андрианыча, а бабка по дороге захватила. Она причаливает к бакену, вынимает из фонаря вчерашнюю лампу, засвечивает и ставит новую, отбрасывает веслом нацеплявшиеся на бакен плети водорослей. Вспыхивают лампочки и на нашем пароходе.

За поворотом белеется в темноте пост Андрианыча, и тут Иван Дмитрич подзывает капитана, требует, чтоб он высадил его у поста.

— Можете,— говорит он рентгенологу,— не шагать сюда с пристани. Кайку беру я.

Он поворачивается к нам осанистой своей спиной, привычным движением вынимает маленькую книжицу из управления пароходством, в ладони показывает капитану, и тот, виновато глянув на рентгенолога, на нас: «Ничего, мол, не поделаешь»,— останавливает пароход. Матрос спрыгивает в тяжелую лодку-завозню, чтоб взять Ивана Дмитрича, но тот не садится, раздраженно зовет своего спаньеля. Собаки нет.

— Сучка сбежала.

— Да то она подохла от такого хозяина...

— Совесть за хозяина загрызла. Сам же спичками конался с человеком, а теперь вот как!— вмешиваются в дело тетки, хором орут в темноту берега: — Андрианыч! Кум! Не давай этому толстому кайку!

Людей на палубе начинают облеплявать комары, пароход боком ползет на камыш, капитан поворачивается к Ивану Дмитричу:

— Вы ж соображайте, что происходит! Видите, куда сбиваемся?

Иван Дмитрич, не отвечая, бежит от скамьи к скамье. Щенка нет. Под бортом явственно трещит приминаемый камыш.

— Что я вам, наконец? — взвизгивает капитан.— Кукла какая? На мель премся. Ясно? — и кричит помощнику: — Вперед до полного!

Через минуту Ржаненко спрашивает Ивана Дмитрича:

— Это, случаем, не ваша собачка в мой мешок забралась? — Он вытаскивает спаньеля, подходит ближе и советует: — Доедем до места, так вы там не высаживайтесь на берег. Смотрите, помнет еще кто нечаянно. Переночуйте на пароходе, а зорькой в Ростов... Эх, погода дюже хорошая!

В самом деле—погода!.. Воздух пахнет теплым разломленным огурцом, и два звездных неба — одно вверху, другое под нами, на воде,— смешиваются с огнями близкого Кагальника. Хлюпает за бортом волнишка, должно быть, уже солоноватая — ведь вот оно, рядом море... Где-то на берегу, беспокоя сердце охотника, хрипло крячет селезень, то ли свойский, то ли дикарь, подсевший к ночующим домашним уткам. Палуба подрагивает от хода, и чернявая дивчина, голову которой не отличишь уже от головы нашего ленззаводского фрезеровщика, напевает, наверно, одному лишь ему:

Ты подуй, подуй,
Ветер ни-и-изо-овой...

АНСАМБЛЬ ПЕППИНО Д'ИНТИНО ЕДЕТ НА ФЕСТИВАЛЬ

Из Рима в Москву едет римский джаз «Нью-Орлеан». Этот итальянский джазовый ансамбль посетит Советский Союз в дни Всемирного фестиваля молодежи и даст концерты в Москве и Ленинграде.

Оркестром руководит Пеппино д'Интино. Ему 33 года. Раньше он изучал медицину в Римском университете, а потом продал все свои учебники по анатомии, чтобы посвятить себя джазу.

Он очень доволен, что едет в Советский Союз. «Я уверен, что это будет незабываемое путешествие, которое даст нам возможность познакомиться ближе с прекрасной классической и джазовой музыкальной культурой.

Ансамбль Пеппино д'Интино встретился с советскими туристами в Риме. Встреча была очень теплая. Советские туристы и джазисты обменялись автографами. На снимке: внучка Максима Горького — Марфа Максимовна — дает автограф контрабасисту Карло Лоффредо.

Фестиваль будет парадом молодых людей всех рас, объединенных высокими идеалами братства и всеобщей солидарности. Прекрасная мечта скоро осуществится, и мы с нетерпением ждем отъезда».

Пеппино д'Интино рассказал нам историю своего джаза, возникшего в 1949 году. Вначале им приходилось трудно — было много энтузиазма, но мало денег. Они репетировали по ночам в какой-то мастерской до тех пор, пока соседи, проводившие из-за адской музыки ночи без сна, не обратились в комиссариат.

Оркестр должен был покинуть этот «зал» и для привлечения публики перенес свои выступления на улицы Рима.

В один прекрасный день они расположились, играя во всю мочь, на лестнице площади Тринита деи Монти, вызвав приступ ярости полицейских, которые были весьма склонны арестовать их как нарушителей спокойствия.

Дела шли плохо, но вскоре все образовалось. В Италию прибыл знаменитый джазовый трубач Льюис Армстронг. Негритянский музыкант был поражен талантливым исполнением джаза и дал ему имя «римский джаз Нью-Орлеана».

Теперь оркестр пользуется известностью не только в Италии, но и в других странах.

Джаз в Италии пока считается музыкой для избранных. Это — ошибочное мнение, и против него старается бороться Пеппино д'Интино, исполняя настоящую незатейливую джазовую музыку периода ее возникновения. Это музыка, хватающая за душу, выражающая страдания негров, угнетенных рабов, стонущих под ударами кнута на американских хлопковых плантациях.

Поэтому репертуар римского джаза состоит из блюзов «Нигро спиричюэлс».

В Москве и Ленинграде джаз исполнит: «Бэзин-стрит блюз», «Пердидо-стрит блюз», «Канал-стрит блюз», то есть блюзы, носящие имена улиц Нью-Орлеана, где ютится нищета, где велико человеческое страдание, где неудержимо возмущение против угнетателей и эксплуататоров.

Особенно выразительна музыка «Когда святые маршируют» — это гимн надежды и равенства всех рас.

Ансамбль Пеппино д'Интино тщательно готовится к концертам в Москве и Ленинграде. Он не хочет обмануть ожидания советской публики и с нетерпением ждет отъезда из Рима.

Участники римского джаза «Нью-Орлеан» (слева направо): Пуччо Сбото — рояль, Карло Лоффредо — контрабас, Билл Джильморе — труба, Пеппино де Лука — тромбон, Джанни Санджюст — кларнет, Пеппино д'Интино — ударник.

Рим.

Орацио БАРРЕЗЕ

«ЗДРАВСТВУЙ, КАЖДЫЙ НОВЫЙ ДРУГ!»

12 мая женщины Лондона вышли на демонстрацию, чтобы потребовать у своего правительства запрещения испытаний атомного и водородного оружия. Они молча шли по улицам города, молодые и старые, матери и девушки, одетые в темную одежду — траур по грядущим поколениям, которым может грозить смерть и болезни.

Об этой демонстрации рассказывает в своем письме москвичке Инне Хустовой — участнице самодеятельного молодежного хора ЦДРИ — лондонская девушка Надя. «Мы шагали под проливным дождем... — продолжает рассказ Надя.— А потом собрались в Трафальгар-сквере на митинг...»

Письмо кончается сообщением другого рода: «...Мы деятельно готовимся к поездке в Москву... сейчас разучиваем русскую песню «Коробейники» из того сборника, который вы нам так любезно прислали в подарок».

Юная жительница Лондона состоит в молодежном хоре города. Лондонский хор теперь собирается приехать на Московский фестиваль.

Это не первое Надино письмо. Переписка с нею возникла года полтора назад. Пишет в Москву не только Надя. Чаще получаются письма от имени всего коллектива. Москвичи охотно и подробно отвечают на такие коллективные обращения, проникнутые дружеским теплом. В последних письмах речь идет главным образом о VI фестивале.

Молодежь лондонского хора готовит новую «Московскую программу», усиленно собирает деньги на поездку. «На следующей неделе,— сообщается в одном из писем,— мы будем петь на рынке в Уэст-Энде, где в позапрошлом году перед Варшавским фестивалем мы собрали много денег. Мы будем петь там в день получения заработной платы, потому что в этот день люди всегда бывают добрее... В конце письма еще раз хотим поздравить вашего переводчика с чудесным английским языком... и мы склоняем голову от стыда, что мы не можем написать вам по-русски... Скоро мы будем в Москве!»

«Мы ждем вас, дорогие друзья, — отвечают москвичи,— сообщите, когда примерно вы думаете приехать... А пока нам хочется поделиться с вами большой радостью». И москвичи рассказывают о том, что молодежный хор ЦДРИ, которым с момента основания руководит Е. А. Лобачева, занял первое место на Московском смотре художественной самодеятельности. Хор ЦДРИ будет участвовать в открытии VI Всемирного фестиваля, на Празднике труда. Этот праздник состоится на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

К фестивальным празднествам хор ЦДРИ готовит две программы. Одна называется «Россия — родина моя» и состоит из народных и классических, русских и советских песен: «Уж как пал туман...», «Гибель Варяга» и других. Специально для этого хора написали песни композитор В. Мурадели — «Россия — родина моя» и М. Фрадкин — лирическую песенку «О чем вздыхают над рекой». Вторая программа называется «Здравствуй, каждый новый друг!». В ней — итальянские, негритянские, английские песни, японская — «С нами Токио и Москва», арабская — «Египет — моя мать» и много других. Песни будут исполняться на восьми языках.

Лондонцам придется состязаться не только с москвичами. Кто-то победит? «А пока до скорой встречи... Надеемся, что вы закажете солнце на все время фестиваля, ведь в Лондоне оно редкий гость!» — так заканчивается последнее письмо, присланное из Лондона.

Т. ТРОИЦКАЯ

Молодежный хор Центрального Дома работников искусств.

Фото Е. Явно.

РЕДКИЕ ФОТОГРАФИИ

Л. НИКУЛИН

Могучие ветви русской культуры — литература и музыка — издавна родственны и близки друг другу. Следует вспомнить о дружбе Глинки с великими русскими писателями, поэтами. Известно, что Антон Павлович Чехов поддерживал теплые, дружеские отношения с Петром Ильичом Чайковским и ценил замечательное дарование еще молодого в то время Сергея Васильевича Рахманинова.

23 сентября 1898 года Чехов пишет сестре Марии Павловне:

«Милая Маша, возьми 1 экземпляр «Мужики» и «Моя жизнь», заверни в пакет и в Москве, при случае, занеси в музыкальный магазин Юргенсона или Гутхейля для передачи «Сергею Васильевичу Рахманинову». Или поручи кому-нибудь занести».

Чехов верил в литературный вкус композитора и ценил его мнение.

В литературных записях писателя Ивана Алексеевича Бунина есть такая заметка:

«В библиотеке Чехова хранится «Фантазия для оркестра» Рахманинова. Надпись такова: «...автору рассказа «На пути», содержание которого с тем же эпиграфом служило программой этому музыкальному произведению. 9 ноября 1898 г.».

Теплые, дружественные отношения связывали Сергея Васильевича Рахманинова с Буниным. Фотография, на которой запечатлены Иван Бунин и Рахманинов на юге Франции, относится к 1926 году. В воспоминаниях Бунина встречам с композитором уделена страница, написанная с присущими этому большому русскому писателю яркостью, глубиной и талантом.

Приводим воспоминания Бунина о встречах с Рахманиновым.

С. В. Рахманинов и И. А. Бунин. 1926 год.

И. А. Бунин. 1930 год.

Рахманинов

При моей первой встрече с ним в Ялте произошло между нами нечто подобное тому, что бывало только в романтические годы молодости Герцена, Тургенева, когда люди могли проводить целые ночи в разговорах о прекрасном, вечном, о высоком искусстве. Впоследствии, до его последнего отъезда в Америку, встречались мы с ним от времени до времени очень дружески, но все же не так, как в ту встречу, когда, проговорив чуть не всю ночь на берегу моря, он обнял меня и сказал: «Будем друзьями навсегда!» Уж очень различны были наши жизненные пути, судьба все разъединяла нас, встречи наши были всегда случайны, чаще всего недолги и была, мне кажется, вообще большая сдержанность в характере моего высокого друга. А в ту ночь мы были еще молоды, были далеки от сдержанности, как-то внезапно сблизились чуть не с первых слов, которыми обменялись в большом обществе, собравшемся, уже не помню почему, на веселый ужин в лучшей ялтинской гостинице «Россия». Мы за ужином сидели рядом, пили шампанское Абрау-Дюрсо, потом вышли на террасу, продолжая разговор о том падении прозы и поэзии, что совершалось в то время в русской литературе, незаметно спустились во двор гостиницы, потом на набережную, ушли на мол,— было уже поздно, нигде не было ни души,— сели на какие-то канаты, дыша их дегтярным запахом и этой какой-то совсем особой свежестью, что присуща только черноморской воде, и говорили, говорили все горячей и радостнее уже о том чудесном, что вспоминалось нам из Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Майкова... Тут он взволнованно, медленно стал читать то стихотворение Майкова, на которое он, может быть, уже написал тогда или только мечтал написать музыку:

Я в гроте ждал тебя в урочный час.
Но день померк; главой качая сонной,
Заснули тополи, умолкли гальционы:
Напрасно!.. Месяц встал, сребрился и угас;
Редела ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяные врата
Младого дня, из кос своих роняла
Златые зерна перлов и опала
На синие долины и леса...

И. А. БУНИН

На поиски легендарного клада

В горах Памира немало пещер, еще ожидающих своих пытливых и смелых исследователей. Одни из них славятся целебными источниками, в извилистых ходах других можно обнаружить давно заброшенные рудники, из темных отверстий третьих, как говорят предания, по ночам выходят огромные чудовища и охотятся в окрестных горах. Среди всех сказаний и самых интересных горных легенд наиболее удивительная и волнующая — легенда о сокровищах, которые хранятся в неприступной пещере горы Калак-Таш.

Вот что рассказывает эта легенда... Неподалеку от горы Калак-Таш, к берегам озера Ранг-Куль добрались смертельно усталые отряды китайского войска. Они везли с собой несметные сокровища. Неожиданно выпал глубокий снег. Голод не щадил ни людей, ни животных. От бескормицы начался падеж лошадей. И вот однажды ночью из лагеря бежали союзники китайцев. Чтобы не допустить погони, они перерезали жилы на ногах у оставшихся лошадей. Над китайскими отрядами нависла неминуемая гибель. Тогда, чтобы уберечь сокровища, было решено использовать пещеру, которая чернела на высоком отвесном склоне горы. Было приказано воинам изрубить трупы лошадей и из кусков мяса, прикладываемых к промерзшему склону горы, сделать лестницу к самому входу в пещеру. Так и были захоронены сокровища. Китайские отряды вскоре же погибли в горах. А весной лестница оттаяла, куски мяса упали вниз, и пещера снова стала неприступной.

С конца прошлого века много раз предпринимались усердные попытки проникнуть в загадочную пещеру, но безуспешно.

На днях для обследования легендарной пещеры отправилась специальная экспедиция, оснащенная всеми необходимыми средствами. Экспедицию возглавляет академик И. Е. Тамм.

Нами получено письмо из поселка Мургаб, Горно-Бадахшанской автономной области, от участника Памирской геологической экспедиции В. М. Кислова, который сообщает следующее:

Группа работников нашей экспедиции на автомобиле-вездеходе, сопровождаемая проводником из местных жителей, осмотрела месторасположение пещеры. В юго-восточном направлении, на расстоянии двух километров от озера Ранг-Куль, возвышается обрывистый хребет. Узкая долина, носящая название Салык-Таш, разделяет этот хребет на две части — западную и восточную. Ближайшая гора в восточной части хребта называется Калак-Таш. Склоны ее с юга, севера и запада представляют собой почти отвесные обрывы. В середине более чем двухсотметрового обрыва, на северном склоне, виднеется пещера, хранящая, по преданию, огромные количества золота, серебра и других драгоценностей.

В двадцати метрах ниже и правее первой, главной пещеры находится вторая и, наконец, в пятнадцати метрах над каменистой осыпью, у подножия обрыва,— третья пещера, в которую может проникнуть ловкий альпинист при помощи обычных приспособлений. Предполагается, что в последних двух пещерах кладов нет.

Вход в главную пещеру имеет не менее десяти метров в высоту и столько же в ширину. Более чем наполовину он заложен камнями, причем даже невооруженным глазом видно, что это не просто естественный завал, а самая настоящая выкладка, сделанная руками человека. Сверху на нее ветром нанесло немного снега.

Над главной пещерой склон горы постепенно выдается вперед, образуя значительный выступ. Это обстоятельство, по нашему мнению, исключает возможность проникновения в пещеру с вершины при помощи троса, так как смельчак, спустившийся таким образом, повиснет над бездной в десятке метров от входа в пещеру.

Мы пришли к общему убеждению, что наиболее верный и безопасный способ овладеть заветной пещерой — это пробить тропу вдоль карниза от третьей ко второй пещере и затем из второй проложить наклонный подземный ход прямо в пещеру сокровищ. Такую работу смогут выполнить за один — два месяца несколько рабочих, применив взрывчатку.

Наш проводник уверял, что видневшиеся повсюду кости животных у подножия горы представляют собой остатки тех лошадей, мясо которых много веков назад послужило лестницей для смелых и находчивых китайцев.

Предание о кладе в пещере на горе Калак-Таш известно всюду на Памире. Памирские геологи с интересом ждут искателей китайского клада и со своей стороны готовы оказать им всяческую помощь.

В. КИСЛОВ,
участник Памирской геологической экспедиции.

Гора Калак-Таш. В середине ее виден вход в пещеру сокровищ (+). Двумя крестиками обозначена вторая пещера, тремя — третья. Обратите внимание, как выглядят в сравнении с высокой скалой машина и люди внизу.

Фото автора.

«Васко да Гама» проигрывает:

Киевскому «Динамо»

Первый свой матч у нас бразильские футболисты клуба «Васко да Гама» провели в Киеве. Они встретились с местной командой общества «Динамо». Матч закончился победой киевлян со счетом 3:1. На нашем снимке — момент у ворот команды «Васко да Гама». Вратарь Э. Одой берет мяч.

Фото В. Сычева (ТАСС).

Московскому «Динамо»

Москвичи в последние годы видели много первоклассных европейских и южноамериканских футбольных команд. Каждая из них имела свой стиль и свою манеру игры, и все они показали высокую технику владения мячом.

Можно вспомнить артистическую игру венского «Рапида», легкость и грациозность итальянской «Фиорентины» и французской «Жиронды», простоту и экономичность движений футболистов английских клубов. Однако никто не мог показать нам столь виртуозного обращения с мячом, как это сделали все игроки «Васко да Гама». Они, казалось, не применяли никаких усилий для того, чтобы принять, «обработать» и направить мяч в нужном им направлении и с нужной силой.

Техническое совершенство бразильских спортсменов — это их природное свойство, характер. Это та основа, без которой немыслим южноамериканский футбол. Однако у других команд мы не видели такого кричащего, можно сказать, антагонистического противоречия между техникой обращения с мячом и скоростью в игре.

Бразильцы — виртуозы футбольного мяча лишь на определенной, не очень высокой скорости. Но они теряют контроль над мячом, как только игра переходит в другой, более высокий регистр.

Они все время искусственно сдерживали свой южноамериканский темперамент, дабы не пострадать от темперамента русского.

Мы это отчетливо видели в матче «Васко да Гама» с московскими динамовцами.

Нужно сказать, что тактика бразильцев не была бесплодной. Подолгу владея мячом, они становились «хозяевами темпа» и вели выгодную им игру. Началась долгая, «позиционная война», борьба за каждую пядь футбольного поля.

Напуганные поражением в Киеве, руководители «Васко да Гама» уделили особое внимание своим тылам, оттянув назад двух полузащитников — О. Корнеро и О. Песанья. Это значительно затрудняло игру московским нападающим.

В свою очередь, бразильцы натолкнулись на «линию Крижевского», действующую на дальних подступах к воротам четко и безотказно. По существу, штрафная площадка динамовцев была запретной зоной для бразильцев.

Мы увидели редкий футбольный матч, в котором обе стороны больше беспокоились о своих воротах, чем угрожали чужим. Так продолжалось все время. Лишь за пятнадцать минут до финального свистка наступила развязка. Левый инсайд «Васко да Гама» Вальтер Керос послал в ворота мяч такой силы, что даже Л. Яшин не смог его удержать. Гол! Но хотя мяч влетел в ворота динамовцев, он стал роковым для бразильцев, ибо сыграл роль своеобразного гонга к контратаке. Нападающие москвичей ринулись вперед. Словно демонстрируя избыток энергии, они на большой скорости вели наступательные действия. Казалось, с их ног сняты гири, так мешавшие им до сих пор. С другой стороны, видно было, что у защитников «Васко да Гама» иссякли запасы прочности и они, потеряв контроль над своими нервами, походили на школьников, забывших урок.

Десятиминутного напора динамовцев оказалось достаточно, чтобы разрушить тактический замысел гостей. Натиск был насыщен событиями, полными драматизма для «Васко да Гама». Три мяча влетело в их ворота. Таков был ответ москвичей. Бразильцы проиграли еще раз.

Осталась последняя надежда — встреча со «Спартаком».

М. МЕРЖАНОВ

Матч «Динамо» — «Васко да Гама». Опасный момент у ворот бразильцев.

Московскому «Спартаку»

Я не специалист, я просто любитель футбола — рядовой болельщик и поэтому не могу предложить читателям квалифицированного разбора игры. Я могу только рассказать о своих переживаниях, а это, может быть, интересно потому, что десятки тысяч людей, сидевших в этот вечер на стадионе имени Ленина, переживали примерно то же и примерно так же, как и я.

Была тяжелая для нас, зрителей, игра. Уже много раз говорили и писали о московских болельщиках, как о справедливых, объективных и в то же время горячих любителях спорта. И если иногда в игре той или иной футбольной команды мы видим вялость, отсутствие настойчивости и воли к победе, то команда болельщиков футбола при всяких обстоятельствах болеет в полную силу своего темперамента, во всю силу своей любви к спорту.

Мне не довелось видеть ни одного футбольного состязания, которое болельщики провели бы халтурно, безразлично, сберегая свои силы и эмоции. Поэтому нынешний матч достался нам очень тяжело.

После первого тайма ко мне подошел пожилой человек с расстроенным лицом. Пристально посмотрев на меня и, должно быть, прочитав на моей физиономии то же, что чувствовал сам, он махнул рукой и решительно сказал:

— Пойдем, пойдем отсюда, этак можно и инфаркт заработать.

Я действительно испугался. Время от времени стал прислушиваться к тому, как бьется у меня сердце, и после особенно яростных своих выкриков спохватывался, прижимал руку к груди, пытался унять волнение хоть ненадолго.

В первой половине игры мы боялись поражения. Спартаковцы решили, очевидно, бить своих противников их же оружием — индивидуальной техникой, но... увы, они были в этом слабее своих гостей. Слабее, как ни грустно в этом признаться.

Настоящий болельщик предан своей команде беззаветно. Он не бросает ее и тогда, когда она проигрывает. Болельщик огорчается, расстраивается, начинает ругать свою команду, но он не изменяет ей. Поэтому наши переживания в первом тайме были еще более сильны, чем обычно. Затаив дыхание, мы ждали поражения «Спартака». Смуглые игроки в полосатых чулках и с темными перевязями через плечо часто оказывались в опасной близости у наших ворот, точно передавали мяч друг другу, деятельно трудились на поле и только в завершении своих атак были несколько нерешительны. Все же нашему вратарю Валентину Ивакину приходилось быть все время начеку. Он был стоек, внимателен, быстро и резко реагировал на игру и смело выходил на мяч.

Во второй половине матча болельщикам стало легче. Проснулся боевой дух спартаковцев. Сопротивление их стало крепче, нападение — стремительнее. «Спартак» был быстр, решителен, находчив. Это сразу же передалось всему стадиону. Он повеселел, зажегся, хотя весь матч зрители провели безукоризненно, честно аплодировали гостям за их прекрасную технику, честно свистели нашим нападающим, мазавшим по воротам «Васко да Гама». Но даже вежливость хозяев и прославленное наше гостеприимство не помешали зрителям так же громко судить своих гостей, когда их защитник вцепился обеими руками в трусы нашего игрока и въехал за ним на буксире в штрафную площадку.

Игра закончена. И хоть, по словам бразильцев, они привыкли побеждать чемпионов, но на этот раз им это не удалось. Почему? Команда «Васко да Гама» утверждает, что это случилось только потому, что это была их... тринадцатая по счету игра. Не будем с ними спорить. Тем более, что, проиграв на футбольном поле, они явно выиграли на дружеском банкете, состоявшемся в тот же вечер. Вооружившись музыкальными инструментами, команда «Васко да Гама» предстала перед советскими спортсменами как вполне квалифицированный джаз-оркестр, исполнявший народные песни своей далекой страны. Проигравшие и победители объединились в один товарищеский коллектив спортсменов.

И это самый большой выигрыш спортивных встреч. Выигрыш, которому могут радоваться и победители и побежденные.

Борис ЧИРКОВ, народный артист СССР.

Так бразильский защитник Дарио удерживал прорвавшегося М. Огонькова.

Матч «Спартак» — «Васко да Гама». С. Сальников головой забивает мяч.

Фото А. Бочинина.

ТРИНАДЦАТЬ МАТЧЕЙ

После того, как футболисты одного из сильнейших бразильских клубов, «Васко да Гама», покинули Рио-де-Жанейро, они провели 13 соревнований, из них 10 выиграли.

Ниже мы приводим таблицу игр.

«ВАСКО ДА ГАМА» ВЫИГРАЛА У:

1. «Пельисен» (о. Кюрасао) — 2:1.
2. «Хакоа» (Нью-Йорк) — 6:2.
3. «Ресинга» (Париж) — 3:1.
4. «Реала» (Мадрид) (чемпион Испании и чемпион турнира европейских чемпионов) — 4:3.
5. «Атлетико» (Бильбао) — 4:2.
6. Команды Валенсии (Испания) — 3:1.
7. Команды Барселоны (Испания) — 7:2.
8. Команды Валенсии (вторично) — 2:0.
9. «Бенфико» (Лиссабон) (чемпион Португалии) — 5:2.
10. «Испаньолы» (Испания) — 3:1.

«ВАСКО ДА ГАМА» ПРОИГРАЛА:

11. «Динамо» (Киев) — 1:3.
12. «Динамо» (Москва) — 1:3.
13. «Спартаку» (Москва) — 0:1.

Команда «Васко да Гама» улетела в Бразилию.

Николаевские голуби в Подмосковье.

Голубятники

Рассказ о тех, кто взовьется в фестивальное небо, мы начнем не с московских, а с николаевских голубей. Они прибыли в столицу в специальном вагоне по железной дороге и поселились на одной из подмосковных птицеферм. Здесь голубеводы тренируют птиц. Вот в воздух взмывает большая стая. Голуби поднимаются строго по вертикали и повисают в вышине. Проходит минута, десять, тридцать — птицы держатся все в той же точке, словно привязанные.

— Это тучерезы,— поясняют голубеводы из Николаева Л. Поддубенко и В. Руленко. — Наша порода, николаевская. По восемь — десять часов могут держаться в воздухе, почти не отклоняясь от линии взлета.

В день открытия Всемирного фестиваля на зеленом поле Центрального стадиона студенты-спортсмены составят пирамиду в форме вазы, из нее вылетят тучерезы. Каждая партия птиц подобрана по цвету. Так и будут висеть они разноцветными волнами в продолжение всего торжества.

В этот день над трибунами взлетят около тридцати тысяч голубей. Если их усадить в ряд, потребовался бы насест в шесть километров! В Москве свыше пятисот общественных и огромное количество индивидуальных голубятен. Кроме того, работают десять клубов голубеводов.

Однажды в библиографическом отделе одной из публичных библиотек читатель задал вопрос: почему голубя называют символом мира? Дежурная не нашла ответа в книгах.

— А вы обратитесь к профессору Ларионову,— посоветовали читателю.— Это известный ученый-голубевод.

Профессор В. Ларионов.

Профессор Московского университета Вячеслав Федорович Ларионов действительно знает о голубях почти все. Он рассказал нам о древнем предании. Бог войны Марс, собираясь в поход, обнаружил, что в его шлеме голубка свила гнездо. Боясь потревожить голубку, грозный сеятель смерти отложил поход. С тех пор, говорится в предании, голубя стали считать символом мира. Люди полюбили птицу за изящество, красивое оперение и привязанность голубя к голубке.

Профессор знакомит нас с голубиным питомником МГУ, который расположен среди пышной зелени в Останкине. Питомник создан в 1930 году, и с тех пор работает в нем Ларионов. В вольерах питомника сотни птиц, здесь двадцать пять разновидностей голубей. Среди них выделяется изящный белоснежный голубь с удлиненным туловищем и сильными крыльями. Эта птица, выведенная в питомнике, названа «Голубем мира».

Разные люди выпустят в фестивальное небо своих голубей. И самые страстные, самые многочисленные среди них поклонники голубиного спорта, конечно, ребята. Вот, например, школа № 551, на южной окраине Москвы. Уже три года там работает кружок юных голубеводов.

— Мысль создать кружок нам подал сам голубь, — говорит старший вожатый В. Гоцев.— Накануне Нового года в одном из классов я устанавливал елку. Вдруг вижу между рамами птицу. Это оказалось не чучело, а замерзший голубь. Мы его отогрели, накормили, и первый наш голубь поселился в пионерской комнате. Чтобы ему не было скучно, ребята принесли в школу еще одного голубя, и как-то сам собой собрался кружок голубеводов. Чем они занимаются? Решили ребята вырастить к фестивалю пятьдесят голубей. А сейчас их уже восемьдесят. Мы тренируем их в полетах, приучили к ориентирам, устраиваем соревнования на скорость. Сейчас идет борьба за первенство между голубкой Стрелой и сизым драконом Гонцом...

На Большой Спасской улице в доме № 45 живет пенсионер П. Н. Майоров.

— Мне пятьдесят восемь лет, — говорит Павел Никитович. — Разведением голубей занимаюсь с 1912 года. Сейчас у меня восемьдесят голубей различных пород.

Поднимаемся на чердак сарая, в голубятню.

— С голубями чувствуешь себя молодым, — шутит Майоров. — Вот мои чайки почтовые, венские, бельгийские, китайские. Я стремлюсь сохранить чистоту любой породы. Влюблен, по-стариковски влюблен! Одно время даже боялся подумать, что расстанусь с ними хоть на час. А потом представил фестивальное небо и сказал себе: «Чудак, разве можно что-нибудь жалеть для такого праздника!».

Т. АЙРАПЕТЯН
Фото О. КНОРРИНГА.

Останкинская порода «Голубь мира».

Голубятня в доме № 4 по Вятской улице в Москве.

ТАК ОДЕВАЮТСЯ В ИЛОВКЕ

Степное русское село. За околицей калина, машет крыльями потемневший от времени ветряк. По молодому парку под руку с парнями гуляют девушки в ярких платках, в темных сарафанах с белыми узорчатыми передниками и красными поясами.

— Наверное, фестиваль или какой-нибудь слет художественной самодеятельности,— вслух подумал шофер, кивнув в сторону красивого здания клуба, куда потянулась молодежь.

Нечто подобное мы увидели на другой день в поле, где сеяли кукурузу. Издали казалось, что на черной пашне неожиданно расцвели красные маки: девушки работали в ярко-красных с узором кофтах и таких же передниках. От них я узнал, что вчера никакого фестиваля в селе не было. Просто каждое воскресенье и каждый праздник в селе «вот так одеваются». А нынешний костюм — рабочий.

Некоторые подумают: это, наверное, какое-нибудь глухое село, где и живут-то по старинке.

Как раз наоборот. Посмотрите на снимок. Это центральная улица села Иловки, Алексеевского района, Белгородской области. Во всю улицу тянется посаженный недавно парк. Белое здание на переднем плане — колхозный дом агрикультуры, а дальше — клуб. Да какой! Огромное здание с красивой колоннадой, с просторными фойе и зрительным залом. Иной город позавидует такому клубу. В селе две школы, больница, родильный дом, радиоузел, библиотека. И рядом с радиоприемниками и электричеством, лекциями по агротехнике и яркими афишами кино, рядом с колхозными «ЗИМами» и электродоильными аппаратами уживается кусочек русской старины.

На нижнем снимке вы видите, как идет на работу звеньевая Раиса Качанова. На ней красная блузка и такой же передник с орнаментом из узких цветных ленточек, темная юбка и темная жилетка, опять же с убором из ленточек. Все — из дешевой материи. Ярко и красиво! Есть в Иловке очень опытные мастерицы шить такие костюмы. Их умению плести кружева, вышивать яркие узоры приезжали учиться из „московского Дома моделей. В селе же, по традиции, каждая девушка должна уметь сшить себе нарядный костюм.

Любопытно, что одежда парней и девушек идет «не в ногу». У молодого колхозника вполне современный костюм. Праздничный убор девушек выглядит рядом со шляпами немного архаично. Но это никого не смущает. Так одеваются в Иловке!

В. ПЕСКОВ

Фото автора.

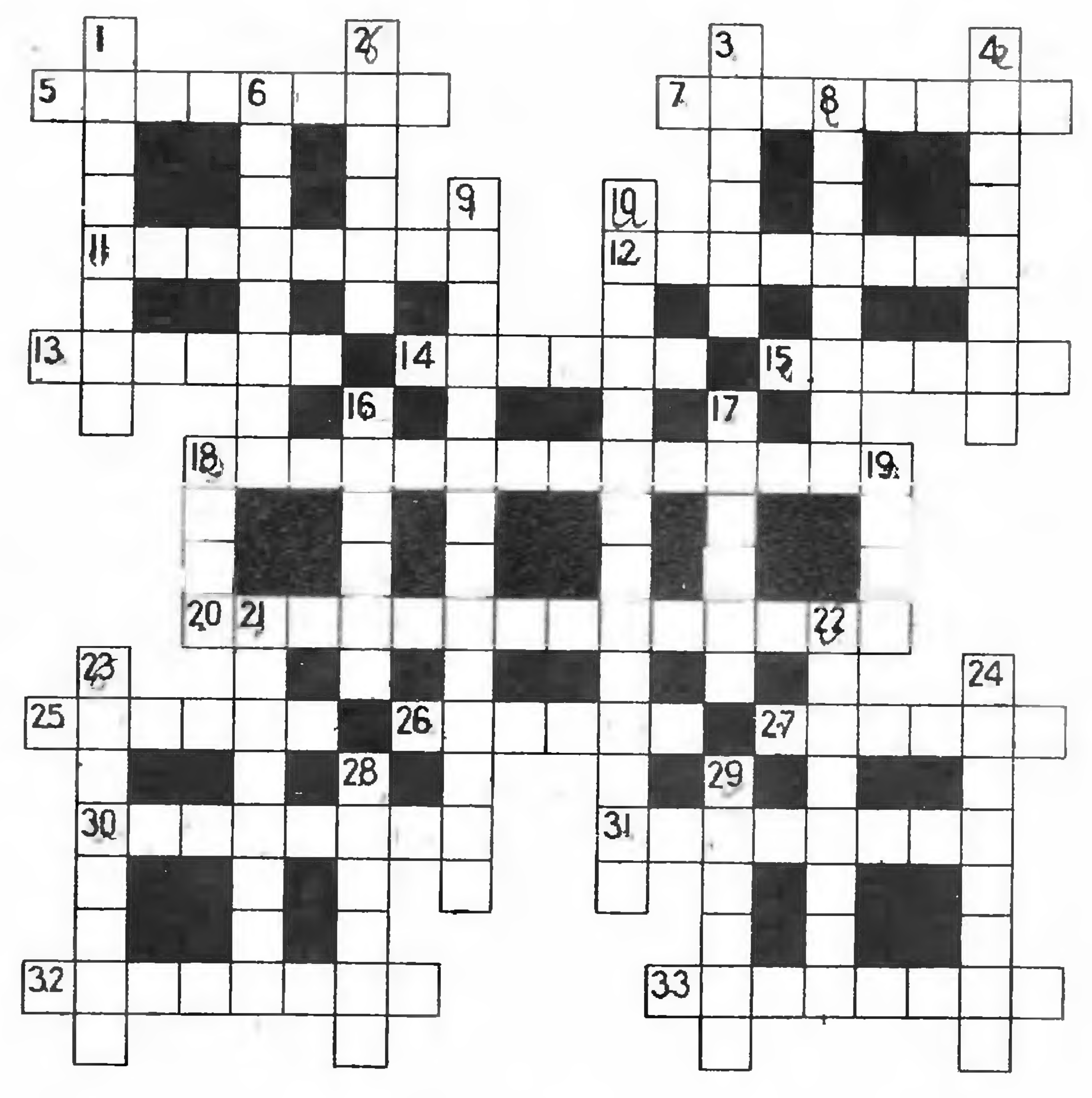

АРМЯНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Верблюда из ложки не напоишь.
Спящий кот мышь не поймает.
Цену золоту знает только ювелир.
Не все, что круглое, яблоко.
Ради яичницы и сковородку поцелуешь.
Кольцо должно быть по пальцу, а милый—по сердцу.
Сердце не скатерть: перед каждым не расстелешь.
И без петуха солнце взойдет.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автономная советская республика. 7. Металл, применяемый в производстве специальных сталей. 11. Механические сани. 12. Предварительный рисунок. 13. Рассказ М. Горького. 14. Типографский шрифт. 15. Метод научного исследования. 18. Раздел учения об электричестве. 20. Процесс приспособления организмов к новой среде. 25. Ягода. 26. Бесцветный газ с едким запахом. 27. Команда корабля. 30. Документ об окончании учебного заведения. 31. Остров Британской группы. 32. Сорт шерстяной ткани. 33. Коллекция.

По вертикали:

1. Праздник. 2. Песчаный холм. 3. Вид спорта. 4. Древнегреческий философ-материалист. 6. Грузовой автомобиль. 8. Родник. 9. Единица работы. 10. Составление описи имущества. 16. Город в Югославии. 17. Корпус артиллерийского снаряда. 18. Действующий вулкан. 19. Часть света. 21. Транспортер. 22. Литературный псевдоним А. И. Герцена. 23. Войсковое подразделение. 24. Архитектурное или скульптурное сооружение. 28. Часть электрических машин. 29. Почка, срезанная с растения для прививки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

5. Бастилия. 7. Проблема. 8. Турчанинова. 10. Орлан. 11. Октет. 12. Желна. 15. Фосфор. 16. Пресса. 17. Флобер. 18. Слоним. 22. Ганти. 23. Лубок. 24. «Фронт». 27. Репродукция. 28. Антрацит. 29. Тонфильм.

По вертикали:

1. Барограф. 2. Флора. 3. Лотос. 4. Амазонка. 6. Ямайка. 7. Припев. 8. Транспортир. 9. Александрия. 13. Ромео. 14. Кроль. 17. Фрагмент. 19. Мантилья. 20. Курорт. 21. Подуст. 25. Спица. 26. Сцена.

На вкладках этого номера репродукции картин В. Л. Боровиковского «Портрет М. И. Лопухиной», «Портрет Г. Р. Державина», «Старик, греющий руки у огня», М. К. Клодта «Вечерний вид в деревне», С. Ю. Жуковского «Мартовское солнце», А. В. Исупова «В старом Туркестане» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06611. Подписано к печати 17/VII 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 737. Заказ № 1793.

У реки.

Фотоэтюд А. Кузнецова.

ПУТЕШЕСТВИЕ—ЛУЧШИЙ ОТДЫХ

С туристской путевкой Центрального туристско-экскурсионного управления ВЦСПС каждый может совершить интересное путешествие по живописным горным районам Кавказа, Крыма, Урала, Алтая, Казахстана, Закарпатья, Сибири, по Карельскому перешейку и другим районам страны. Эти путешествия дают возможность хорошо отдохнуть, получить много интересных впечатлений.

Туристы идут пешком или плывут на лодках, ночуют в палатках, готовят себе пищу на кострах, любуются чудесными видами снежных вершин, пробираются через тайгу, поднимаются к ледникам, знакомятся с историей и экономикой районов путешествий.

Справки и консультации о маршрутах и о приобретении путевок на путешествия по СССР можно получить в организациях Центрального туристско-экскурсионного управления ВЦСПС:

Москва, ул. Кирова, д. 13,
Ленинград, бульвар Профсоюзов, д. 19,
Киев, ул. Ленина, д. 8, комната 10,
Тбилиси, ул. Саба-Сулхана, д. 11,
Таллин, ул. Пярну Маантээ, д. 41,
Рига, ул. 13 января, д. 3,
Симферополь, Проездная ул., д. 5,
Сочи, ул. Войкова, д. 19,
Пятигорск, пр. Кирова, д. 38,
Орджоникидзе, Ростовская ул., д. 11,
Свердловск, Пушкинская ул., д. 10,
Алма-Ата, ул. Карла Маркса, д. 43,

а также в туристских и экскурсионных базах ЦТЭУ ВЦСПС в городах Баку, Сталинграде, Ростове-на-Дону, Минске, Горьком, Ереване, Красноярске, Харькове, Одессе, Сталине, Львове, Бийске.

Центральное туристско-экскурсионное управление ВЦСПС организует также туристские поездки за границу: в Китайскую Народную Республику, Индию, Египет, Германскую Демократическую Республику, [illegible]